Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №22, апрель 2025 года

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ: 16+

1 – К 85-летию Великой Победы: «Москва, Кремль, товарищу Сталину», «Битва за Москву», «Сталинградская битва», «Бои за Берлин» - публицистика, стр. 2;
2 – Александр Макатревич: «Переправа», «До последнего патрона» - проза, стр. 6;
3 – Сергей Вдовин: «Привал», «До Победы оставалось 30 дней», «Кто ты, идущий вслед за мной?» - проза, стихи, стр. 10;
4 – Валентина Сабурова: «Наш герой» - публицистика, стр16;
5 – Татьяна Дмитриева: «Желаем победы!» - стихи, стр16;
6 – Владимир Черноусов: «Открывается Млечный Путь» - стихи, стр. 17;
7 – Владимир Окороков: «Битва за Диксон» - публицистика, стр18;
8 – «300 лет со дня смерти Царя Петра I Великого, первого русского реформатора» - публицистика, стр. 20;
9 – «Демидовы и их ДЕЛО в ЗЕМЛИЦАХ Сибирской и Кузнецкой - публицистика, стр. 23;
10 – Анатолий Гуляев: «Флаги на столбах», «Мусульмане не обманывают» - проза, публицистика, стр. 27;
11 – Людмила Танкова: «Вдали от центров цивилизации», проза, стр. 30;
12 – Ольга Танкова: «Дай, небо, мне любви!», стихи, стр. 33;
13 – Александр Колтаков: «Поле чудес» на берегах Бии» - проза, стр. 34;
14 – Виктор Савинков: «Мне под солнцем всегда хорошо» - стихи, стр. 36;
15 – Евгения Шкаева: «России милой тихая краса» - стихи, стр. 37;
16 – Анатолий Гуляев: «Он был весёлым и строгим», - публицистика, стр. 38;
17 – Виктор Давыдов: «Добрые сказки от дедушки Вити» - проза, стр. 41;
18 – Людмила Иванова-Выгловская : «Быть счастливой» - стихи, стр. 42;
19 – Григорий Афанасьев: «Полёт облаков в небе синем» - стихи, стр. 43;
20 – Владимир Неунывахин: «А помнишь, Витёк?..» - проза, стр. 44;
21 – Иван Горбаченко: «Как факел для грядущих поколений» - стихи, стр. 50;
21 – Елизавета Пшеничникова: «Мне говорила ромашка» - стихи, стр. 51;
22 – Анатолий Гуляев: «Разделяй и властвуй!» - публицистика, стр. 52;
23 – «Литературная жизнь Кузбасса» - публицистика, стр. 54;
22 – Сергей Гринберг: «Стихи на стенах Лейдена» - публицистика, стр. 56.

1945 - 2025 гг.
80-летию Великой Победы посвящается

ООО Редакция «Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».
Юридический адрес редакции: 653013, РФ, Кемеровская область-Кузбасс, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
ИНН/КПП 4223044383/422301001
ОГРН 1064223028572 от27.12.2006
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС12-1286 от 12.02.2007 г. Управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу
р/с 40702810900000001744
«БСТ-БАНК» АО
к/с № 3010 1810 000 000 000 706
БИК 043209706
р/с № 40702810900000001744
ОКПО 97770147
ОКАТО 32437000000
ОКТМО 32737 000
ОКФС 16
ОКОПФ 12300
ОКВЭД 22.1,22.11,22.12,22.13,22.15,51.47.2,58.13.1
Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, д. 56.
Директор/гл. редактор: Гуляев Анатолий Николаевич
тел.: 8 906 987 1955; e-mail: tanckova.lyudmila@yandex.ru
Технический редактор: Танкова Л.А.
Время сдачи в печать 28.04.2025г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00.
Дата выхода 30. 04. 2025 г.
Адрес типографии: АО «Советская Сибирь», г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1 «Г».
Газета распространяется на территории Кемеровской области.
Объём 14.0 п.л.; Заказ № 1785 ; Тираж 1000 экз.
Цена свободная.

22 июня 1941 года, ровно в 4 часа,
гитлеровские войска, вероломно вторгнувшись на территорию СССР, начали своё продвижение вглубь Советского Союза.
За один час до этого события бомбардировщики гитлеровских ВВС (люфтваффе) нанесли массированные бомбовые удары по многочисленным городам советских республик Украины, Прибалтики и Белоруссии: Киеву, Каунасу, Риге и многим другим.
К 10 июля 1942 года гитлеровские войска значительно продвинулись вглубь советской территории, ожесточённые бои развернулись на подступах к Луге, Смоленску, Киеву и Кишинёву.

Москва, Кремль, товарищу Сталину!

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала ВОВ, гитлеровская авиация впервые осуществила массированный авианалёт на Москву, который был сравнительно успешно отражён средствами ПВО Московского ВО.

24 июля гитлеровцы повторили бомбардировку Москвы и сбросили на город около 300 тонн фугасных и зажигательных авиабомб.

На фоне больших потерь в ВВС РККА министр пропаганды гитлеровской Германии Й. Геббельс объявил, что советская авиация разгромлена. Главкому гитлеровского люфтваффе Г. Герингу приписывают фразу: «Ни одна бомба никогда не упадёт на столицу Рейха!» (или: «Ни один вражеский бомбардировщик не сможет достичь Рура»), якобы сказанную им в сентябре 1939 года.

Тем не менее, в самом начале ВОВ командованием авиации советского Балтийского флота начал разрабатываться план нанесения авиаударов с Ленинградского авиационного узла по базе гитлеровского ВМФ в Пиллау.

После первых бомбардировок гитлеровцами Москвы командующий ВВС ВМФ СССР генерал-лейтенант С.Ф. Жаворонков предложил перенацелить подготовленные для данного удара силы – по Берлину!

Предложение поддержал главком ВМФ СССР, адмирал флота Н.Г. Кузнецов, о чём было доложено и Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину.

Авиаудар предлагалось нанести с военного аэродрома «Кагул», базировавшегося на острове Сааремаа, самой западной на тот момент точки суши, контролировавшейся советскими войсками.

7 августа в 21-00 (по московскому времени) с аэродрома «Кагул» поднялась в воздух особая ударная авиационная группа в составе 15 бомбардировщиков «ДБ-3» (ВВС Балтийского флота под командованием командира авиационного полка полковника Преображенского Е.Н.), снаряжённых авиабомбами «ФАБ-100» и листовками.

Полёт проходил над Балтийским морем на высоте 7000 метров.

За три часа полёта группа вышла к северной границе гитлеровской Германии.

При полёте над территорией Германии гитлеровские ПВО несколько раз обнаруживали в своём небе советские самолёты. Но принимая их за свои, зенитного огня по советским бомбардировщикам не открывали.

8 августа в 1 час 30 минут первые пять советских самолётов осуществили сброс авиабомб на хорошо освещённый Берлин, остальные самолёты отбомбились по берлинскому предместью и городу Штеттину.

Гитлеровцы настолько не ожидали авианалёта вражеской авиации на свою столицу, что включили светомаскировку города только лишь через 40 минут, когда советские авиабомбы уже поразили свои цели. После чего подключилась к работе и мощная берлинская ПВО.

При этом с советского командирского самолёта, прервав режим радиомолчания, была передана открытым текстом радиограмма: «Москва, Кремль, товарищу Сталину! Находжусь над логовом гитлеровской Германии! Берлин горит! Задачу выполнили. Возвращаемся на базу!».

В тот же день в четыре часа утра после семичасового полёта советские самолёты возвратились на свой аэродром без потерь.

Несмотря на то, что советский авианалёт особого ущерба и урона гитлеровской Германии не нанёс, тем не менее, он имел важный моральный

и психологический эффект, вызвал некоторое замешательство и в гитлеровской верхушке.

В тот же день по немецкому и берлинскому радио сообщили: «В ночь с 7 на 8 августа крупные силы английской авиации в количестве 150 самолётов пытались бомбить нашу столицу. Из прорвавшихся к городу 15 самолётов 9 сбито».

В ответ на германское паническое сообщение лондонское «Би-би-си» сообщило: «...Германское сообщение о бомбёжке Берлина интересно и загадочно, так как 7-8 августа английская авиация на Берлин не летала».

Совинформбюро 8 августа сообщило, что в ночь на 8 августа советская авиация успешно отбомбила Берлин.

В газете «Известия» сообщение о бомбардировке Берлина в этот же день завершилось словами: «...В результате бомбёжки в Берлине возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолёты вернулись на свои базы без потерь».

В свою очередь 10 августа в газете «Правда» было опубликовано посвящённое «обмену» сообщениями берлинских и лондонских СМИ юмористическое стихотворение С.Я. Маршака, проиллюстрированное рисунками Кукрыниксов.

Всего до 5 сентября 1941 года советские лётчики осуществили девять авианалётов на Берлин, совершив 86 самолётовылетов с участием 33 советских самолётов, при этом была сброшена 21 тонна авиабомб, что вызвало пожары в 32 местах гитлеровского Берлина и его окраин.

Кроме того, в первых авианалётах советских бомбардировщиков на гитлеровскую территорию 37 советских самолётов нанесли бомбовые удары по другим германским городам.

В общей сложности за время осуществления 9 авианалётов на Берлин и другие германские города было потеряно 17 советских бомбардировщиков и 7 экипажей. При этом два самолёта и один экипаж погибли на своём аэродроме, при взлёте с тысячекилограммовой авиабомбой и двумя пятисоткилограммовыми авиабомбами на внешних подвесках.

Бомбёжки Берлина в течение месяца сильно озаботили немцев. Гитлер в ярости требовал от своего верховного командования немедленного уничтожения советских военных аэродромов на островах Эзель и Даго и, в первую очередь, уничтожение аэродромов, с которых производятся налёты на Берлин.

За выполнение поставленных советским командованием задач по первым бомбардировкам гитлеровского Берлина и германской территории всем членам экипажей самолётов, принимавшим участие в этой военной операции, была выдана денежная премия в размере 2000 рублей.

Звания Героев Советского Союза были удостоены четыре лётчика: полковник Преображенский Е.Н., капитаны Гречишников В.А., Плоткин М.Н., Ефремов А.Я.; штурман флагманского самолёта капитан Хохлов П.И.

Орденами Ленина были награждены 13 человек, орденами Красного Знамени и Красной Звезды – 55 человек.

В сентябре 1941 года за бомбардировку Берлина были присвоены звания Героев Советского Союза ещё 5 военнослужащим, многие военнослужащие были награждены другими советскими орденами и медалями.

Битва за Москву

2 октября 1941 года главные силы гитлеровской группы армий «Центр» перешли в наступление по всему фронту против советских войск Западного и Резервного фронтов, которыми командовали генерал Конев И.С. и маршал Будённый С.М. На дальних подступах к Москве, на фронте более 700 километров, развернулись кровопролитные бои, положившие начало битве за Москву.

После начавшихся упорных боёв ударные группы гитлеровских войск, обладая численным превосходством, прорвали оборону советских войск и ускоренными темпами продолжили продвижение в сторону Москвы.

3 октября враг захватил Орёл и вышел в тыл Брянского фронта.

7 октября гитлеровские танковые соединения, прорвавшись к Вязьме, окружили войска четырёх армий Западного и Резервного советских фронтов. При этом окружённые советские войска оказывали сильнейшее сопротивление противнику и сковали вокруг себя 28 гитлеровских дивизий. В середине октября часть советских войск, прорвав вражескую оборону, вышла из окружения на Можайскую линию обороны РККА.

10 октября 1941 года оставшиеся войска Западного и Резервного советских фронтов были объединены в один Западный фронт РККА, командующим которого был назначен генерал Жуков Г.К.

От Орла до Тулы продвижение гитлеровцев вперёд несколько замедлилось, поскольку им были навязаны затяжные бои. Особенно стойко и умело воевала здесь 4-я танковая бригада под командованием полковника Катукова М.Е.

Советские танкисты в ожесточённых боях проявили высокое мастерство: в течение 8 дней советские танкисты 6 раз меняли свои оборонительные позиции вдоль шоссе Орёл – Тула. За это время советские танкисты уничтожили 133 гитлеровских танка, 49 артиллерийских орудий и много другой военной техники врага.

Отважно сражались на этом направлении и курсантские подразделения двух Подольских военных училищ (пехотного и артиллерийского), которые, заняв оборонительный рубеж западнее Малоярославца, в течение нескольких суток соорудили на своём участке обороны серьёзные оборонительные противотанковые позиции, подготовили несколько противотанковых опорных пунктов.

Кроме того, за позициями пехотных батальонов развернули свой артиллерийско-танковый резерв в составе двух артиллерийских батарей и четырёх танков «Т-34» («спрятанных» в обваловку). 12 и 13 октября курсантские батальоны успешно отражали атаки 3-й моторизованной дивизии гитлеровцев. Маневрируя своими силами и средствами, ударами противотанкового резерва, курсанты уничтожили 15 гитлеровских танков с десантом автоматчиков, прорвавшихся в глубину обороны. Вплоть до 20 октября курсантские батальоны упорно удерживали занимаемый рубеж обороны. После подхода на их позиции резервных частей РККА курсантские батальоны сдали им оборонительные позиции и вернулись в Подольск для продолжения учёбы.

К этому времени серьёзно обострилась обстановка западнее и северо-западнее Москвы.

14 октября гитлеровская танковая группировка захватила город Калинин (ныне город Тверь), после чего контрударом советских войск наступление гитлеровцев на этом направлении было остановлено.

17 октября Ставкой ВГК на Калининском участке был создан Калининский фронт, командующим был назначен генерал Конев И.С. В это же время, прорвав оборону советского Западного фронта, гитлеровцы захватили Волоколамск, Можайск, Калугу и подошли к Москве на расстояние от 100 до 80 километров.

19 октября ГКО вынес Постановление «О введении в Москве и прилегающих к ней районов осадного положения с 20.10.1941 года».

Оборона столицы на рубеже 100-120 километров была возложена на войска Западного фронта, а непосредственная оборона Москвы и подступы к ней – на войска Московского гарнизона.

В конце октября усилиями советских войск Западного и Брянского фронтов наступление гитлеровских войск на Москву было остановлено, фронт стабилизировался на рубеже: Волжское водохранилище-Волоколамск-Наро-Фоминск-Тула-Алексин. Таким образом, октябрьское наступление гитлеровских войск на Москву провалилось.

К этому времени в Подмосковье наступила холодная русская зима, к которой гитлеровские войска были подготовлены плохо, что заставляло Гитлера организовать новое и окончательное, как ему думалось и хотелось, победное завершение нерешённой московской проблемы. Не меняя позиций и намерений, Гитлер решил нанести сокрушительные удары по советским войскам подвижными объединениями своих 3-й и 4-й танковых групп с Волоколамско-Клинского направления; а 2-й танковой армией – ударить по флангам советского Западного фронта с Тульского направления. И, обойдя Москву, замкнуть кольцо окружения советской столицы с восточной её стороны.

Советское командование использовало гражданское население прифронтовой зоны Москвы для укрепления обороны прифронтовой полосы, по всем направлениям отрывались окопы и противотанковые рвы. На отдельных, наиболее опасных направлениях и участках, окопы вырывались сплошной линией. Вдоль всех шоссейных дорог, идущих к Москве, оборудовались противотанковые районы и рубежи.

В полосу Западного фронта подтягивались свежие воинские силы из резерва, действующие воинские части пополнялись новым личным составом и вооружением.

Восточнее Москвы формировались новые резервные армии РККА. Линии системы ПВО Москвы организовывались по принципу круговой обороны, с учётом максимального использования боевых возможностей истребительной авиации и зенитных средств, тесно взаимодействующих друг с другом.

Огромное влияние на поднятие морального духа войск и москвичей оказало празднование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, проведённое, как и в мирное время, 7 ноября 1941 года, парадом советских войск на Красной площади Москвы, несмотря на близость вражеского фронта.

...К середине ноября 1941 года гитлеровцы закончили перегруппировку своих войск и подготовку к «генеральному» наступлению на русскую столицу. Для этого была создана новая группировка войск в составе: 51-й пехотной дивизии, 13 танковых дивизий и 7 моторизованных дивизий.

...Советская воинская группировка, защищавшая Москву, по-прежнему уступала противнику: в живой силе – почти в два раза, в танках – в 1,5 раза, по числу орудий и миномётов – в 2,5 раза. На направлениях главных ударов гитлеровцы имели ещё большие превосходства.

15 ноября 1941 года гитлеровцы начали очередное наступление на Москву.

Советские войска оборонялись с небывалым упорством и героизмом. Кровопролитное сражение развернулось на правом крыле советского Западного фронта.

Здесь оборону держали войска 30-й и 16-й армий РККА под командованием генералов Лелюшенко Д.Д. и Рокоссовского К.К. С исключительным мужеством оборонялась на Волоколамском шоссе 316-я стрелковая дивизия генерала Панфилова И.В. Здесь, у разъезда Дубосеково, совершили свой бессмертный подвиг 28 воинов-панфиловцев, которые за первые четыре часа боя уничтожили 18 гитлеровских танков и множество солдат гитлеровской пехоты. В разгар этого боя политрук Клочков В.Г. произнёс знаменитую фразу: «Велика Россия, а отступать некуда, за нами Москва!».

Ценой огромных потерь гитлеровцам удалось потеснить советские войска и овладеть Клином, Солнечногорском, а к концу ноября 1941 года – прорваться к Яхроме, Красной Поляне и Крюкову и подойти на расстояние 25-30 километров к Москве. Далее продвинуться гитлеровцы не смогли.

Введённые в сражение Ставкой ВГК резервные армии РККА контрударами заставили гитлеровцев перейти в начале декабря 1941 года к обороне на правом крыле советского Западного фронта.

На левом крыле советского Западного фронта гитлеровцы всё ещё продолжали наступать, и к концу ноября 1941 года передовые их части подошли к Кашире, чем создали угрозу выхода в тыл советским войскам. Однако и здесь гитлеровцы в скором времени тоже выдохлись. Чем незамедлительно воспользовалось советское командование: мощным контрударом резервных войск гитлеровцы были отброшены к югу от Москвы на 25 километров.

1 декабря потерпела поражение попытка прорыва гитлеровских войск к Москве со стороны Звенигорода и Наро-Фоминска.

Московская группировка гитлеровских армий «Центр» к началу наступления имела в составе около одного миллиона семисот восьми тысяч солдат и офицеров. На вооружении у них были 13500 орудий и миномётов, 1170 танков и 615 самолётов.

Группировка советских обороняющихся войск к началу декабря 1941 года насчитывала около одного миллиона ста тысяч красноармейцев, на вооружении которых были 7652 орудия и миномёта, 774 танка (в том числе 222 средних и тяжёлых). Главным фронтом обороны Москвы являлся Западный фронт под командованием генерала Жукова Г.К.

Большую роль в защите Москвы сыграли истребительная авиация советских ВВС и зенитная артиллерия ПВО столицы, в составе которых были: 6-й истребительный авиационный корпус ПВО, две авиационные резервные группы ВГК и дальняя бомбардировочная авиация (около 1000 самолётов). С июля по декабрь 1941 года войска ПВО Москвы отразили 122 воздушных налёта, в которых участвовали 7146 гитлеровских самолёта.

Важнейшим итогом героической обороны Москвы советскими войсками явилось то, что к началу зимы 1941 года ударные группировки гитлеровских войск были серьёзно ослаблены, а их наступательные возможности полностью исчерпаны, что и привело к полнейшему провалу гитлеровской военной операции «Тайфун».

Сталинградская битва

(17 июля – 18 ноября 1942 года)

Остановив наступление гитлеровцев на Москву и не давая им возможности на передышку, 5-6 декабря 1941 года советские войска перешли в контрнаступление.

К этому времени в Подмосковье прошли обильные снегопады и ударили непривычные для гитлеровцев русские морозы.

15 декабря войска Западного фронта РККА освободили город Клин.

16 декабря войска Калининского фронта освободили город Калинин (ныне город Тверь).

За очередные 10 дней наступательных боёв советские войска отбросили гитлеровцев от Москвы на 120/130/250 километров, а к началу января 1942 года советские войска вышли на рубеж Белев-Мценск, охватив гитлеровскую группировку «Центр» с юга и запада, чем была окончательно устранена угроза советской столице.

За месяц наступления советских войск гитлеровцы потеряли более 168000 солдат и офицеров, 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии.

В результате зимнего наступления РККА под Москвой (в январе – апреле 1942 года) гитлеровцы потеряли ещё 16 дивизий и одну бригаду из группы армий «Центр».

В итоге гитлеровцы были отброшены от Москвы на некоторых участках до 400 километров.

Потерпев поражение под Москвой, гитлеровское командование перешло к обороне.

Основными задачами для войск противника на зимний период 1941 – 1942 годов были оборона и удержание занятых позиций и рубежей. Им необходимо было выиграть время для перегруппировки и пополнения войск, чтобы возобновить наступательные боевые действия весной и летом 1942 года.

Советское Верховное командование, понимая помыслы врага, решило не давать возможности осуществления захватнических планов гитлеровских войск.

У наших войск к началу 1942 года сложились наиболее выгодные позиции на фронте, и командование решило развернуть общее наступление советских войск на всех фронтах и стратегических направлениях.

Ставка решила произвести прорыв вражеской обороны на узких участках фронта при мощных ударах артиллерии.

Артиллерия должна была вести артиллерийское наступление, непрерывно поддерживая наступающую советскую пехоту и танки до полного прорыва вражеской обороны. При этом Ставка сделала упор на применение танковых частей и соединений только в полном составе, при тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией.

Общее наступление советских войск в начале 1942 года развернулось на фронте протяжённостью около двух тысяч километров: от Ладожского озера до Чёрного моря.

К весне 1942 года военно-стратегическое положение Советских Вооружённых Сил и военно-политическое положение Советского Союза значительно улучшилось в сравнении с летом 1941 года. Завершился переход всего народного хозяйства страны и промышленности на «военные рельсы», увеличился выпуск вооружения и боевой техники, значительно повысился уровень технического оснащения войск, более совершенной стала организационная структура советских войск: в стрелковые роты и батальоны вновь были включены миномёты, возросло количество автоматов, пулемётов и противотанковых ружей в них.

Весной 1942 года началось формирование танковых, а осенью – механизированных корпусов. Были сформированы и две первые танковые армии, на вооружение был принят новый лёгкий танк «Т-70». Кроме того, в войска РККА поступили: модернизированная противотанковая 45-миллиметровая пушка и новая 76-миллиметровая дивизионная пушка, а также новые реактивные снаряды для «Катюш».

Фронтовая и армейская авиация начали сводиться в воздушные армии.

Значительно усовершенствовалась организационная структура воинских частей и подразделений тылового обеспечения боевых воинских частей.

В целом к началу летне-осенней военной кампании 1942 года боеспособность войск РККА значительно повысилась. Однако общее техническое превосходство войск всё ещё оставалось на стороне гитлеровцев. Верховное командование гитлеровской Германии планировало летом 1942 года вновь захватить военную инициативу в свои руки и решительным наступлением уничтожить основные силы РККА, овладеть максимальным количеством важнейших политических, экономических и военных центров Советского Союза.

При этом гитлеровские стратеги решили осуществить задуманное не одновременной операцией по всем направлениям, как в 1941 году, а последовательными наступательными операциями. Вначале, в результате крупной наступательной операции на юго-восточном направлении, должны разгромить южное крыло советских войск и захватить Крым и Кавказ (с его нефтяными месторождениями и запасами полезных ископаемых). Захватить плодородные сельскохозяйственные районы Дона, Кубани и нижней Волги (в том числе и с целью принуждения Турции на вступление в войну с Советским Союзом на стороне Германии).

К этому времени действующие боевые части РККА насчитывали: 5,1 миллиона красноармейцев, 44900 орудий и миномётов, 3800 танков, 2200 боевых самолётов.

Гитлеровская армия насчитывала: 6,2 миллиона солдат и офицеров, 56900 орудий и миномётов, 3229 танков и штурмовых орудий, 3395 самолётов.

Летняя военная кампания 1942 года началась наступлением гитлеровских войск в Крыму. Прорвав оборону советских войск в Крыму, гитлеровцы вынудили их отступить на Керченско-Таманский полуостров. Обороняющийся Севастополь был оставлен на произвол судьбы. После захвата Керченско-Таманской крымской территории гитлеровцы сосредоточили основные силы крымской группировки в районе (хотя и окружённого, но обороняющегося) Севастополя. После героической обороны на протяжении 250 суток Севастополь пал и был захвачен гитлеровцами 4 июля.

Одновременно с боевыми действиями в Крыму крупное сражение развернулось в районе Харькова.

В первой половине июля передовые части гитлеровцев вошли в большую излучину Дона, захватили Ростов и создали непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.

17 июля на сталинградском направлении наступали 13 гитлеровских дивизий, имевших в своём составе 270000 солдат и офицеров, 3000 орудий и миномётов, около 500 танков.

Противостояли гитлеровцам на этом участке фронта 12 дивизий РККА недавно созданного Сталинградского фронта, имевших в своём составе: 160000 красноармейцев, 2200 орудий и миномётов и около 400 танков. Сложность ситуации для советских войск усугублялась тем, что они занимали оборону поспешно, по мере подхода отдельных воинских частей и соединений, под непрерывным воздействием гитлеровской авиации. Тем не менее, к 17 июля оборонительные действия советских войск на сталинградском направлении приобрели слаженный характер боевых действий передовых частей 62-й и 64-й армий на рубеже рек Чир и Цимла. После 6 дней упорных и непрерывных боёв в этом районе гитлеровское командование вынуждено было направить сюда дополнительные силы с других направлений. Несмотря на численное превосходство, гитлеровским войскам не удавалось прорваться к Волге до 23 августа.

13 сентября начались ожесточённые уличные бои непосредственно в самом Сталинграде войсками всё тех же 62-й и 64-й советских армий под командованием генералов Чуйкова В.И. и Шумилова М.С. В ожесточённых сражениях между Доном и Волгой с июля по ноябрь 1942 года гитлеровцы потеряли более 700000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 1000 танков и самоходных артиллерийских орудий, более 1400 боевых самолётов.

В середине ноября 1942 года оборонительный период Сталинградской битвы закончился. Советским обороняющимся войскам удалось измотать и обескровить гитлеровцев. В феврале 1943 года в результате контрудара советских войск в контрнаступательной военной операции «Уран» была окружена и пленена большая группировка 6-й армии гитлеровских войск во главе с её командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом Ф. (вместе с другими 24 генералами гитлеровского вермахта).

Военно-стратегическим значением победы советских войск в Сталинградской битве стало снятие угрозы захвата гитлеровцами территорий Нижнего Поволжья и Кавказа, бакинских нефтяных месторождений.

Бои за Берлин

К середине апреля 1945 года гитлеровская Германия оказалась зажатой в тиски между двумя фронтами. Её экономика находилась в катастрофическом состоянии. Политическое и военное руководство Германии переживало глубокий кризис. Предпринимались попытки ведения переговоров с западными державами по вопросу заключения с ними сепаратного мира. Стремясь затянуть войну, гитлеровская клика по-прежнему возлагала большие надежды на возможность раздора и столкновения между участниками антигитлеровской коалиции, особенно в борьбе за Берлин. Англо-американское командование стремилось упредить советские войска в захвате Берлина. В сложившейся обстановке Ставка Верховного Главнокомандования поставила советским войскам задачу разгромить берлинскую группировку гитлеровцев и в кратчайший срок овладеть Берлином.

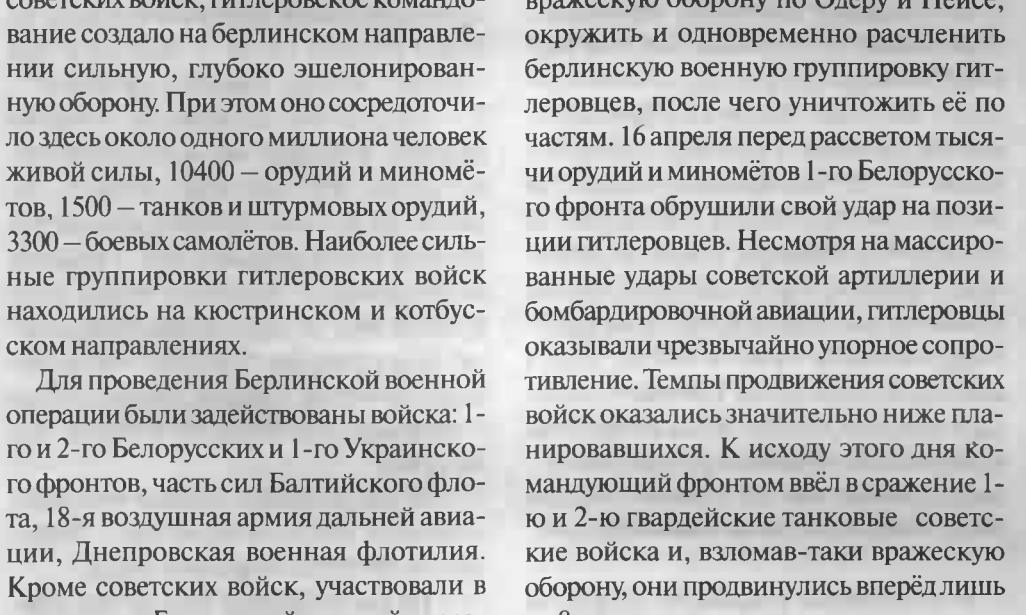
Готовясь к отражению наступления советских войск, гитлеровское командование создало на берлинском направлении сильную, глубоко эшелонированную оборону. При этом оно сосредоточило здесь около одного миллиона человек живой силы, 10400 – орудий и миномётов, 1500 – танков и штурмовых орудий, 3300 – боевых самолётов. Наиболее сильные группировки гитлеровских войск находились на кюстринском и котбусском направлениях.

Для проведения Берлинской военной операции были задействованы войска: 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, часть сил Балтийского флота, 18-я воздушная армия дальней авиации, Днепровская военная флотилия. Кроме советских войск, участвовали в проведении Берлинской военной операции 1-я и 2-я армии Войска Польского.

Общая численность войск, задействованных в Берлинской военной операции, составила: 2 миллиона 500 тысяч военнослужащих, 41 600 орудий и миномётов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолётов.

План проведения операции заключался в том, чтобы на широком фронте ударами трёх советских фронтов прорвать вражескую оборону по Одеру и Нейсе, окружить и одновременно расчленить берлинскую военную группировку гитлеровцев, после чего уничтожить её по частям. 16 апреля перед рассветом тысячи орудий и миномётов 1-го Белорусского фронта обрушили свой удар на позиции гитлеровцев. Несмотря на массированные удары советской артиллерии и бомбардировочной авиации, гитлеровцы оказывали чрезвычайно упорное сопротивление. Темпы продвижения советских войск оказались значительно ниже планировавшихся. К исходу этого дня командующий фронтом ввёл в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые советские войска и, взломав-таки вражескую оборону, они продвинулись вперёд лишь на 8 километров.

17 апреля войска 1-го Белорусского фронта продолжили свои боевые действия, но уже по прорыву второй линии обороны гитлеровских войск. Особо тяжёлые бои развернулись в полосе 8-й гвардейской армии за Зеловские высоты. К исходу 19 апреля войска 1-го Белорусского фронта завершили прорыв Одерского оборонительного рубежа вражеской обороны.


Штурм Рейхстага

Войска 1-го Украинского фронта своё наступление начали с форсирования реки Нейсе. Как и в полосе 1-го Белорусского фронта, бои здесь были очень ожесточёнными. Отчего к исходу первого боевого дня командующий фронтом ввёл в сражение 25-й и 4-й танковые корпуса и часть сил 3-й и 4-й танковых армий. К исходу первого боевого дня главная полоса обороны гитлеровцев была прорвана.

Берлин 3 мая 1945 года. На ступенях Рейхстага

Уличные бои в Берлине

Таким образом, воинские части 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в течение первых четырёх суток сражения, прорвав вражескую оборону по Одеру и Нейсе, создали условия для развития наступления советских войск на Берлин с целью его окружения и уничтожения в нём остатков гитлеровских войск. 20 апреля на Штеттинском направлении в наступление перешли войска 2-го Белорусского фронта, которые в течение пяти последующих суток и здесь прорвали вражескую оборону и на широком фронте сковали и обездвижили своими действиями 3-ю танковую армию гитлеровцев, лишили её возможности перебрасывать войска на подступы к Берлину.

25 апреля берлинская группировка гитлеровских войск была рассечена на две части и окружена в районе Берлина и юго-восточнее от него. Одновременно с этим войска 1-го Украинского фронта вышли к реке Эльба. При этом 25 апреля передовые части 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова установили связь с передовыми воинскими подразделениями 1-й американской армии.

26 апреля советские войска начали боевые действия по уничтожению окружённых группировок гитлеровцев. К 1 мая 200-тысячная франкфуртско-губенская группировка гитлеровцев была уничтожена. Бои по уничтожению примерно такой же по численности группировки гитлеровцев непосредственно в Берлине были очень ожесточёнными и не прекращались ни днём, ни ночью. Уличные бои в Берлине несли в себе какое-то подобие со сталинградскими уличными боями.

30 апреля с раннего утра войска 3-й ударной армии генерала В.И. Кузнецова начали боевые действия в направлении центра гитлеровского Берлина, его Рейхстага. И к 18 часам достигли его. А поздним вечером того же дня разведчики М.А. Егоров и М.В. Кантария воодрузили над логовом германского фашизма Знамя Победы!

2 мая (к 15 часам) сопротивление гитлеровцев берлинского гарнизона прекратилось. В ходе Берлинской операции советские войска разгромили более 93 гитлеровских дивизий, взяли в плен около 480 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, захватили около 1500 гитлеровских танков и штурмовых орудий, 4500 боевых самолётов, 8600 артиллерийских орудий и миномётов, много военных кораблей и другой техники и вооружения.

8 мая 1945 года в восточном предместье Берлина Карлсхорсте был подписан АКТ о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Сведения взяты из общедоступных источников. Подготовлен материал Гуляевым А.Н.

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился в 1955 году в Киргизии. В 1972-м окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006-м переехал в Новокузнецк.

До 2016 года работал в «Водоканале» слесарем-инструментальщиком. Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал с 2018 года в ЛХГА «Усятская россыпь».

Переправа

Посвящается моему деду Алексею, участнику ВОВ

– Ну, ещё раз, давай дружнее! Парамонов, не сачкуй!

Отделение старшины Остапчука пыталось приподнять за упряжь обессилившую тягловую лошадь.

– Отставить, – старшина безнадежно махнул рукой. – Кончай мучить животное. Надорвалась, бедняжка. Третьи сутки без корма.

Напарника лошади два дня назад срезало осколком. Так и оставили его лежать на обочине с хомутом, гужами и прочим конским инвентарём.

– А, была-не была!

Он встал в грязь на колено и дёрнул за кожаный ремешок, стягивающий клещи хомута, те, почувствовав слабину, покорно разомкнулись. Лошадь пыталась приподнять голову. Старшина ласково погладил её по мокрой шее:

– Ты уж прости нас, бедняжка, время сейчас лихое.

Отстегнул постромки от барка, пристёгнутого к лафету пушки, и с бойцами откатил орудие в сторону от дороги.

Мимо, в сторону переправы, пролетели две легковые машины, обдав пехоту грязью и остервенело сигналя.

По дороге и обочинам мимо стоящего у пушки отделения Остапчука плыл нескончаемый поток военных разных родов войск: пехотинцы, танкисты (судя по форме), несколько лётчиков в кожаных шлемах.

На некотором расстоянии от дороги, в стороне от военных, шли гражданские. Слышались плач детей, причитания женщин. Беженцы с опаской оглядывались на запад, откуда приближался нарастающий грохот орудий. В грязи по колено, промокшие от дождя, голодные, третий день ни крошки во рту, стояли бойцы, окружив старшину. Всех мучил один вопрос: «Что делать дальше?».

Пролетавшая мимо очередная легковушка остановилась и сдала назад.

– Чего стоим, чего ждём? – вышедший из машины майор, судя по петлицам артиллерист, с хозяйским видом осмотрел пушку.

– Товарищ майор, разрешите доложить...

Майор, перебив старшину, взглянул на павшую лошадь, продолжил: «Что думаете предпринять? Если оставите орудие – трибунал. Где ваш командир?»

Старшина, повесив голову, не знал, что ответить. Зато рядовой Парамонов, побывавший ранее в местах лишения свободы, за словом в карман не лез, перед начальством не бледнел от страха, за что неоднократно страдал.

– Командир, – криво усмехнулся Парамонов, – наверное, уже на другом берегу реки. И мы нашему командиру по х... Уточняю, что находится ниже пупка. Тащить эту железяку у нас больше нет сил. Тарабаним её от самого Бреста. Если вы так сильно озаботились насчёт пушки, товарищ майор, прицепите её к своей легковушке. А мы за вами следом пешим строем, ать-два, – и зло глянул на майора. – Сколько можно драпать? Не за горами и Москва.

Майор схватился за кобуру.

– Под трибунал захотел? Да я тебя за паникёрство пристрелю без суда и следствия!

Старшина закрыл своими широкими плечами худого, как сушёная вобла, Парамонова.

– Товарищ майор, товарищ майор, расстрелом делу не поможешь. Бойцов можно понять, третий день без еды, еле на ногах стоят, нервы сдают.

Майор, бросив взгляд на измученных отступлением бойцов, вложил ТТ в кобуру.

– Орудие бросать нельзя, сейчас каждый патрон на счету.

Он махнул рукой своему водителю.

– Подгоняй ЭМКу, цепляй на буксир, и вперёд.

– Товарищ майор, – взмолился шофёр, – угробим сцепление и коробку. Машина не для этого предназначена. Да и как по этой грязи?

– На бугорок бойцы помогут, а там с горки до переправы рукой подать. Подталкивая ЭМКу и пушку, отделение старшины влезло на бугорок. Вытирая перепачканные руки о траву, солдаты увидели внизу переправу. Мимо них нескончаемым потоком шли отступающие войска.

Дождь шёл, не прекращаясь. Он был наказанием. Нет, скорее всего, спасением. Из-за низкой облачности авиация фашистов бездействовала. Глубоко вздохнув, старшина осмотрелся. Переправа была как на ладони. Если дождь прекратится – труба. От переправы и от тех, кто спешит переправиться на тот берег, останется одно воспоминание. Ему ли это не знать? Не первый день воюет.

Рота автоматчиков сдерживала прикладами напирающих на мост, стараясь не создавать пробку. Слышались ругань, маты, даже резанула воздух автоматная очередь, отрезвляя напиравших на мост. Гражданских отсекли в сторону, не давая даже возможности приблизиться к переправе. Они табором расселись на берегу, и число их возрастало с каждой минутой.

Да, дело дрянь. Дождь же не будет идти вечно.

– Старшина, чего мы ждём? Пушечку мы вроде пристроили, наш комроты, поди, давно греет свои мослы на том берегу, бросил нас, сукин сын, и сбёг, как трусливый заяц. Увижу, отблагодарю, – Парамонов выразительно похлопал по прикладу винтовки.

Но старший лейтенант не сбежал. Отрезанный от основных сил, он с горсткой бойцов отстреливался до последнего патрона. Когда его, раненого, немцы пинками старались поднять с земли, чтобы этапировать в лагерь для военнопленных, надеясь на награду за пленённого офицера, старший лейтенант Горшков, пересилив боль, бросил кольцо от последней гранаты в ефрейтора с берегов чужого Рейна, успев крикнуть: «Привет из Тамбова!», а граната завершила дело. В предсмертных конвульсиях ефрейтор рухнул рядом с командиром уже не существующей роты – мёртвым, но не побеждённым.

К отделению старшины подошли капитан в форме НКВД и три автоматчика. Подозрительно осмотрел выпачканных в грязи и мокром обмундировании пехотинцев.

– Старшина, предъявите солдатские книжки... Назовите номер военчасти, – капитан уверенно протянул руку.

Форма проверяющих была новой. Несмотря на непогоду, сапоги, особенно у капитана, начищены до блеска.

– Куда уж нам, – прошипел Парамонов в спину старшине, – потопал бы с наше, тогда я бы посмотрел, какие вы были бы красивые.

Старшина из нагрудного кармана бережно достал кожаный кисет, туго затянутый тесьмой. Махорка в нём закончилась позавчера, уступив место документам. Несмотря на дождь и мокрую гимнастерку, в кисете было сухо.

Рядом с солдатской книжкой лежали пара писем от жены и семейная фотография, где они с Еленой и детьми в доме родителей под Киевом. Сейчас там немцы. «Может, и мои вот так», – он взглянул на бесконечную вереницу гражданских, мыкающихся по дорогам.

– Старшина Остапчук, – поднял капитан глаза от документов, – ты участник Финской, имеешь боевой опыт, так необходимый нам сейчас. Да тебя мне сам Бог послал. Срочно майора ко мне, – бросил он одному из автоматчиков.

– Чувствую, не видать нам того берега, как своих ушей, – буркнул Парамонов. – Я так мечтал о горячей каше с тушёнкой, и поспать немного, ну хотя бы часок. Да и просохнуть не мешало бы, а то я сейчас задохнусь от избытка простудных соплей.

– С документами всё в порядке. Да вы присаживайтесь, бойцы, в ногах правды нет.

– Правда у нас вот здесь, – опять влез Парамонов, постучав кулаком по левой стороне груди. – Выходит, нам спешить некуда, товарищ капитан?

– Правильно понимаешь, товарищ рядовой! Кто будет защищать переправу? Куда я дену этот контингент? – он указал на зелёный и разноцветный поток военных и гражданских. – Бросить их на произвол? Часа через четыре здесь будут немцы. А вдруг дождь прекратится, будут раньше. Представляете, что здесь начнётся. Приказ командования – удержать переправу не меньше, чем на сутки.

– И мы оказались в числе тех счастливчиков, кто этим займётся? – Парамонов прогудел старшине сзади.

– На вас возложена миссия как можно дольше не подпускать врага к переправе. Впридачу дам роту курсантов-танкистов, но без техники. Патронами и наркомовским пайком обеспечим.

– Хоть что-то хорошее услышал за последние трое суток, – опять вставил своё Парамонов.

– Курсанты ещё с утра начали рыть окопы, готовясь к обороне.

Майор с шофёром подошли сбоку. Их машину, похоже, конфисковал на свои нужды более высокий чин.

– Здравия желаю, товарищ майор! Давно не виделись, – обернулся к нему Парамонов, – если вас не затруднит, просветите нас о дальнейшей судьбе нашей драгоценной пушки.

– Ну кто тебя дёргает за язык, Парамонов? Так и ищешь приключение на свой зад, нарвёшься ты когда-нибудь.

Старшина предостерегающе дёрнул его за ремень винтовки. Майор не обратил внимания на слова солдата и обратился к капитану НКВД: «Разрешите доложить, товарищ капитан, ваше приказание выполнено. Курсанты заканчивают рытьё окопов. Снаряды и патроны наскребли с лейтенантом, командиром курсантов. Пара пулемётов

«Максим», три сорокапятки, одна вот этого отделения, и пять ящиков с коктейлем «Молотова». Гранат, к сожалению, не нашли. С питанием тоже решён вопрос».

– С этого и надо было начинать, – опять прогнусавил Парамонов.

На верхотуре холма курсанты в новом обмундировании дружно орудовали сапёрными лопатками. Они были похожи на школьников и по возрасту, и по росту, которых учитель вывел на урок труда, который они добросовестно отрабатывали, с нетерпением ожидая звонок на перемену.

– С этими, пожалуй, навоюешь. Они винтовку держали, наверно, всего пару раз в руках. Им бы дома сидеть и есть мамкины пирожки. Детский сад и только, – опять вставил своё слово Парамонов.

От землекопов к ним трусцой подбежал новоиспеченный лейтенант, от горшка два вершка, и на удивление мощным мужским голосом отрапортовал:

– Товарищ капитан, окопы почти готовы, жду дальнейших указаний, – и лихо хлопнул каблуками сапог.

– Объявляю вам благодарность, – капитан жестом указал на отделение старшины, – пополнение вам, лейтенант, бойцы с боевым опытом, где, что и как подскажут, спрашивайте, не стесняйтесь. Попробую ещё подобрать вам с роту бойцов там, у переправы. Введите старшину в курс дела, раздайте патроны, а главное – накормите. Я буду у моста, держите со мной связь.

Капитан заспешил вниз по спуску.

Парамонов уже успел стрельнуть у молодняка махорки и с удовольствием затягивался самокруткой. Припав к ней ещё пару раз, пустил по кругу отделения. Досталось и старшине.

– Прошу, так сказать, в расположение доверенного нам участка обороны.

Посмотрев на неказистую фигуру лейтенанта, старшина глубоко вздохнул: «Ну, и намучаемся мы с этими вояками. Пионерлагерь какой-то. Но будем довольствоваться тем, что есть».

Проходя по краю окопов за новым командиром, сразу же замечал недостатки, кое-где просил углубить окоп и уложить на бруствер побольше пластов. К пулемётным гнёздам особое внимание. «Максим» – надёжный пулемёт, не требует особого ухода, прост в обращении и очень эффективен, когда ты в обороне. При наступлении, тем более при отступлении, таскать такую тяжесть на себе редкостное удовольствие. Сорокапятка тоже без особых изысков и тоже в обороне. Буксировать её, как говорил Парамонов, «пупок надорвёшь», в чём они имели возможность убедиться.

Окоп змейкой уходил вниз по косогору. Курсанты с любопытством, не переставая работать лопатками, посматривали на небритого, по пояс в грязи старшину, на его разбитые сапоги.

Гул артиллерии с запада нарастал с каждой минутой. Надо торопиться. Три сорокапятки обрели места, указанные старшиной, позади окопов. Патроны и снаряды были разобраны мгновенно. Полевая гаубица, установленная в небольшой впадине, по приказу капитана была снята с позиции и отбуксирована на тот берег. Она для обороны, конечно, не помешала бы, но командованию виднее.

Парамонов, взяв взаймы лопатку у курсанта, по-хозяйски окапывал свою пушечку.

– Ну что, Фрося, – так он нежно называл свой агрегат, – покажем фрицам, как умеют воевать гарные пацаны из Одессы! Я вам всё припомню, за мной не заржавеет! Снарядов у нас целая гора. Да и хватит уже пятиться, пора упереться в землю обеими ногами и с песней протопать обратный маршрут. Главное, жратвой не обидел капитан. Тушёнка сама так и просится в рот. На сытый желудок и воевать легче.

Старшина улыбнулся. Несмотря на то, что Парамонов ещё тот баламут, он воевал без страха и упрёка. Что неоднократно доказал там, у стен Бреста.

На левом фланге капитан что-то внушал расчёту ПТР и давал жёсткие указания лейтенанту. Капитан старался полностью укомплектовать оборону моста всеми доступными средствами. В разрыв между окопами проскочили пять наших танков и на скорости исчезли на том берегу. После танков возникла возможность переправляться и гражданским. «Успеют ли все? – с тревогой подумал старшина. – Мы то уж постараемся не дать их в обиду».

Гул фронта становился всё ближе и ближе. В окоп рядом спрыгнули сапёры с ящиками в руках. Звякнуло стекло. Подарок «Молотова».

– Товарищ старшина, это куда?

– На левый и правый фланги. Раздать курсантам и бойцам. О выполнении доложить лейтенанту!

Лейтенант излишне суетился, да это и понятно. Первый бой и такая ответственность. Старшина с тревогой взглянул на небо. В тучах, видно, исяк запас влаги, и дождь пошёл на убыль. В подтверждение этого в просвет между тучами выплыла тройка «Юнкерсов». Совсем страх потеряли. Без прикрытия «Мессеров». Наших истребителей давно что-то не видно. «Юнкерсы» прошли вдоль берега, сбросив партию бомб, но мост не тронули. Переправа нужна им так же, как и нам, в целости и сохранности.

Дождь передумал брать отгул и забарабанил крупными каплями по размокшей земле. «Это хорошо, танкам сложнее будет выскочить на наш косогор, а мы их тут и прижучим». Старшина расстегнул телогрейку, которую ему с чьего-то барского плеча преподнёс Парамонов: «Согреешь, Матвеич, старые кости, не хватало, чтобы ты в мокром обмундировании слёг от простуды. Мы без тебя и не туды, и не сюды».

Послышались близкое лязганье гусениц и музыка. Впереди шеренги танков немцы гнали наших пленных. Вести огонь нет возможности, перебьём своих.

– Подпускаем своих ближе, – передал старшина по цепи, – громко кричим «Ложись!» и ведём прицельный огонь.

На башне головного танка, наполовину высунувшись из люка, сидел офицер и в такт музыки рукой в кожаной перчатке помахивал хлыстом.

– Ну, этого я беру на себя, – со злобой проговорил старшина.

После крика «Ложись!» пленные бросились на землю. Команду «Ложись!» в армии знали все и выполняли её безоговорочно. Старшина между делом из винтовки снял фашиста-наглеца. Жахнула пушка, и танк с офицером от неожиданности дёрнулся, потеряв гусеницу, сделал пол-оборота на месте.

Парамонов не заставил себя ждать, всадил ему второй снаряд в моторный отсек. Часть пленных, скошенная пулемётным огнём, осталась неподвижно лежать на склоне. Живые проворно попрыгали в окопы. Потом их забрал с собой капитан. Это было потом, а сейчас лейтенант, выхватив ТТ из кобуры, закричал, срывая голос: «За мной, в атаку, за Родину, за Сталина!» – и вылез из окопа.

Старшина едва успел схватить его за ремень и сдёрнуть обратно в окоп.

– Ты что, сдурел? Какая атака? Ты что, на комсомольском собрании? Через пять минут пулемёты посекут нас всех. Наше дело – оборона!

Несколько курсантов повелись на его крик и, срезанные пулемётами, остались лежать за бруствером окопа.

– Убедился, командир хренов? Давай, дуй к ПТРцам, что-то молчит их ружьё. А я уж тут сам как-нибудь. Да пригнись ты, а то заработаешь сквозняк в голове.

Надев каску, лейтенант исчез.

Парамонов не давал отдыха своей «Фросе», слал снаряд за снарядом в сторону танков. Немецкая пехота, обнаглев до крайности, шла неторопливо в полный рост, будто на параде.

Словно услышав старшину, наши пулемётные расчёты стали валить их направо и налево, подобно лесорубам на лесосеке.

– Время пришло, пора готовить горючку.

Пара танков, проскочив заградительный огонь пушек, приблизилась к окопам. Над бруствером окопа грибами выросли каски курсантов. Бутылки-зажигалки градом полетели навстречу стальной стене. Но цели достигли только единицы. Один из танков навис над окопом и, накрыв его собой, несколько раз крутнулся по оси, заживо похоронив несколько курсантов. Повернувшись по линии окопа, он стал расстреливать находящихся в нём бойцов. Старшина, схватив пару бутылок, ужом пополз к танку.

– Только бы успеть, только бы успеть, – билась одна мысль в голове, – погубит весь молодняк, гад. Ну, ещё ближе, чтобы наверняка!

Армейский опыт и фронтовая закалка так пригодились ему сейчас. Бутылки легли точно в цель. Стальное корыто, объятое пламенем, перескочив окоп, устремилось к зарослям кустарника, надеясь ветками сбить пламя на своих боках. Курсанты наперебой закричали: «Горит, горит!». Парамонов прогорланил, стараясь перекричать гул боя: «Хорош шашлычок под коньячок!». Рванули снаряды в горевшем танке.

– Вот и баварский шашлык готов! – продолжил старшина мысль Парамонова.

Курсанты ошалело оглядывались вокруг. Ничего, привыкнут. Первый раз всегда страшно. Опыт приходит со временем, для тех, кто останется жив.

Немцы замешкались, не ожидая такого отпора. Вражья пехота совсем исчезла с глаз. Кого выкосили «Максимы», кого-то приложили к земле курсанты, кстати, неплохо владеющие стрелковым оружием. Умеем же воевать! Хватит пятиться, пора остановиться!

У старшины приподнялось настроение. Даже вчерашние школьники заслужили его похвалу, а на похвалу, чего греха таить, он был скуп. По окопу в сторону старшины бежал лейтенант без каски с радостным лицом.

– Пригнись ты, ошалелый, пулядура быстро проделает в тебе дыру.

– Ну, задали мы им жару, товарищ старшина, теперь долго не сунутся, – выдавил он из себя, присев рядом.

– Смею тебя огорчить юноша, это только начало. Так что давай готовить курсантов к очередной атаке. Проверь наличие патронов, раненых и погибших отдельно, расставь бойцов в окопах с нужным интервалом. Давай, я – налево, ты – направо.

Потрескивали горящие танки, от которых к дождевым тучам поднимались клубы чёрного дыма. Парамонов подсчитывал оставшиеся снаряды, на ходу доедая чёрный хлеб с тушёнкой. Старшине десятка бы два таких бойцов, как он, тогда за исход боя можно не переживать.

Вокруг стояла такая тишина, даже не верилось. Мост через реку был пуст. Гражданские, которые не успели переправиться на противоположный берег, при виде танков растворились в кустарнике и в недалеко находившемся лесу.

Передвигаясь по разрушенному танками окопу, старшина на спуске увидел капитана в окружении бывших военнопленных.

– Молодцы, от лица командования выражаю вам благодарность, поставленную задачу выполнили. Но приказа к отступлению я не получал. Прежний приказ остаётся в силе – оборонять переправу до последней капли крови! Я доставлю этих на тот берег. Будем разбираться, кто добровольно, а кто самовольно попал в плен, – он указал на сидящих под охраной автоматчиков наших пленных. – Постараюсь выбить вам пополнение, но не обещаю.

– Товарищ капитан, прошу вас захватить с собой раненых и курсантов. Их осталось всего ничего, дети они ещё, несправедливо как-то. А мы уж тут сами как-нибудь, – и старшина с силой сжал локоть капитана.

– К сожалению, не могу, не имею права. Этот приказ не обсуждается, но, если сказать откровенно, я не против.

Лейтенант, стоящий рядом, категорически заявил: «Приказ командования выполним до конца, чего бы это нам ни стоило! Тем более, мы давали присягу! Надеюсь, этот вопрос исчерпан, товарищ капитан!».

Он лихо отдал честь. На том и порешили.

Группа капитана двинулась к мосту, а лейтенант со старшиной стали подсчитывать оставшиеся патроны, а главное, горючку в бутылках. Проходя мимо пушки Парамонова, старшина увидел его неунывающую рожу, доедавшего с двумя своими помощниками последний запас тушёнки. Война – войной, а обед – по расписанию!

– Что со снарядами? – старшина тоже бы не отказался пожевать, но не до этого сейчас.

– На пару-тройку танков хватит, а остальное дополним бутылками, – и указал на аккуратно уложенное стекло за ящиками снарядов. – Жаль, что это не винцо, так хочется устроить себе праздник, и для этого есть повод, – и махнул в сторону подбитых им танков.

Вторая пушка была раздавлена танком вместе с артиллеристами. Третья была ещё живая. Старый опытный артиллерист хорошо замаскировал её пластами земли и спас её и себя, и помощника от снарядов противника. Из пулемётов остался один «Максим», второй, развороченный взрывом, лежал на дне окопа, наполовину заваленный землей.

Послышался нарастающий шум моторов. Танки, достигнув основания косогора, вели бесперебойную пушечно-пулемётную стрельбу. За ними на небольшом расстоянии густой цепью шла немецкая пехота. Придётся попотеть, не в первый раз. За плечами рвануло с такой силой, что немцы на мгновение остановились и припали к земле.

– Мамочка родная! – испуганно вскрикнул лейтенант.

Мост, объятый дымом и пламенем, встал на дыбы и, разорванный на мелкие части, рухнул в реку. Была переправа, и нет переправы.

– Матерь Божья, а как же мы? – прокричал, перекрестившись, пулемётчик.

Командование посчитало, что лучше пожертвовать малым для сохранения большего.

– Только без паники, – прокричал в край осипшим голосом лейтенант, – слушай мою команду! Примкнуть штыки и приготовиться к атаке. Покажем, как умеет воевать советский солдат! Оправдаем доверие народа и Сталина!

Старшина дёрнул его за рукав с такой силой, что он едва устоял на ногах.

– Хорошо сказал, товарищ лейтенант, но для атаки ещё не время. Подпустим фашистов поближе, завяжем бой, а там будет видно. Умирать, так с музыкой!

Сорокапятка Парамонова сорвала с ближайшего танка гусеницу (ну и мастак Парамонов разувать немецкую технику) и стала дальше искать уязвимое место на стальной коробке танка.

Солдаты с курсантами целились и стреляли, не торопясь. Берегли каждый патрон. Надеяться было не на кого, только на себя. Каждый знал, что это его последний бой. Ещё один танк, подбитый Парамоновым, щедро задымив, дал задний ход. Немецкие автоматчики были рядом.

– До последнего патрона мы держали оборону. Но закончились патроны, есть работа для штыка. Жизнь пехоты нелегка, – орал Парамонов

Лейтенант выскочил из окопа с криком «УРА-А-А!» Старшина, выпустив последний патрон из винтовки с примкнутым к ней штыком, выскочил следом. За ними все, кто был живой. Лейтенант успел выстрелить из пистолета всего раз, завалив здоровенного фрица себе под ноги, и тут же получил автоматную очередь в грудь. Старшина ещё успел плодотворно поработать штыком, пока один из офицеров, прячась за спиной пронзённого штыком своего автоматчика, не выпустил ему в грудь всю обойму из «Вальтера».

Парамонов всадил последний снаряд в борт танка. От взрыва сдетонировали снаряды внутри стальной громадины. Мощный взрыв прогремел над полем боя.

Автоматчики, озверев, изрешетили весельчака и балагура в упор. Немцы в ярости ещё долго добивали раненых.

Была осень 1941 года. Вечерело. Над речкой поплыл туман, дождь прекратился, тучи рассеялись, обнажив звёздное небо.

Над косогором, над полем боя наступила тишина. Потрескивали горевшие немецкие танки. Не было слышно ни задорного Парамонова с его прибаутками, ни голоса юного лейтенанта и его курсантов, ни старшины, лежащего с открытыми глазами на широкой спине, в которых отражались звёзды.

Победа была ещё далеко – там, впереди, но начиналась она именно с таких окопов, где стояли насмерть сыны своей Отчизны!

07. 11. 24 г.

До последнего патрона

– Стоп, глуши, приехали, – двигатель тридцатьчетвёрки недовольно чихнул и затих. Капитан Красилов, отстегнув шнур от шлемофона, спрыгнул с башни на зелёную, в капельках утренней росы, траву: «Вот где с косой разгуляться. Столько добра пропадает».

Ему вспомнился дом, жена, сынишка и мычавшая корова в хлеву – кормилица всей семьи. Как они там? Зинаида писала, отец на заводе сутками живёт. По два плана выдаёт! Седьмой десяток, а всё туда же! Упрямый, что сказать. Да и я, как говорит мой механик, упёртый. Видно, есть в кого. У каждого свои минусы, а в нашей ситуации – это, скорее, плюс. Расслабишься – это сразу отразится на дисциплине подчинённых. Дубягин ещё тот сачок. Делает всё из-под палки. До сих пор так и не отрегулировал тормоза. Сейчас загружу матом под завязку.

Механик-водитель, словно угадав мысли капитана, неторопливо вылез из люка и вразвалочку подошёл к Красилову.

– Командир, у тебя такой недовольный вид, как будто ты желаешь влепить мне внеочередной наряд.

– Да у тебя всегда одно и то же. То солярку недольёшь, то тормоза в порядок не приведёшь. Не чувствуешь, что машину дёргает на поворотах? Или нюх потерял? Скорее, лень одолела. Напоминаю последний раз, вздрючу по полной! Дошло?

– Так точно, товарищ капитан. Осознал – исправлюсь.

Громадная фигура механика с лицом нашкодившего мальчишки стояла навытяжку перед командиром. Стрелок-радист и наводчик держались в стороне, стараясь не попасть под горячую руку капитана.

– Товарищ капитан, – виновато промолвил Дубягин, – пожрать бы не мешало. С утра во рту ни крошки.

– Так утро только что началось. Одна жратва на уме, – капитан недовольно матюкнулся.

– На голодный желудок много не навоюешь.

– Глядя на твою физиономию, не скажешь, что ты сильно страдаешь от голода.

И точно, его физиономия с округлыми щеками была похожа на футбольный мяч. Широченные плечи и рост под два метра требовали постоянной подпитки. Армейские каши шли ему явно на пользу.

– Когда мы услышим от тебя слова не о жратве, а о техническом состоянии двигателя и трансмиссии? Но, видно, так и не дождемся.

Капитан безнадёжно махнул рукой.

Но тут же подумал про себя, что своё дело Дубягин знал на отлично. Приди-рок особо не было, но их и не должно быть. В бою любая мелочь может сыграть с тобой злую шутку. Второй месяц из боя не выходим. Коробку не мешало бы подшаманить. На левой бортовой пора менять подшипники. Выработка больше нормы. Но вот когда?

Комполка сказал: «На днях, или раньше». Верится с трудом. Но пока терпимо. Вчера едва не поймали снаряд. Молодец механик, вовремя сманеврировал. Моя школа. Наводчик дал ответку. Фрицы горят на косогоре, а мы... А мы сейчас будем завтракать! Опять возникли мысли о доме, семье и о родном заводе. Танк, на котором они имеют честь воевать, подарок завода. Сколько раз их спасала родная броня, в которую вложен труд и его отца. Жена пишет, сын малый непоседа, шкодный. Днями пропадает с пацанами на улице. Лето же. Это зимой носа из дома не высунуть. Сибирь-матушка.

– Командир, давай садись, ложки заждались, давай пожуем. А то в желудке пусто, как в высохшем колодце. Другие экипажи уже давно закончили работать хлеборезками, а мы ещё не приступали.

Дубягин опростал пару банок американской тушёнки в котелки и нарезал хлеб на разостланный на траве брезент.

– Сейчас чаёк сообразим. Сухих веток навалом вокруг. Канистра с водой и чайник у меня всегда под рукой, – механик расплылся в улыбке.

– На голодный желудок поле не вспахать.

– Тоже мне пахарь! Ты плуг-то в руках держал? – стрелок-радист всегда готов подставить подножку.

– А то! С детства погонщиком на лошадях, когда подрос – доверили плуг.

– С твоей комплекцией тебя можно было вместо коня в плуг впрягать. Я даже не сомневаюсь, попёр бы за милую душу. Для такой спины и зада необходим особый цыганский кнут. Чтобы таких, как ты, держать в строгости.

Экипаж зашёлся от смеха.

Дубягин недобро взглянул на Куртукова: «Смотри, шутник, поймаю, уши поотрываю».

– Ты только быстро ложкой машешь. Оторвёшь, когда догонишь.

Дубягин привстал с намерением схватить стрелка-радиста за шиворот.

– А ну, прекратили, ещё игры в догонялки нам не хватало!

Капитан строго посмотрел на шутников. Заряжающий Воронцов, лет сорока, в перепалке не участвовал, а неторопливо жевал, посматривая в сторону ельника. Неожиданно он поднёс палец к губам. Экипаж насторожился.

– Эй, малец, чё прячешься, давай, выходи, не бойся!

Из-за еловых веток настороженно

показалась светлая голова мальчонки лет десяти.

– Да иди к нам, смелее. Есть хочешь?

Босоногий, в лохмотьях, незнакомец мелкими шажками подошёл к танкистам, готовый в любую минуту пуститься наутёк. Гостя посадили на почётное место – перевёрнутое ведро, на которое Куртуков предварительно подостлал свой шлемофон.

Дубягин быстро вскрыл очередную банку тушёнки и дал мальцу ломоть хлеба с ложкой.

– Ешь, не стесняйся.

Того дважды не нужно было упрашивать. В синеньких капельках глазёнок промелькнула радость. У капитана что-то защемило в груди: «Почти как мой Василёк!».

Все смотрели на пацана и молчали.

– Ты чей будешь, сынок?

– Я? – облизав ложку, солидно ответил тот, – Егорка Пастухов. Здешний я. Немцы мамку убили и хату сожгли. А мы с сестрёнкой Дашкой сбежали в лес, – лицо мальчугана нахмурилось.

– А мамку за что расстреляли? – у капитана к горлу подкатил комок горечи.

– Наш папка в Красной Армии, командир танка, такого, как у вас. Нам пришло извещение, погиб он под Брестом, в самом начале войны. Полицай Ефрем донёс на нас в комендатуру. Согнали сельчан к нашей хате и мамку расстреляли у крыльца.

Из глаз Стёпки по щекам покатились бусинки слёз.

– За папку твоего и мамку, и сестрёнку Дашеньку мы отомстим. Слово даю! – Дубягин погладил Стёпку по вихрастой голове.

– А где сейчас твоя сестрёнка? – спросил встревоженно капитан.

– Она там, в лесу, в землянке. Я хорошо её спрятал.

– А чем же вы питаетесь?

– Чем Бог подаст. С едой нынче туго. Немец всю животину пустил под нож, – ответил по-взрослому Степан и вдруг засобирался.

– Она одна там.

Красилов достал из кармана подарок пехотинцев, которых они вытащили из окружения, перочинный ножик с яркой перламутровой рукояткой и бессчётным количеством разнокалиберных лезвий и отверток. Берёг для своего Васьки, но ради такого случая – не жалко.

– Вот тебе, Степан, подарок от нашего экипажа. Я вижу, ты хлопец серьёзный, если спас свою сестрёнку. Пользуйся и береги Дашеньку.

Капитан поцеловал мальчугана в загорелый лоб. У того от счастья в глазах засветились огоньки искренней радости. Красилов тронул Дубягина за рукав:

– Организуй продукты: тушёнку, хлеб, наше НЗ – и проводи мальца.

Через десять минут Степан и Дубягин с полным вещмешком исчезли среди елей.

Подвезли солярку и снаряды. Заправились под завязку. Вернулся Дубягин.

– Отвёл детишек к здешнему мельнику. У него своих четверо, мал-мала меньше, но Степану с Дашуткой не отказали.

На душе как-то полегчало. Ну что, немного расслабились, пора и честь знать. Фронт, гремевший недалеко, напоминал, что война была рядом.

– Капитана Красилова к комбату, – посыльный из штаба постучал прикладом автомата по броне.

– Что за пожар? Был же приказ, двое суток заниматься техосмотром машин, – показался капитан из люка башни.

– Приказ явиться срочно, – посыльный, повернувшись, заспешил обратно.

Полковник Вавилов нервно прохаживался под навесом из плащ-палаток в ожидании командиров экипажей. Семеро офицеров стояли перед ним по стойке смирно. Ждали, видимо, только капитана.

– Кажется, все в сборе, прошу к карте. К переправе прорвалась группа немецких танков. Это недопустимо. Кроме вас, основная часть нашей техники ещё на подходе. Ваша задача – остановить танки. Низкая плотная облачность мешает нашей авиации обнаружить и обезвредить противника. Немцы двигаются примерно в этом квадрате, – полковник наклонился к карте.

– Задача ясна?

– Так точно!

– Выполняйте! Старшим назначаю капитана Красилова. А сейчас кругом – и бегом марш!

По вершинам елей пробежал ветерок – предвестник непогоды. Шли на предельной скорости. Первые капли дождя не заставили себя ждать.

Впереди мелькнула разбитая водокачка. Проскочили дотла сожжённое село. Лютуют немцы при отступлении. За всё рассчитаемся с ними по-полной, за нами не заржавеет.

По правой стороне возник бугор с обильной растительностью на макушке. Нам туда. Необходимо осмотреться. Упала скорость, двигатель заработал в нагрузке. Семь машин шли за Красиловым как на привязи. Гусеницы щедро разбрасывали в стороны налипшую от дождя землю. Стоп машина! Тридцатьчетвёрки замерли среди ельника. Взяв бинокль, капитан поднялся повыше и залёг над краем возвышенности.

Внизу небольшая речушка змейкой терялась вдали. Насколько позволяла пелена дождя, он внимательно осмотрел окрестности. Обнаружить неприятеля не было никакой возможности. Основной тракт, по которому двигались наши основные войска к фронту, находился в пятнадцати километрах от места нахождения танков Красилова.

Кругом глушь, бездорожье, болота. Именно на это был сделан расчёт немцев. Что ж, используем старый дедовский метод – ухо к земле и... По слабому гулу стало понятно, что немцы были где-то рядом.

– Работаем парами. В лобовое сближение идут четыре экипажа, – капитан пальцем указал кому. – А я с машиной лейтенанта Прокушева подхожу к речке с правого фланга от дороги и жду появления немцев. Вторая пара экипажей с левого фланга от дороги ждёт в низине. Когда немцы поравняются с нами, две первые четвёрки машин открывают огонь.

Мы должны навязать им свои правила боя. И когда они по уши увязнут в нашу замануху, мы с флангов открываем огонь. Боковая броня фашистов для нас самое то. Ох, и насверлим им дырок, со счёта собьются. Вопросы есть? Раз нет, тогда по местам!

К реке подошли на малом газу. Густой ивняк надёжно прикрыл их от посторонних глаз. Только бы всё сгрослось. Если немцы прорвутся к переправе, то наломают там дров, даже подумать страшно.

На дороге у реки появились первые танки. Идут так нагло, как у себя дома. Впереди бронетранспортёр – разведчик. Остановился, осмотрел окрестности и двинулся дальше.

– Пронесло, не заметил. А, вот он у нас уже в прицеле.

Колонна, не снижая скорости, вошла в реку. Торопятся. Вот из-за башен танков показалась громадное стальное тело «Тигра».

– Этого нам как раз и не хватало. С ним будет намного сложнее, чем с остальными. Сейчас всё внимание сосредотачиваем только на нём.

Если не завалим этого зверя – нам несдобровать.

– Не волнуйся, командир, влепим по самые гланды, – вперемежку с матом прокричал заряжающий.

Капитан дал условный сигнал по рации: «Гасим!».

Бронетранспортёр дёрнулся и, объятый пламенем, скатился в сторону. Первый танк словно наткнулся на стену. Дёрнулся из стороны в сторону и окутался густым дымом. Начало положено! То, что надо.

На эту пробку и рассчитывал Красилов. Берега речки со стороны немцев пологие, а крутые со стороны капитана. Они не давали немцам свободу для манёвра. Столкнув с пути горевший танк, немцы освободили проход на противоположный берег.

– Командир, чего ждём? – у заряжающего нервно дрожали руки.

– Когда «Тигр» войдёт в реку, тогда и начнём.

Две пары тридцатьчетвёрок быстро шли на сближение. Одна из машин закрутилась на месте. Её перебитая гусеница змеей разлеглась на земле. Второй снаряд, выпущенный «Тигром», жадно впился в беззащитный борт. Вот и первая потеря. Тут же и вторая тридцатьчетвёрка окуталась ярким пламенем. Немцы сконцентрировали огонь на двух оставшихся, идущих в лобовую атаку. «Тигр», стреляя на ходу, не сбавляя скорости, вошёл в воду. Огонь! Фланги ожили. Фашисты от неожиданности остановились.

Наводчик знал своё дело. Отполированная до блеска нашей землей гусеница «Тигра», разорванная бронебойным снарядом Красилова, блеснув на прощание, исчезла в мутной воде. Второй снаряд, третий. Ну что ты будешь делать! Что у него там за броня? Башня «Тигра» повернулась в сторону машины капитана.

– Ну, сейчас врежет, по самое не могу. Давай, Витёк, бронебойным... Огонь!

Заряжающий не заставил себя ждать. Корпус «Тигра» дёрнулся как раненый зверь и беспомощно затих. В агонии «Тигр» дал ответный выстрел.

У тридцатьчетвёрки Красилова взрывом сорвало башню. Обезглавленное тело танка охватило пламя.

Потеряв своего лидера в лице «Тигра», немцы замешкались. Тридцатьчетвёрки, подойдя вплотную, в упор расстреливали стальные коробки с крестами на боках. Фашисты пытались уйти прочь. Преследовать трусливого зверя намного проще, чем воевать с ним лицом к лицу.

В далекой Сибири, на окраине Сталинска, в бараке у Зинаиды что-то кольнуло в груди. Из рук выпал чайник, и кипяток разлился по полу. С плохим предчувствием она подошла к окну. У открытой калитки, не осмеливаясь войти, стояла почтальонка с похоронкой в руках.

Экипаж капитана Красилова похоронили на высоком берегу реки, у самой дороги, под молодой берёзкой. Чтобы каждый проезжавший и проходивший видел и знал, какой ценой нам досталась ПОБЕДА!

21.04.21г.

До последнего патрона

До последнего патрона
Мы держали оборону,
Но закончились патроны,
Есть работа для штыка.

Кто-то стонет, кроет матом,
Аты-баты, мы солдаты.
Жизнь пехоты нелегка.

Мир. Засыпаны окопы,
Прошагали пол-Европы,
С боем взятые высоты
Кровью политы пехоты.

Победили – и домой,
Оставляя за спиной
Павших братские могилы,
То, что было,
не забыли.
По весне,
в начале мая,

Птицы, с юга возвращаясь,
Души их несут домой.

Имена их вспоминаем,
На граните выбиваем,
В скорби головы склоняем
Мы у вечного огня
В дату памятного дня.

Афганская война длилась с 24 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года. Это был военный конфликт на территории Демократической Республики Афганистан (Республика Афганистан с 1987 года) между правительственными силами Афганистана, поддерживаемыми ограниченным контингентом советских войск в Афганистане (ОКСВА), и вооружёнными формированиями афганских моджахедов («душманов») при политической, финансовой и военной помощи стран НАТО, КНР, исламских государств.

15 мая 1988 года начался вывод советских войск из Афганистана.

Это произошло в соответствии с заключёнными в апреле 1988 года Женевскими соглашениями о политическом урегулировании положения вокруг ДРА. Советский Союз обязался вывести свой контингент в девятимесячный срок, то есть до 15 февраля следующего года. В первые три месяца Афганистан покинули 50 183 военнослужащих. Ещё 50 100 человек вернулись в СССР в период с 15 августа 1988 года по 15 февраля 1989 года.

Сергей Вдовин

Вдовин Сергей Александрович родился в городе Калтан Кемеровской области 28 сентября 1962 года. Закончил Новосибирский авиационный техникум. Служил в Афганистане, в спецназе (1982 – 1984 гг.). Награждён медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги».

Стихи начал писать уже по возвращению из Афганистана, в 1985 году; увлекся и авторской песней. Публиковался в калтанских и новокузнецких газетах.

В 2009 году «Российский союз ветеранов Афганистана» выпустил в свет диск Сергея Вдовина «Ну, сколько можно воевать?», в который вошли литературно-музыкальные композиции автора, военные баллады, лирические стихи и песни.

В феврале 2009 года в Калтане проводился первый городской открытый литературный конкурс «Афганский след», посвящённый 20-летию вывода советских войск из Афганистана.

Обладателем Гран-при конкурса стал участник Афганской войны, поэт-калтанец Сергей Вдовин. Его стихи и песни покорили жюри, слушателей, гостей. Все стремились хотя бы немного побыть с ним, пообщаться, потому что настоящее мужество не спутаешь ни с чем и оно притягательно.

Привал

28.09. Салават Каримов: *«Доброе утро всем! Сегодня отмечает день рождения наш боевой товарищ Сергей Вдовин. Поздравляю его и желаю ему крепкого здоровья и успехов в творческой деятельности. Желаю тебе, Серёга, чтоб твои произведения ещё долго радовали и нас, и окружающих людей! С днём рождения, Брат!».*

28.09. Володя Спицын: *«Сергей! С днём рождения! Успехов в твоих начинаниях! Удачи во всех делах!».*

28.09. Коля Вернер: *«Серёга, с днюхой тебя, друже!».*

Вот ведь как устроен человек! Каждый год слышу одни и те же слова, а читаю их, и каждый раз тепло на душе – помнят друзья! Помнят и благословляют новый год моей жизни, который разогнался, набирает скорость. Седьмой десяток! И куда время летит?! Да и мы, люди-человеки, за ним, словно отстать боимся или потеряться. Вот только от чего отстать, где не потеряться, и сами не знаем.

Я через свой юбилей в шестьдесят лет пронёсся, даже не притормозил. Словно отмахнулся от него. А сейчас вот решил, что остановлюсь ненадолго, привал себе устрою.

Привал... Может, усталость накопилась, может, время тому пришло. Только захотелось мне оглянуться на прожитое, вдохнуть эмоции былого и ещё раз, спокойно и вдумчиво, вспомнить, какие они на вкус, вспомнить, выдохнуть да шагать дальше – жить.

На юге Кузбасса есть небольшой и уютный город Калтан. Здесь я родился и рос. Старшие брат и сестра стали для меня обережным кругом, поэтому детство моё было безмятежным. Сравнивая с нынешними временами, могу с уверенностью сказать, что жили мы тогда хоть и небогато, но очень дружно. И сыты были, и одеты-обуты, и с соседями ладили. Тогда вся страна так жила.

Мечтая стать лётчиком, я был зачарован Небом. Часами мог смотреть и любоваться облаками... летал среди них и в фантазиях, и в своих снах. Стремясь к мечте, ещё до школы начал мастерить авиамодели – хорошо у меня получалось, и однажды, почувствовав себя опытным конструктором, уговорил друзей прикрепить крылья к своему велосипеду! Идею восприняли на ура! В столярке городского профтехучилища выпросили подходящие по размеру рейки. У мамы – пару старых простыней, чтобы крылья обшить и... началось...

Сколько же было азарта во дворе и споров! Строили-кроили наш самолёт и спорили о том, как будем испытывать Чудо-велосипед! С трудом, но я отстоял своё право лететь первым и... получилось бы, но... Хвала Небесам! Подломились у нашего велосипеда крылья ещё на стадии сборки, рейки оказались сучковатыми – не выдержали.

Детство... Много чего ещё было. И подводную лодку пытались построить, и ракеты выше крыш запускали, и хулиганили, и дрались, и взрослели, и влюблялись... Всё было как у всех. Жили!

В 1979 году, после окончания школы, поступил в Новосибирский авиационный техникум на отделение «Самолётостроение». Учиться нравилось. Дипломной работой выбрал реальный конструкторский проект для завода и защитил его на пятёрку. Так и думал, что свяжу свою жизнь с авиацией, но впереди была армия, Афган и... лихие девяностые. А там... Предательство... Перестройка Горбачёва и Ельцина... Крах СССР... Миллионы сломанных и перечёркнутых людских судеб.

28. 09. Пётр: *«Мирного неба тебе, Серёга! Будем жить!».*

Сорок лет прошло после моей Афганской войны. Война отпустила меня тогда – не покалечила и богаче не сделала. Лишь память, десяток чёрно-белых фотографий в дембельском альбоме, да голубой берет на полке. А ещё бессрочное, до конца дней моих, удостоверение участника боевых действий.

В соцсетях Интернета есть группа нашего 177 отряда. В ней мы общаемся с сослуживцами: делимся новостями, горем и радостью, договариваемся о встречах, о совместных поездках, помогаем друг другу, если беда.

Нас много. Мы разные по годам службы и званиям, у нас разные судьбы и жизненная позиция, но всех нас объединяет присяга Родине, объединяет клятва на верность Отечеству и нашему Знамени.

28.09. Фарид: *«Сергей, крепкого здоровья, творческих побед и мирного неба!*

28.09. Гаврушов Виктор: *«С днём рождения, братишка, удачи по жизни, счастливой любви. Твори чудесные песни, будь здоров, земных благ тебе и твоим близким!».*

Телефон не умолкает: СМСки, смайлики.... Так уж сложилось, что и этот день своего рождения я встречаю в дороге. Вахта... На этот раз это Забайкальский край, город Борзя. И самолётом сюда летел, и на поезде ехал, и автобусом добирался. Почти четыре с половиной тысячи километров до Кузбасса.

Какая же большая у нас страна! И ресурсы, и богатства, и потенциал такой огромный, что жить бы да жить в любви да здравии.

Но... Это вездесущее «но». Задыхаются и деревня, и пригород. Рядом с домом работа копеечная. И образование настоящее только в городе, и здравоохранение, и развлечения – всё в городе. Вот и едут мужики на заработки. Месяцами вдали от дома, от семейного быта – а ведь это их жизнь. Месяцами не видят детей, а потом возвращаются и пьют неделю, отсыпаются, приходят в себя и опять уезжают. Неправильно это. Ох, как неправильно.

28.09. Алексей Васин: *«С днём рождения, Брат, здоровья тебе и удачи!».*

28.09. Ватслав: *«Сергей, поздравляю тебя с новым годом твоей жизни! Здоровья, счастья и творческих успехов!».*

28.09. Казахстан: *«С днём рождения, Серёга. Всего тебе хорошего и доброго!».*

Счастье... Где оно, простое человеческое счастье? В чём оно? В том, чтобы крыша над головой была? В том, чтоб дети и семья; чтоб достаток в доме. Что

ещё? Чтоб здоровы были и жили в любви да радости. Ведь так? Как говорится, не поспоришь.

Вот только вопрос: а от кого это зависит? В глобальном смысле. Какого зла не должно происходить? Кто, добрый, может сделать так, чтобы всем... Или такое только в сказках бывает? Верно классик сказал, что счастливы мы все одинаково, а несчастлив каждый по-своему.

Добро и зло... Человек между ними.

Вглядываюсь в себя, как в зеркало, перебираю даты и события, задаю вопросы, ищу ответы. Немой получается разговор, но очень уж содержательный. Соглашаюсь с тем, что не лентяйничал, не пытался спрятаться или обмануть кого – лукавить. И всё, казалось бы, делал правильно, но... предал детскую мечту о Небе, отказавшись от неё. Удобные двери стал открывать, поплыл по течению.

Жил, как черновик писал. И вот однажды проснулся ночью... (горькая усмешка) опять за тысячу вёрст от дома проснулся. Проснулся и понял вдруг, что всё потерял. Ни семьи у меня нет, ни дома, ни сыновей... похоронил обоих. Догнала меня война. В «миру» уже догнала, ударила исподтишка, убила и разрушила всё, что было.

29.09. Командир: *«Ну что, снайпер 177 ООСпН, Вдовин Сергей, с Днём рождения Вас, дорогой мой человек! Желаю Вам крепкого здоровья, семейного благополучия и снайперского удара по нашим сердцам своим творчеством. Будь в порядке! Обнимаю!»*.

Да, проснулся я однажды с мыслью, что всё потерял. Всё! Бомжом, по сути, стал, но... пусть кто-то осудит меня сейчас, эгоистом назовёт, но... не было у меня в ту ночь отчаяния или тоски. Было лишь ясное понимание того, что жизнь даёт мне второй шанс.

Я кожей, всей Душой осознал, что умер в ту ночь и заново родился. Всё у меня опять с чистого листа!

Сейчас у меня есть Память и Опыт прошлой жизни, у меня есть Друзья и возможность Творить. Как же это здорово! И сколько бы судьба мне ни отмерила, теперь я точно знаю, что у человека есть выбор. Выбор: спрятаться от проблем в алкогольном бреду. Выбор: ныть на течение и жаловаться, что все вокруг виноваты. Или выбрать жизнь. С большой буквы – Жить! Строить новый Дом, строить Семью, сажать деревья и... обняв Мечту, не отпускать её, не предавать, а построить свой Самолёт. Взлететь на нём к облакам и утонуть в Небе так, чтобы всё было по Совести.

Братцы! Странно это, но ведь война нас свела! Война научила дружить и ценить друг друга. Благодарю Вас! И рукой, и сердцем, и душой, благодарю за участие в моей судьбе, за то, что были и есть в моей жизни. Берегите себя, братцы! Не бойтесь мечтать и верить в мечту – всё получится! На себе сейчас это испытываю, тем и делюсь. Я верю, я знаю, что в шестьдесят два года жизнь только начинается. Обнимаю Вас!

С уважением, Сергей.

До Победы оставалось 30 дней

Я открыл глаза и увидел себя стоящим посередине большого сельского двора. Хотя нет! Слово «сельское» к тому, что я видел, явно не подходило. Меня окружали добротные хозяйственные постройки, и как-то всё вокруг аккуратно, на местах, не по-русски, хотя идёт война... Война! Слово всколыхнуло. Пробудило. Пришло понимание того, что происходит, где я и что со мной.

Да, действительно идёт война. Великая Отечественная война. Сейчас апрель 1945 года. Прекрасное весеннее утро, и я даже знаю, что до Победы осталось ровно 30 дней. Ещё я понимаю, что мне всё это снится! Мне, Вдовину Сергею Александровичу, 1962 года рождения и реально живущему в 2010 году. То есть уже даже в другом веке!

Ну и дела! Любопытное ощущение. Понимаешь, что видишь сон. И в то же время до чего же всё вокруг по-настоящему...

В доме скрипнула дверь, и на крыльцо вышел парень. Лейтенант, вернее сказать, лейтенантик, уж больно молоденький. Глядя на него, я подумал: «Знакомое лицо! Где-то я его раньше видел, но где?» А парень шагнул во двор под утреннее солнце. Прищурился, глядя на него, на солнце, с довольной улыбкой, потом сморщил конопатый нос и неожиданно громко чихнул!

– От, ёшкин кот! – засмеялся он, довольный собой. У парня явно было хорошее настроение.

Я же смотрел на него, можно сказать, разинув рот. Ну точно где-то видел! Средний рост, немного сутулая фигура, русый волос, улыбка – всё такое знакомое! А парнишка, не замечая меня, расправил двумя пальцами гимнастёрку под ремнём, глянул одобрительно на свои новые лейтенантские погоны и пошёл к крайнему сараю. У сарая сел на небольшую пачку сложенных друг на друга брёвен. Достал из планшета бумагу, карандаш и стал писать письмо.

Меня кольнула мысль, что брёвна лежат как-то ненадежно. Мысль царапнула и тут же ушла. Любопытно было наблюдать. Письмо пишет... Интересно! А я, не заглядывая в листок, уже знаю, о чём и что пишет!

«Здравствуй, мама! Здравствуйте, папа и братишка! Я надеюсь, все уже дома. Вернулись из своих госпиталей. Хорошо, что живы! А дальше... вместе мы справимся! Войне скоро конец...». У карандаша сломался стержень. Парнишка недовольно поморщился и полез в карман за ножом.

– Да, скоро кончится! Скоро, – сказал я вслух, а сам, дурачась, поводил у парня перед глазами рукой. Тот – ноль внимания. Не видит!

– Тридцать дней до Победы осталось! – крикнул я ему прямо в ухо и громко засмеялся. – Тридцать дней!

Мне было хорошо и радостно от того, что происходит. Нет, ну до чего же знакомая рожица!

Парнишка замер. Прислушался. Оглянулся по сторонам. Меня не видит, пожал плечами:

– Надо же, – забормотал он, подстрагивая карандаш. – Будто шепнул кто! – Опять огляделся. – Почудилось, что ли? Тридцать дней! – хмыкнул он и продолжил писать: «Война заканчивается. Отец и брат успели повоевать, а мне, видимо, не придётся. Не повезло. Немцев вижу только пленных...».

И тут из-за угла сарая прямо на нас вышел немец. Ещё моложе моего лейтенанта, лет четырнадцати-пятнадцати, не больше. Форма на нём мешком, не по росту, какой-то весь скукоженный, жалкий, но в руке у него карабин, и он направил его на моего лейтенанта. В упор!

Время замедлилось, стало вязким. Размылись очертания предметов, даже звуки исчезли, остался лишь нервно подрагивающий ствол карабина, побелевший от напряжения палец на курке, ощущение беды... И гулкий стук сердца...

Казалось, это будет продолжаться вечность, но наконец-то ствол карабина качнулся вниз, помедлил секунду и стал уверенно опускаться. Время опять обрело свой нормальный ход.

– Фу! Ну, ты и напугал меня! Ёшкин кот! – Мой лейтенант провёл рукавом по вспотевшему лбу. Вот и молодец! – улыбнулся он немцу открыто и радостно.

– Жить надо! Жить! Хватит воевать. – Лейтенант стал подниматься, но получилось это у него как-то неловко. Под ногами что-то шевельнулось, хрустнуло, брёвна стали разъезжаться... Мой парнишка, пытаясь удержать равновесие, взмахнул руками, качнулся в сторону немца и... тот выстрелил. Выстрелил, наверное, сам того не ожидая.

Во мне всё обмерло. Обдало жаром. Как так? Что происходит? Зачем? Я видел, как лейтенант, так и не удержав равновесия, падает на землю. Потом, прижимая обе руки к животу, пытается подняться. В левой руке у него по-прежнему листок письма. Он словно закрывает им рану. Потом раскрывает ладони, на них кровь. Кровь на них и на письме.

Время остановилось.... Медленно-медленно он поднял голову и посмотрел, прямо на меня.

Глаза! Господи! Глаза этого парнишки! В них удивление, непонимание, испуг. Боль! Боль разлилась и затопила. Захватила, наполнила всё вокруг. Меня обожгло, скрутило этой болью, но я удержался на ногах, устоял и, не имея возможности помочь, лишь смотрел оторопело, как мой пацан потихоньку, бережно опускается на землю.

– Мама! – выдохнул он и сжался в комок. – Мамочка! Как больно!

Меня тряхнуло, пронзило ознобом. Я у-з-н-а-л! Да ведь это же я?! Я! Вот откуда ощущение, что мы с ним знакомы! Это же я! Это я сейчас умираю! Это меня убили в том далёком сорок пятом!

Господи! Да что же происходит? Да как же это? Господи! Верни время назад! Назад хоть на пять минут! Верни, пожалуйста, Господи! Я же взрослый мужик, мне почти пятьдесят! Я сам воевал, Афган прошёл! Я что-нибудь придумаю, сделаю, спасу...! Верни в-р-е-м-я!

Прости меня, Господи! Ты давал шанс, а я не понял! Не сумел...Прости меня, парень...Прости...

«Как больно, мама...»

До Победы оставалось тридцать дней...

Снайпер

Я торопливо поймал голову «духа» в прицел и выстрелил. Вот ё..., промазал! Чертыхнулся – как ни крути, а из снайперки это у меня первый, и вот, промахнулся. Так, спокойно... Дышим. Дышим и ждём. Камень небольшой. Спрятаться за ним можно, но только скорчившись. Поэтому ждём. Дышим и ждём. Там он, голубчик, и деться ему некуда. Высунется.

Удивительно, но я успокоился и отстранился от всего лишнего: есть я, есть перекрестье моего прицела, есть камень, за которым враг, и я знаю, чувствую, что душману там, за камнем, сейчас неудобно и страшно. А я жду, и мой палец на курке расслабленно замер...

Из-под камня посыпалась земля – зашевелился, гадёныш? Показалась ступня. На этот раз я всё сделал уверенно и чётко. Выстрелил в ногу и перенёс прицел на другую сторону камня. Есть!

Голова... мой выстрел. «Молодец Серёга! – похвалил я себя. – Первая зарубочка... Молодец!»

Азарт... Я прильнул к прицелу, и он, выискивая жертву, заскользил по панораме боя, уже не торопливо, а хищно, не спеша, и, кажется, самостоятельно.

Ещё зарубочка!

Довольная винтовка толкнула меня в плечо прикладом, – Молодец, Серёга!

– И ты, винтовочка, молодец! – прошептал я, благодарно поглаживая цевьё.

Азарт охоты – удивительное ощущение. Я нёс смерть! И мне это нравилось. Я забирал жизни по выбору, никого не спрашивая, ни перед кем не отчитываясь, с уверенностью в своей правоте. Это пьянило, завораживало и требовало повторения. Прицел винтовки, многократно увеличивая и приближая, добавлял всему происходящему особую остроту ощущений, и мне это нравилось.

Да, сегодня был «наш» день. Все сложилось на редкость удачно, как по учебнику: и караван «хороший», и зажали мы его «наглухо», и «работали» сейчас по нему, как в тире...

– Серёга! – голос Ломова в наушнике радиостанции вернул меня к ре-

альности. – Смотри вправо – лошадь уходит.

– Понял, командир!

Гружёная тюками, волоча за собой какие-то верёвки, лошадь быстрым шагом уходила по тропинке над обрывом. Я выстрелил в неё, почти не целясь, слепой не промахнётся, да и время терять не хотелось, неинтересно. Лошадь вздрогнула, покачнулась, но устояла. Тяжёлый груз стал тянуть её в обрыв, и она, пытаясь удержаться и сопротивляясь изо всех сил, развернулась ко мне боком. Я видел, как она судорожно борется за свою жизнь, напрягается. Но груз тянул неумолимо, и ноги лошади, слабея, приседали всё ниже и ниже.

Вокруг меня оглушающе трещал бой, да и расстояние до лошади было приличное, но мне почудилось, что я услышал, различил тонкое лошадиное ржание. Вернее, даже не ржание, а крик. Крик страха и боли. Я почувствовал её, эту боль. И словно очнулся. А прицел услужливо поймал лошадиную морду, приблизил и увеличил её глаза, и я, стервенея от того, что делаю, выстрелил прямо в них – надо добить... мучается...

Лошадь почему-то не падала – опять промахнулся? А обезумевшие от боли глаза заполнили собой прицел. Мне захотелось зажмуриться, но я смотрел и, нажав на курок, выстрелил ещё и ещё раз.

Отчаянным, последним рывком лошадь попыталась встать на дыбы, но ноги подкосились, и, мелькнув в воздухе передними копытами, она, переворачиваясь через спину, опрокинулась в обрыв.

Лошадь исчезла, но ещё долю секунды на стекле прицела держался размытый образ. И мне почудилось, мне показалось, что это был образ человека. Человек падал. Падал навзничь. Падал, широко раскинув поднятые в небо руки...

Рецензии

Здравствуй брат. Прочитал 10 твоих рассказов. Ты молодец. Убивал ли ты людей? Что при этом чувствовал? Как после этого жить? Все эти вопросы задают и мне до сих пор. Я тоже там был, но я не служил, я работал, но убивал довольно часто. И в поиск ходил, и на перехват. Прочти моё про горы. Всего здесь рассказать нельзя. Я рад, что встретил брата, правда, ты на 20 лет меня младше. Когда читал про твоё возвращение, про мать, у меня полились слёзы. Ещё хочу сказать. Не мучай себя мыслями. Я по первому долго маялся, но тогда не война была. А убивал я врагов. Пиши и радуй нас. Не давай спуску тем, кто косо смотрит на нашу Родину. У Родины на нас надежда.

Вячеслав Зиновьев 2 09.07.2015 19

Здравствовать и тебе, брат! Мы, наверное, и внешне с тобой похожи (улыбаюсь). А если серьёзно, то связь поколений, корни, Родина... Слава Богу, что есть эта цепочка и что она не рвётся. Хочется жить! Обнимаю. Загляни ко мне на «стихи.ру» «Судьба»

Сергей Вдовин 3 10.07.2015 02:22

Возвращение

«Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция Калтан». Простуженно-дребезжащий голос из динамика прозвучал как музыка. Вагонные колеса подхватили песню, застучали дробно:

«Домой!

Домой!»

«Домой», пела и моя душа, подгоняя электричку. И вот наконец-то скрип тормозов, шипение открывающейся двери, и я, продрогший от нетерпения, прыгаю на заснеженный перрон родного города.

– Здравствуй, Город!

– Здравствуй, Серёга! – Город, встречая меня, блестит снегом.

А морозец-то! А! Морозец! За сорок придавил! Тоже встречает меня, шуткует, прихватывает: и шапка на мне ушита, и сапоги, и шинелька, и перчатки на «рыбьем меху». Не для январской Сибири...

Бегом! Бегом! Торопит мороз, скрипит под ногами, теребит и радуется. Бегом, Серёга! Хватит афганской маяты. Домой!

Ступеньки... взлетаю... кнопка звонка... надо отдышаться. Господи! Неужели я дома?! Сейчас... кто за дверью? Мама?.. Сердце стучит!.. Сестренка! Ух!.. Сонная ещё!..

– Танюшка!

– Ой!..

– Да я это, я!

– Ой, мамочки... Живой!

– Живой, Танюшка!

– Серёжка! Вернулся!

– Вернулся!..

– Мама! Мама! Сережка вернулся!

– Сынок!.. – Мама, покачнувшись, прислонилась плечом к стене. – Сынок...

Мамины глаза... Мамины руки...

Горячий душ. Облако пара...Таю... таю... Неужели я дома?! Кафель на стенах... белизна ванны... халат на крючке...

Закрыв глаза, подставляю лицо струям воды и улыбаюсь: «Благодать! Какая благодать!»

Наплескавшийся, разомлевший и довольный, выхожу из ванны. К моим ногам, выгибая спину, прижался кот Васька. Замурлыкал, узнавая, – к чужим не подходит.

Я замер, прислушиваясь: мама с сестрёнкой хлопочут на кухне, звенят посудой. В зале бормочет телевизор.

У соседей наверху что-то упало, покатилось, послышались торопливые шаги.

Где-то чуть слышно заиграла музыка. Отзываясь ей, рассерженно и басовито загудел водопроводный кран – покой и тишина! Дом просыпается.

Память вдруг вспучилась наваждением, хлестнула изгибом другого утра... Афганского. Передернулся зябко, словно стряхивая, повёл плечами.

Со стороны кухни прилетел ароматный запах. М-м-м... потянулся ему навстречу. Вкуснотища!

Мама! Танюшка! Родные мои! Как же я соскучился! Жаль, отец в больнице. Сердце... Он-то про Афган знал... Ничего, теперь поправится. Я дома!

– Серёжка, – сестра смеется, не разрешает мне стащить с тарелки аппетитный бутерброд. – Ну что ты как маленький?! Сейчас все за стол сядем. Мам! Зачем ты ему разрешаешь?

Сестра опять смеется: «Я так больше не играю! Как был в любимчиках, так и остался!»

«Ой!» – Танюшка вскрикнула. Это я, дурачась, как в детстве, ущипнул её за бок. «Ах, так!» – сестра пытается ущипнуть меня. Потом берёт за руку, смотрит очень серьёзно: «Ты изменился, брат. Взрослым стал».

Комната... моя комната... Надо же, всё, как прежде. Даже покрывало на кровати то же.

Книги на полке...

– Здравствуй, Серёга! – приветствует Капитан Немо.

– Здравствуй, Капитан!..

– Виват! – звон мушкетерских шпаг, – Виват! Один за всех!..

– Все за одного! – салютую я в ответ.

– Здравствуй, солдат! – улыбается Василий Тёркин.

Модель самолёта на столе... Здорово получилось! В каком же это классе? Кажется, в третьем. А вот и приёмничек. Тоже самоделка, транзисторный... Отец помог сделать. Крутнул колёсико – гляди-ка! Работает! Звуки марша, не то. Хватит уже, не то... Смешно, чем только ни увлекался! Вот песня... Про девчонку...

Перчатки... Шум и запах спортзала... На ринг вызывается... Сергей! – Голос тренера. – Почему открыт? Над защитой работай! Над защитой!

Да, я шмыгнул носом, боксёра из меня не получилось. Улыбнулся воспоминаниям – как же давно это было! Словно в другой жизни...

Взгляд скользнул по фотографиям на стене. А вот и моё фото... Смешной! Наивный и доверчивый... Глаза в глаза..., сердце защемило, что, брат, смотришь?

Не узнаешь? Изменился?

Я это, Серёга...

Здравствуй!

Скрипнула дверь, я обернулся. В комнату вошла мама. Смотрит на меня как-то странно.

– Серёжа, ты можешь сейчас снять халат?

– Мам, зачем это?

– Ты был ранен? Ты не скрывай от меня, скажи...

– Мам, ну что ты! Я здоров. Обошлось...

– Разденься, сынок, я посмотрю сама.

Мама пошла вокруг... Медленно... Вглядываясь... И, словно не веря глазам, касаясь меня кончиками пальцев, гладила – нет ли шрамов... Потом прижалась ко мне, обхватила руками и опять тихо заплакала.

Подошла Танюшка и тоже уткнулась мокрыми глазами в плечо.

– Мам, сестрёнка! Хватит уже! Дома я! Дома!

Убивал ли ты на войне?

Мне часто задают вопрос: «Убивал ли ты на войне? Сколько? Что при этом чувствовал?». Если не получается отмолчаться, я пытаюсь по глазам, по голосу человека понять, почувствовать, для чего он задаёт этот вопрос? Что им движет? Бывает и такое, что, внутренне раздражаясь, я могу нагрубить в ответ, а то и хуже – ударить...

Убивал ли я? Сейчас, когда после тех событий прошло более четверти века, я начинаю понимать, что это вопрос, от которого я всегда интуитивно бегу, не хочу его слышать. Кому-то я могу ответить со злостью или равнодушно, похвастаться с пьяной бравадой или устало отмахнуться, а себе... Перед собой мне хочется оправдаться. И чем дальше по времени та война, тем острее вопрос: Зачем? Нужно ли было?

Убивал ли я?

Первый из нашего призыва «молодых» погиб через несколько дней после прибытия в батальон. От брони БМПшки его отрывали – прижарился.

Первым во взводе погиб Коля С.

Нас в то время иногда использовали не по назначению, как штурмовую бригаду. Соседи, пехота, не могли взять «высоту», вот и обратились за помощью. Мы выручили, но были потери, и получилось так, что Коля попал к «духам». Ранен он был или уже погиб, не знаю, но сразу отбить, забрать его мы не смогли. В отряде было железное правило: своих погибших не оставляем. Как забрать Колю? Тогда Батя, наш комбат, собрал старейшин ближайшего кишлака и поставил условие: «К утру парня не отдадите, кишлак сметём». Колю отдали... мертвого. Он был раздет до трусов, изранен, лица не было – я тогда впервые увидел, что жара делает с человеческим телом. Когда мы стали Колю поднимать, раздутое тело лопнуло и потекло. Запах смерти... Война всё расставила по местам, сразу и жёстко – не убьёшь ты, убьют тебя. Разве я в этом виноват?

Что я чувствовал, когда убивал? А что я чувствовал, когда видел камни в животах наших ребят? Что я чувствовал, когда собирал их израненные тела, после того, как «духи» глумились над ними? Что я чувствовал, глядя в выколотые глаза и понимая, что я остался жить потому, что погибли они? Погибли, спасая меня.

Убивал ли я? Скольких? А если одного? Этого мало? Чем больше, тем «круче»? Перед кем «круче»?

Да, я убивал. Я убивал от страха – хотелось жить. Убивал с ожесточением – мстил за ребят. Убивал с азартом охотника – полгода был снайпером. Убивал хладнокровно – обстановка... так нужно... Разве я в этом виноват?! Разве я виноват, что мы, тогдашние пацаны и наши офицеры, попали в эту огромную ловушку – Афганский капкан?

Слова Честь, Совесть, Дружба, Дом,

Надежда, Страх, Вера, Подвиг, Любовь, Жизнь и Смерть, все эти слова несли свой истинный смысл и звучали только с большой буквы. Значит, всё было правильно? Но тогда почему болит душа и хочется оправдаться? А перед кем оправдаться? Перед самим собой...

Я горжусь ребятами, с кем довелось служить. Я горжусь нашими офицерами, от командиров взводов до комбатов. Горжусь, что прикоснулся к той жизни, в которой был батальон, наше знамя. Мы выполняли Долг! Мы сохранили Честь! Судьбы и жизни за этими словами...

С тех пор прошло более четверти века. Недавно я разговаривал по телефону со своим командиром взвода. Мы вспоминали прошлое, и он сказал: «Я не жалею ни о чем и повторил бы каждый свой шаг». И я согласен с ним, и я не жалею. Нам есть за что себя уважать. Но тогда почему, чем старше я становлюсь, тем чаще ловлю себя на мысли, что мне хочется оправдаться...

А в чём я виноват? В чём и перед кем?

Сон

Шаг... Ещё шаг... Солнце взбесилось... Воздух обжигает. Заливает потом глаза. Пекло! Передохнуть бы, да нельзя... Вперёд... Не останавливаться... Здесь плохо... Очень плохо! Шаг...

Кишлак словно вымер, но... Взгляд... Я чувствую... Спиной, затылком... Липкий... Холодный, расчётливый взгляд. Не спрятаться... Ненависть! Всё вокруг пропитано ненавистью. Она звенит струной, готова лопнуть, оборваться выстрелом. Ещё шаг...

Откуда будут стрелять? Откуда?! Из того тёмного оконца? Из-за двери? Нужно уходить... Быстрее! Как можно быстрее, но ноги... Ноги не слушаются. Опять этот сон.... Это пекло, этот страх... опять! Нужно проснуться! Обязательно проснуться... Сон... Сон влечёт запахами... Кружит ядовитой тишиной... Захлёстывает хрустом камней под ногами...

Смахнуть бы пот... Солнце... Солнце взбесилось!..

Тишина нехорошая... Шаг... Куда будут стрелять? В голову? В живот? Ещё шаг... Не думать... Не думать... Вперёд, пока дают шанс. Какая длинная улица...

За спиной идёт Олег. Почему не Яшка, друг, с которым мы всегда вместе? За спиной Олег, и руки у него, как и у меня, заняты. Мы несём воду. Воду нашим ребятам... Шаг...

Всё не так, неправильно! Почему вдвоём? Автомат за спиной и, если что, не успеть... Хотя... Если в живот... Всё равно не успеть... Ещё шаг... Лучше бы в голову... Не мучиться...

Тишина набухает, начинает вибрировать и лопается звуком работающего двигателя. Вертолёт! Его не видно. Он за кишлаком на поляне... там же и мужики. Наши!.. Там безопасно, надёжно!.. Бросить бы всё и бегом... Нельзя! Нас ждут с водой!

Улица позади. Перед нами сумеречный коридор. Направо и налево пустые дверные проёмы. Дверей в них нет, лишь в конце коридора закрывает выход крепкая, даже на вид, дверь. Я знаю: там конец пути. За ней ребята, вертолёт. Уже можно услышать их приглушенные голоса. Они рядом, ещё чуть-чуть... ещё немного... путы на ногах спали. Тело вновь стало упругим, послушным, как прежде. Страх отпустил.

Заглядывая в дверные проёмы, страхуя друг друга, мы осторожно двигаемся по коридору. Пусто... Никого... Пусто.... И вдруг... В одной из комнат... Булочки! Глазам не верю! Много! Куча в мой рост! Булочки!.. Такие же, как в детстве! С пышной, посыпанной маком, золотистой, запечённой корочкой... Из комнаты, накрывая нас с головой, вырвалась сладкая, душистая волна запаха свежей выпечки. В первые секунды я даже оторопел от того, что увидел и почувствовал. Потом, приходя в себя, обернулся к Олегу:

– Вот здорово! Мужики обрадуются!

– Странно. Не нравится мне это, – Олег тревожно оглянулся, – откуда они здесь?

– Да какая разница?! Клади их в мой РД,* место есть.

Я, подставляя ранец Олегу, присел на одно колено и осторожно, боясь, что всё сейчас исчезнет, рассыплется, взял в руки булочку – тёплая! Поднёс к лицу и, закрыв глаза, вдохнул аромат... Красота! Чудо!!! Я окунулся в радость, забылся и потерялся на миг. В себя пришел от голоса Олега:

– Хватит улыбаться. Полна коробочка, пошли. – Он всё так же хмуро оглядывался. А я попал в восторженный ступор. На душе было светло.

– Пошли, Серёга, – Олег хлопнул меня по плечу, – ребята ждут.

До выхода из коридора оставалось пройти ещё метра два-три. И, заглянув в последний дверной проём справа, я опять удивленно и радостно остановился: чудеса!

– Олег, ты посмотри! Молоко! – я, не в силах уже сдержаться, засмеялся в полный голос. – Вот мужики удивятся! Тёплые булочки с холодным молоком!

Запотевшие, холодные даже на вид, словно только что из холодильника, в этой комнате были навалены бутылки с молоком. И опять целая куча...

– Олег, клади их к себе, мне уже некуда.

Я посторонился, пропуская Олега в комнату, постоял немного, дивясь и любуясь необычной картиной, потом шагнул к двери на выходе и толкнул её, открывая. Обдало свежим ветерком. Я вышел наружу, огляделся, спустился с крыльца. Присел на нижнюю ступеньку. Положил на колени автомат и закурил. Хорошо...

На поляне около вертолёта стояли ребята. Увидев меня, они что-то закричали, замахали руками – торопили. «Сейчас придём», – подумал я и, слыша, как Олег звякает бутылками, улыбнулся: «Все хорошо. Мы вышли. Зря страх на себя нагонял. А мужикам-то сюрприз будет!».

Ветром качнуло дверь за спиной. Она скрипнула и, подхваченная новым порывом, закрылась. Я поморщился: дверь разделила нас с Олегом, я его уже не видел и не слышал, а это недопустимо. Раз мы идём в паре, значит, жизнью отвечаем друг за друга. Это закон. А сейчас дверь захлопнулась, а я лишь поморщился, не открыл и почему-то медлил. Считая секунды, убеждал себя, уговаривал, что опасность миновала, что Олег рядом, сейчас выйдет. Ждал. Секунды растягивались, складывались в минуту, другую, а дверь всё не открывалась.

– Олег, – позвал я шёпотом.

Тишина в ответ зазвенела ощущением беды и непоправимой вины. Я лёг на ступеньки крыльца пониже. Выставил перед собой автомат и, вглядываясь в дверную щель, постарался рассмотреть, что за нею.

По двери пнули... Сильно... Изнутри... Она пронеслась над моей головой, едва не зацепив. Обдало холодом... Перед глазами застыло, отпечаталось как на фотографии: грязный халат, чалма, ощеренный рот, дикие, налитые ненавистью глаза, и закопчённый ствол чужого автомата у моего лба и царапина на копоти этого ствола... Свежая...

Время, выдержав длинную паузу, сдвинулось, вновь обрело ход. Я видел, как палец душмана на курке его автомата стал медленно, страшно медленно сжиматься. Опережая его, я нажал на свой курок, но выстрела не последовало. Ох, ё... бросило в жар! Предохранитель! Предохранитель... Я лихорадочно, срывая ногти, пытаюсь передвинуть рычажок предохранителя на автомате, но его заклинило намертво. Слабея от страха, чувствуя на своих пальцах кровь, теряя надежду, я рву и рву предохранитель, а в лоб мне смотрит закопчёный, с царапиной, чужой ствол... и, заслонивший всё вокруг, сжимающийся палец душмана и налитые ненавистью глаза...

– Сергей! Серёжа! Что с тобой?

Я, ничего не понимая, смотрел на встревоженное лицо жены.

– Серёжа, проснись! Что с тобой?!

Страх всё ещё цепко держал за горло, а пальцы мои искали и рвали заклинивший предохранитель.

***РД – ранец десантника.**

Зазеркалье

Обшага гульбанила. Без тормозов, «по-чёрному»... А как же, неделю «пахали», имеем право! Начали, как водится, с пятницы и... по маленькой, по маленькой,... разошлись-расслабились. О том же, что уже завтра понедельник, рабочий день, даже и не вспоминали.

«...Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения, и вижу в нём любовь свою и думаю о ней...» Песня Юрия Антонова, пробиваясь ко мне из соседней комнаты, то и дело тонула в мужском гоготе, пьяных выкриках и визгливом женском смехе. Соседи и меня зазывали на «пирушку», но я отмахнулся – пресно на душе, ни гулять, ни плакать.

«...Иногда о любви забывают, но про всё забывают любя. Без тебя не живу, не бываю, даже если живу без тебя...» Слова песни, отражаясь от потёртых стен, цеплялись за мою душу, как утопающий за соломину. Хотя, наверное, это я к ним тянулся. В этом гвалте уже и не разберёшь.

Да уж, вздыхаю тягостно, прячься – не прячься, а от себя не убежишь. Командировка закончилась. Билет на ночной поезд в кармане, и никуда не денешься, нужно возвращаться. Возвращаться... Под рёбрами ворохнулась, громыхнула цепью и привычно, по-собачьи, свернулась в комок, сжалась тоска. Возвращаться... Полгода уже прошло, казалось бы, за шесть месяцев... время излечит, но ведь ничего не изменилось. Ни-че-го! Не сбывается сказка о красавице и чудище лесном! Не так «прописан» финал. Кто только придумал её, эту сказку «Аленький цветочек»...

«...Эти глаза напротив – калейдоскоп огней...», – кричал пьяный хор за стенкой, а я в полутёмной комнате замер, вглядываюсь в зеркало – что дальше? Темнота за спиной дрогнула, оскалилась затёртым стеклом, лизнула мутным шёпотом: не верь краскам! Не верь! Поманят и посмеются: «Посмотрись в зеркало!.. Чудовище...»

Земля под ногами вращалась – вечное неутомимое движение. Городок, сваливаясь в сумерки, зацвёл, запестрел неоном рекламных огней. Вспыхнули глазастые уличные фонари. Под их взглядами у меня выросли и словно ожили тени. Тени, двигаясь со мной, то двоились, то расплывались неуверенным пятном, но всё чаще и чаще, теряя полутона и приноравливаясь к моему шагу, обретали чёткие границы. А я брёл, наступая на них, брёл, вглядываясь в зеркала витрин, и что-то искал в кривых отражениях...

...Чувствовал же подвох, чувствовал, защищался, «выставлял ладошки» и... поверил. А как не поверить! Красота и радость... Как не поверить!? Хотелось... вот и вылепил-слепил... Захлебнулся...

Над головой распахнулась форточка окна. Птицей на волю вырвалась и зазвучала щемящая мелодия: «...У беды глаза зелёные, не простят, не пощадят...» Да что же ОНИ сегодня, сговорились что ли?! Ускоряю шаг, бегу...

У привокзальной площади натыкаюсь на небольшой местный кинотеатр. Афиша: фильм экспериментальный, без названия. Хм! А почему бы и нет?! Загляну, время до поезда убить.

Захожу. У кассы дядька стоит – суетится. То по карманам себя хлопает, то кучу ярких пакетов с места на место переставляет. Я с этой «ёлкой новогодней» час назад на вокзале едва раз-

минулся, вот и сейчас он растопырился – не обгонишь! Забавный попутчик. Прибарахлился по моде, хвост на затылке в пучок собрал...

Скрип пружин. Придерживая высокую входную дверь, в кассовый зал вошли ещё двое – мужик примерно моих лет и молоденький паренёк. Старший, опираясь на деревянную трость-палку, прихрамывает. Потёртая джинсовая курточка на плечах и залысины на лбу возраста не скрывают, но в движениях, в уверенной походке чувствуется сила. А парень рядом – открытый взгляд, светлый волнистый волос до плеч – слушает собеседника, молчит и почему-то смущённо улыбается. «Ты представляешь, Серёга, – мужик провёл ладонью по лицу, словно паутину стряхнул. – Ты представляешь, они говорят мне: уйди, мол, по собственному желанию... а нет, так по статье уволят!» От возмущения он стал заикаться: «Им не нравится, что мои деньги, мол, теперь с их получки высчитывать будут. А то, что в карман ко мне лазили, это нормально? Они экономили так! Представляешь?! По чужим карманам, – мужик скривился и, передразнивая кого-то, засвистел шёпотом, – с-с-система такая... Улыбались в глаза... друзья...»

...Вот-вот, я тоже криво усмехаюсь, ещё один разочаровался! Ворьё лукавое вокруг, иллюзии и химеры.

Третий звонок! Тороплюсь на его зов и почему-то боюсь опоздать. Мазнул взглядом по фотографиям на стенах и чуть не споткнулся. Вместо привычно-знаменитых актёров вижу – узнаю моих друзей! Фотографий много: за столом, на рыбалке, рождение ребёнка, чьи-то похороны, свадьба...

Заглядевшись на это чудо, врезался в массивную дверь кинозала и замешкался – толи тянуть её, толи толкать? Разобравшись, вхожу и опять, в который уже раз, замираю удивлённо – чудеса!

Передо мной открылся не просто большой зал, а очень-очень... нет краёв, ощущение, что он внутри больше, чем здание снаружи. Подтверждая то, что вижу, издалека, словно нагулявшись, вернулось эхо, эхо того, как я вошёл. Странная акустика!

... Какая надежда?! Какая любовь?! Выдумки всё... Гормоны и похоть... Не было ничего.

И акустика странная, и зал под стать: здесь и гранит колонн, и строгие, словно в «галстуках», балконы, и чопорные портьеры при них. А рядышком, по соседству, балкончики попроще ютятся: и совсем «голые», и затейливо резные с кружевными прозрачными шторками. Вокруг много светлых радужных пятен, но и тёмных, наполненных тайной углов, тоже хватает. Спинки кресел высокие, людей за ними не видно, но зал наполнен, дышит, и чувствую, как он вглядывается в меня.

Движение воздуха – опять полетело-покатилось эхо хлопнувшей двери. Мимо меня потянулась вереница людей: прошли мужичок с парнишкой, за ними прошебуршал дядька с пакетами. Вот ведь натура неугомонная – на передние ряды выпятился-подался, а я постоял немного и решил на последнем ряду, у окошка киномеханика, примоститься.

Темнота сгустилась. За стенкой глухо заворчал проектор. Луч света, вырвавшись, высветил экран, приковал к нему взгляды и... застыл белым пятном. Ничего не произошло. Ти-ши-на! Она, тишина, наполняя собой зрительный зал, вытягивалась в тонкую звенящую нить, вытягивалась и, словно к чему-то прислушивалась, ждала. Лишь в передних рядах шуршал и ворочался горемыка с пакетами.

В воздухе щёлкнуло. Луч света, вспыхнув нестерпимо ярко, притух, опять вспыхнул. По экрану заметались непонятные тени, размытые картинки, но звука не было. Лишь за стенкой слышались возня и невнятное бормотание. Через минуту там опять что-то громко стукнуло, скрежетнуло, и проектор, чихнув, как живой, заработал уже напористо и ровно.

Экран ожил.

Это был парк. Солнечно-тенистый городской парк. Неширокая уютная аллея, деревянные скамеечки. Кинокамера, накручивая фильм, медленно-медленно прошлась по ближайшим деревьям и кустам. Поймала в кадр стайку весёлых задиристых воробьёв. Увеличив план, залюбовалась золотистой, в капельках росы, паутинкой. Отодвинулась и опять поплыла в сторону.

По техническим ли причинам или по задумке режиссёра звука по-прежнему не было – немое кино. Оператор же за камерой – мастер своего дела, кудесник.

Кадры фильма сами переливались и звучали сочными красками. Пели о старом парке. О его тишине и покое.

По парку шла девушка. Стройная фигура, лёгкая торопливая походка – девушка-девчонка. У молодости возраст один – красота. Девчонка хмурилась и смешно морщила нос – спорила с кем-то незримым. И спор этот, хотя и мысленный, а вёлся нешуточно. Щёки у девчонки раскраснелись. Она то и дело кусала-прикусывала губы и они, губы, припухнув, блестели влажно.

Кадр сменился.

Крупным планом изящная сумочка. Движение руки. Тонкая кисть. Браслет. Ухоженные пальцы раздражённо вздрагивают ...

...И чего «парюсь»! Аленький цветочек... Не было ничего! Забава и потеха!..

Опять заскрежетал проектор. Засипел, меняя тон. Изображение на экране замутилось, задёргалось, и... фильм стал чёрно-белым. Краски... Краски исчезли, а этот, с пакетами, на передних рядах... вот ведь достал!

Откуда-то взялся пёс. Девчонка сидела на скамейке и весело тормошила – гладила стоявшую перед ней крупную лохматую собаку. Дворняга неухоженная, а девчонка чмокнула её в нос, заглянула в растерянные глаза и, обняв за шею, прижала к себе собачью голову. Пёс попытался освободиться. Осторожно потянулся в сторону, но девчонка лишь рассмеялась. Заговорила о чём-то весело и, погрозив пальцем, почесала собаку за ухом. Вильнув хвостом, пёс положил голову на девичьи колени и замер. Смотрел виновато и преданно.

Проектор за стеной поперхнулся, захрипел и вовсе стих. И экран погас, и дежурный свет почему-то не включался. А темнота под потолком, уплотняясь и набирая массу, закружилась в бешеном танце, закружилась и обрушилась, липкая, удушающая. Даже бедолага на передних рядах замер.

...Хватит!.. Тесный проход цепляется за колени, мешает бежать. Выход где?!.. Рублю темноту рукой... Сказки, чудовище, рассвет... Рву воротник рубашки... Нет ничего!..

Дверь передо мной почему-то зеркальная, и надпись внутри горит: «Клин-клином». Горит надпись, пульсирует, как венозная кровь, раздувается. Дёргаю зеркало дверей, толкаю, и оно ломается, осыпается стеклом, режет мне руки, а я рвусь сквозь него к огням вечернего города...

Ох, как чешется! Ох, как... промеж лопаток. Останавливаюсь. Тянусь за спину пальцами, чуть руку не вывернул – не получается! А чешется так, что впору к дереву подойти да потереться. Так засмеют же! Ещё и камнями закидают.

Что-то со мной не так. Чувство: будто ожил во мне, просыпается кто-то восторженно-беззащитный – неуютно как-то, не по себе. Видимо, это и со стороны стало заметно. Чужие взгляды – ловлю их на себе, спиной чувствую. Ох, как чувствую!.. Зудит, промеж лопаток-то, зудит.

Общага гульбанит! В «отрыв», полной, без тормозов, гульбанит и весь город. А как же, в городе сегодня Шабаш. Шабаш о великом Голоде и дочерях его. Ложь, Подлость, Похоть, Лень... много у Голода дочерей...

Кореша-то мои и сейчас копытами стучат, оттягиваются где-то, а я ушёл – пресно на душе, да и честно сказать, девчонка эта, ух и ведьмочка подвернулась!..

Началось как обычно: шашлык пожирнее, «бухла» побольше, погоготать, покозлить-попакостить и... тёрто-перетёрто по кругу – не убудет, и... откуда она взялась?!

Ушёл, а до рассвета ещё... тянется время! Отражение в витрине подмигнуло мне – рожицы строит. Подхожу к нему, вглядываюсь – и чего пялятся? Может, кактус на голове вырос или с рогами что?.. Да нет, всё на месте: чёрт как чёрт и рога как рога. Чего ж пялятся? А девчонка-то, а!.. И ведь и не было ж ничего. Поманила только – в ведьмино урочище*, мол, приходи на рассвете. Поманила-позвала...Отражение расплывается – рот до ушей. Дёргаю себя за бороду, хмурюсь: «Хм... может, подраться с кем?

Чёртов мой отрог!* Что происходит? Меняется народишко-то – добреет. Как эпидемия вокруг – тьфу – сопли и слюни. Хотят без метлы и ступы летать! Видано ли – без метлы!? К солнцу их тянет... Чем только думают? Сгорят на солнце-то! Сгорят! Упаси, Великий Голод, от Добра! Ни обмануть, ни украсть, ни сподличать – а как жить?! Оглядываюсь вокруг – как жить-то?.. И кулаки не чешутся.

Не было ж ничего: обняла только, прильнула жарко, зашептала, и... глаза в глаза... За руки взяться, и... свеча и два зеркала, и... тропочка появится. А там, в конце пути, там... В ногах загремела пустая консервная банка. Пнул её, раздражаясь, – мусор вокруг. Очистки, осклизнем объедки, грязные тряпки, хлам... обыденность, привычное зрелище, но почему-то гвоздём по душе.

Что-то со мной происходит. Будто тянет меня кто, зовёт куда-то, и смутное, странное чувство, что заблудился я и нужно вернуться, обязательно вернуться... А куда вернуться? Зачем?

Чёртов мой отрог! Наглеть почти перестали, от пошлости нос воротят. Про семью какую-то шепчутся и Голода не боятся! Это ж только подумать! Го-лода!.. Я сам-то вчера, тьфу, ведь не украл! А за бюджетные деньги кто спросил бы?! Ох, быть добру!

Птица ночная... взмах крыла перед лицом, метнулась в сторону, закричала печально и словно умыла прохладой воздуха.

...Свеча... Тропочка... Поговаривают, что там, в Зазеркалье, что там... там Любовь!..

Земля под ногами вращалась – вечное неутомимое движение. Городок тянулся к рассвету. Тени от уличных фонарей бледнели и расплывались. А я шёл, шёл по ждущим улицам и прислушивался, вглядывался в краски рассвета, впитывал их в себя. Я и не знал, и не догадывался, что красота такая живая.

Крик птицы... Предчувствие... Оно родилось в душе, родилось щемящей мелодией-песней. Песня будоражила, звенела струной и звала, звала, стремилась ввысь...

Что же так промеж лопаток-то?!

У привокзальной площади кинотеатр. Фильм без названия. Интересно!

Делаю шаг к двери, а она вдруг лопается, брызжет стеклом навстречу мне. И сквозь неё прорывается кто-то взъерошенный и ошалевший.

– Эй, ты чего?! – сжимаю кулаки, но... одинокий и потерянный чёрт выпучил ошалевшие глаза, смотрит на меня испуганно. Стало его жалко. Жалко?! Странное чувство, ох, странное...

Быть Добру!..

... Экран кинозала светился и звучал. Девчонка шла, помахивая сумочкой, шла и пела, а рядом с ней улыбался большой лохматый пёс. Жизнь переливалась красками...

Эпилог

Я возвращаюсь домой после ночного дежурства, подрабатываю сторожем в городской библиотеке. Сегодня всю ночь вьюжило и шёл снег. Снега намело столько, что замучился расчищать дорожку перед библиотекой. Но, как положено, до семи утра управился, прибрался везде, закрыл за собой дверь и вот потихонечку бреду домой. Улицы у нас в частном секторе освещены плохо, только на перекрёстках фонари горят. Хотя новые городские власти, слава Богу, обещают этим летом освещение наладить. Хочется в это верить, по крайней мере, снег расчищают регулярно, не то, что раньше. Вот и сейчас, всю ночь мело, утро, темно ещё, а дорога уже расчищена, лишь тонкий свежевыпавший слой сверху. Молодцы!

А хорошо-то как вокруг! Частный сектор в городе – это та же деревня. Ветер к утру выдохся, стих, а снегопад, наоборот, набрал такую силу – красотища! Свет в окнах домов и редкий лай собак только подчеркивают тишину и покой. Я иду, не торопясь, стараюсь не нарушить, вдохнуть полной грудью чистоту и первозданность мира вокруг.

Дошёл до перекрёстка и остановился под фонарём. Мой дом рядышком – два шага шагнуть. Дом ещё не достроен, но я хорошо вижу его высокое крылечко, свет ночной лампочки над ним. Свет в окошке. Над крышей дым из печной трубы. Это Лена, жена моя – женушка, печку растопила, завтрак приготовила, ждёт. А ребятишки, Дамирка-внук, спят ещё, сегодня выходной.

Удивительное утро! Сказка! Большие лопушистые снежинки появляются в свете фонаря, словно ниоткуда и, медленно-медленно кружась, заполняют собой весь мир!

Я снял рукавичку, протянул снежинкам открытую ладонь и, наблюдая, как они тают, превращаются в капельки света, окунулся, растворился в памяти детства.

... Я, совсем ещё маленький, стою под снегопадом, и точно так же, как сейчас, заворожен полётом волшебных снежинок. Мне чудится, что это не снежинки падают на меня, а я поднимаюсь к ним.

Ощущение полёта и восторга – я лечу! Кружится голова.

– Протяни ладошку, – это голос мамы. Она рядом. – Нет, сынок, не так! Так просят, а ты выше руку подними, выше. Раскрой ладонь и подари...

– А что дарить, мама?

– Ты себя миру подари. Тепло своё! Видишь, как вокруг красиво, а от тепла ещё красивее станет. У тебя, сынок, всё только-только начинается. Вся жизнь впереди.

Память детства... сердце моё, как и тогда, наполнилось радостью. Я огляделся: за спиной заснеженная улица и неровная цепочка моих следов. Впереди чистый, как лист бумаги, снег, а за ним Дом, Тепло и Свет! Дом, в котором меня ждут.

Я шагнул вперёд – всё только-только начинается!

Кто ты, идущий вслед за мной?

Бессмертный полк

– Деда, это солдаты? Как ты?
– Это не просто солдаты. Это наша совесть.
– Они погибли?– Внук тянется к моим медалям.
– Они защищали нашу Родину. Наш Дом.
Внук обнял меня, прижался.
– Деда, я тоже буду солдатом.

Кто ты, идущий вслед за мной?
В чём твоя боль, в чём твоя слава?
Какая правда за спиной?
Какая за спиной держава?

Что ценишь в памяти времён?
О чём в молитвах Бога просишь?
Под крыльями каких знамён,
Какую клятву в сердце носишь?

Кто ты, идущий вслед за мной?
Какую пишешь жизни повесть?
Кто твой кумир, кто твой герой?
Хранишь ли заповедей совесть?

Жива ли Русь в твоей душе?
Не разбазарил душу зверю?
Сберёг? Стоишь на рубеже?
Надеюсь на тебя и верю!

Боль

Опять в дыму моя дорога,
Скрипит телега – не везёт,
Змея – ползучая тревога
И боль под рёбрами живёт.
Цепляют дни, цепляют ночи,
Поют попутчики не так,
И боль под рёбрами хлопочет –
Хочет...
не может вырваться никак.

Я прикормил в голодном поле
Того, кто сыто и не жил,
Я волка прикормил в неволе
Мечтой о том, что я любил.
Кормов ворованных не жалко,
Но Боль толкнула – не подсёк.
Ох, жизнь – рыбалочка-рыбалка...
Лукавят точки между строк.

Не я придумал – слаще-горше –
За рубль возвращать пятак.
Не отдавая, взять побольше...
Но Боль диктует – всё не так.
Не я придумал шаг измены –
Махнуть рукой и всё забыть.
Но бьётся Боль о рёбра-стены.
Завыть, завыть, завыть, завыть...

Я прикормил в голодном поле
Того, кто сыто и не жил.
Я волка прикормил в неволе
Мечтой о том, что я любил.
На цепь я сам шагнул – позвали,
Пусть зубы стиснуты, скрипят,
И казанки, хрустя от боли
Мечтой разбитые саднят.

Звенит разменная монета –
Капкан – «всегда открытый счёт».
Ободрана душа, раздета –
Наклеить пластырь и... расчёт.
Где мне дорожка серебрится,
Где наледь мутною тропой?
Рвануть, на взлёте бы разбиться...
Но Боль – узда... пока живой!

Я прикормил в голодном поле
Того, кто сыто и не жил.
Я волка прикормил в неволе
Мечтой о том, что я любил.
Мне говорят, что я потрафил.
Боль не согласна – не терял.
Мне говорят, я жизнь потратил.
Но стонут рёбра, что воздал.

Сказки из детства

Сказки из детства – они как броня,
Как светлый и бережный щит.
Тот щит, что собой прикрывая меня,
От мрака безверья хранит.

Сказки из детства – как Ноев ковчег
И берег мечты в чудеса.
Они, бездорожьем идти, оберег
И Алые паруса...

Прощёное воскресение

Себя прощаем мы
Во всех грехах.
Лукавый адвокат
Даёт советы:
«Бери, – он шепчет, –
Всё в твоих руках».
А на вопросы
Он найдёт ответы.

И я так жил.
Ну, что греха таить,
Всё как у всех,
За грань не заступаю.
Но совесть стала
По ночам будить:
– Простите, люди,
Вам прощаю...

Прошу меня простить
За то, что делал сгоряча,
За то, что рядом был
И не заметил.
За то, что часто
Я рубил сплеча.
И за любовь,
Которой не ответил.

Себя прощаем мы
Во всех грехах.
Не каемся в слезах
И не винимся.
Пред Богом о душе?
О пустяках!..
Что взять сумел –
Вот чем гордимся.

И я так жил:
Не верить, не просить.
В храм заходил
И не умел креститься.
Теперь живу,
Словно учусь ходить,
Учусь любить
И искренне молиться.
Прошу меня простить...

Серёжка и гармошка

Ох, и быстро жизнь летит,
Узелками вяжется,
Есть ли счастье или нет,
Кажется... Не кажется!
Было или не было,
Не мечтал – не сбудется,
Не любил – не лечится,
Не сбылось – забудется.
Как одним дыханием
Вечность и мгновенье,
И срывает голову
Лишь прикосновение.
Девочка с косичками,
Первое свидание,
Ох, игра со спичками –
О любви признание.
Ох, игра со спичками –
Поцелуи в губки –
Милятся-воркуют
Голуби-голубки.
... Хоть и денег ни гроша,
Да походка хороша,
От того же, кто не мил,
И подарочек постыл.
Ниточка-иголочка.
Как же удержаться,
Развязать завязочку
Да не расплескаться.
Развязать завязочку –
Нам ли жить в печали.
Ох и куролесили
Раскачать – качали.
Постучать – откроется.
Стерпится – сольётся,
Коньячок с конфеткою,
Ночка улыбнётся.
Стерпится да слюбится,
Ну а нет – притрётся.
Песенка с куплетами
Пареньку зачтётся.
... Где любовь да совет,
Там и горя, ссоры нет.
Если любишь, так женись,
А не любишь – отвяжись.
Кажется – не кажется,
Годики-годочки,
Выросли-вспорхнули
Сыновья и дочки.
Время у девчонки
Отбелило косы,
И уже внучата
Задают вопросы:
А зачем на свете?..
Про усы у папы,
Как родятся дети,
Про хвосты и лапы,
Почему им снится,
Что во сне летают,
Отчего снежинки
На ладошках тают.
... Я куплеты вам пропел,
Узелки развязывал.
Есть ли счастье или нет,
Сердца стук подсказывал.

В кожаном пальто...

Не вышел из меня поэт,
Хотя надежды подавал.
Он рвался рифмами в рассвет,
Я, ясно дело, не пускал.
Ещё чего! Не проведёшь!
Раз волю дать, потом ищи...
Стихи... на них не проживёшь.
А кашки с маслицем, а щи?

Не вышел из меня герой,
Хотя пытался бунтовать.
Мечтал о славе, рвался в бой!..
Я подписался: «Не пущать!»
Ещё чего! Не ровен час,
Прищемит что-нибудь атлет,
А кто лечить-то будет нас?
На подвиги бюджета нет.

Хирург, художник и кузнец -
Все туточки – одно лицо.
Есть даже властелин колец,
Прибрал я и его кольцо.
Сундук мой полон, не поднять.
Собой доволен как Никто:
Я сыт, здоров, хожу гулять
В добротном кожаном пальто.

Это так просто...

Окна открою, двери открою,
Выброшу прочь ключи замков.
Ветром надежды душу умою,
Песнями и красотой стихов.
Это так просто, это так просто,
Это так просто МЕЧТАТЬ!
Сердцем, как в детстве, верить,
Верить и ждать.

Неба слезинки и сердца дождинки
Жизнью рождаются вновь.
Это так просто, идти по тропинке
Туда, где живёт любовь.
Это так просто, это так просто,
Это так просто ЛЮБИТЬ!
Радость взлетевшей души
Не скупиться дарить.

Валентина Сабурова

Сабурова Валентина Васильевна родилась в 1948 году в Прокопьевске. После окончания института работала учителем русского языка и литературы. Сегодня она на пенсии, но сидеть дома не привыкла, занимается общественной работой – староста посёлка. Принимает активное участие в работе литературных клубов города Прокопьевска.

Наш герой

«Над плачем вдов,
Над горем материнским
Людского гнева плещется прибой.
Пусть никогда не станет
обелиском
Наш добрый шар земной!»
Андрей Дементьев

В современном мире любят люди мультяшных героев и киногероев. А я хочу рассказать о настоящем герое из посёлка Красный Брод Прокопьевского района Будонаеве Иване Анатольевиче. Он был добрым сыном, хорошим отцом, прекрасным работником.

Иван родился в простой рабочей семье: папа – машинист-бульдозерист, мама – продавец. Ваня – их первенец. Он рано начал говорить, рос шустрым мальчиком, старался всем помочь. Одна из воспитателей вспоминает, что у него всегда были тёплые руки, и он грел руки тем, у кого замёрзли: и детям, и взрослым. Тепла своего не жалел никогда, щедро делился со всеми.

Учился в школе №34 посёлка Красный Брод. Учителя хорошо отзывались о нём. В 1 классе, проучившись четверть, сказал: «Я умею писать, считать, хватит учиться, буду жениться!». Закончив 9 классов, поступил в СПТУ на механизатора, учился старательно, у него оказались музыкальные способности, принимал участие в художественной самодеятельности. Был призван в ряды Советской Армии в морфлот «Североморск». Служил на легендарном корабле «Гремящий». Этот корабль отличился во время войны смелостью и отвагой. Придя из армии, устроился на работу на Краснобродский разрез бульдозеристом.

Быстро осваивал любую технику. Женился, появились дети – два сына, две дочери, последняя дочь родилась уже без него, но имя ей дал он, знал, что будет девочка, но увидеть её ему не пришлось.

Иван мог бы отказаться от мобилизации на СВО, но он этого не сделал. Матери сказал, что дед, Иван Фомич Клещ, прошёл всю Отечественную войну в составе зенитного артиллерийского полка, имеет награды, освобождал Европу, а он что, будет прятаться за юбку жены? Не бывать этому! Он и назван в честь деда Иваном! И дочь свою предложил назвать Виктория – ПОБЕДА! Свято верил: «НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ – ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!».

Воевал на БМД «Нонка», так воины называли боевую машину, на которой он был механиком-водителем.

Иван погиб при выполнении боевой задачи, участвуя в специальной военной операции на территории Украины.

Мать забеспокоилась, когда перестали поступать звонки от сына, звонить ему она не имела права. В это время она лежала в больнице, ей подключили суточный мониторинг. Она увидела во сне смерть сына: танк двигался к ней, водителем которого был сын. Взрыв, и всё пропало. Врач, читая показания мониторинга, сказал, что она перенесла стресс. Через какое-то время в дом приезжают военные, скорая помощь, какие-то машины. Увидев их, она поняла, что случилось что-то ужасное! Смогла только сказать: «ВАНЯ!».

Военные подтвердили: «Ваш сын геройски погиб». Больше ничего она не слышала, все дальнейшее было как во сне. Ей не разрешили открыть гроб, чтобы последний раз взглянуть на сына, она покорилась. Ей казалось, что всё происходит не с ней. Военкомат, коллектив разреза, на котором он работал, боевое братство – все приняли участие в похоронах Ивана. Соседи, знакомые, военные, сослуживцы говорили о нём очень много тёплых, добросердечных слов.

Похоронен Иван Анатольевич Будонаев 12 мая 2023 года в посёлке Трудармейский.

Память о вас, дорогие наши защитники, навсегда будет жить в наших сердцах!

Его старший сын с ноября 2024 года на срочной службе в Симферополе. Он продолжает дело отца, за которое тот отдал свою жизнь. Ивану Анатольевичу было всего 44 года, он был опорой и кормильцем семьи. Он нужен своим детям, жене, родителям, но его забрала проклятая война!

Татьяна Дмитриева

Дмитриева Татьяна Ивановна родилась 6 августа 1952 года. Жила на Алтае, училась в машиностроительном техникуме на бухгалтера.

Работала в бухгалтерии строительной организации, потом в библиотеке. Стихи писать начала в детстве. Любит природу, раньше часто ходила в походы в горы. Сейчас на пенсии, занимается волонтёрством, плетёт сети для солдат СВО.

Желаем победы!

Сети плетём, посылки пакуем,
Рук и сердец своих дарим тепло
Нашим мужчинам, нашим любимым,
Чтобы в бою всегда им везло.

Вы жизнью рискуете, нас защищая,
В бой вы идёте под градом огня,
Днём и ночью покоя не зная,
Бьёте врагов, не жалея себя.

Низкий поклон вам, спасибо, родные,
Примите подарки и сети от нас.
Желаем победы, желаем здоровья,
Желаем скорее встретить всех вас.

Пусть поскорее наступит победа,
Ясное утро наступит для всех.
Материнские руки солдата обнимут,
Услышит отец детей своих смех

Почему?

Почему летают птицы,
Почему жужжит пчела?
Чтоб об этом нам узнать,
Книги надо почитать.

Как живут в морских глубинах
Рыбы разные в воде?
Черепашки тоже в море,
Но ночуют они где?

Почему бывают смерчи
И бывают ураганы,
А когда песок кочует
Изменяются барханы?

И куда летают пчелы
И откуда мёд берут?
Все ответы, непременно,
Книги мудрые дадут.

Зачем учить буквы

Надо детям учить буквы,
С книжкой надо им дружить,
Чтобы в школе им учиться,
Чтобы умным детям быть.
Ты узнаешь, куда птицы
Улетают зимовать,
Почему птенцы не могут
Сразу зёрнышки клевать.
Почему молчала рыба
И зачем ей нужен хвост,
Для чего жирафу рожки
И какой жирафа рост.
Прочитай побольше книжек,
Интересней будет жить,
Каждый должен непременно
С детства с книжкою дружить.

К ночи

Какое затишье,
Ветер не дышит,
Замерли листья,
Птиц не видать.
Даже дорога
Вдали не пылится,
Спокойно кругом,
Тишина, благодать.
Сумерки гуще,
Стало темнее,
Солнце ушло,
Его не видать.
На горизонте
Тучи уснули,
Завтра дождик
Будет опять.

Воздух прохладней становится к ночи,
В нём неподвижность, полнейший покой.
Роса опустилась тихо на землю,
Утром погода будет другой.

Владимир ЧЕРНОУСОВ

Черноусов Владимир Тарасович родился 17.02.1954г. в д. Волеги Пермской обл. После окончания 8 классов поступил в Пермский механический техникум по специальности «Сварочное производство». Занимался спортом. По окончанию техникума служил в армии в войсках госбезопасности в в/ч «Кремлевский полк» г. Москва. После службы в армии окончил Пермский политехнический институт по специальности ПГС. Дополнительно окончил СибГИУ. Получил второе высшее экономическое образование. Стихи писал с юных лет. Стихи размещал в районной и армейской газетах. Начал публиковать стихи в различных российских издательствах, а также на портале Союза российских писателей «Стихи.ру». Издал в 2019 году книгу стихов «Разноцветье» в издательстве «Союз писателей» г. Новокузнецка. Опубликовал стихи в издательстве РСП Москвы в альманахах «Наследие-2024» т.7 и «Поэт года-2023» т.14. А также в альманахах «Усятская россыпь» за 2018-2024гг. Российским союзом писателей за вклад в развитие современной литературы был награжден юбилейной медалью «Александр Пушкин 225».

Открывается Млечный Путь

Дерево жизни

Благословляю землю Русь,
Что Древо Жизни подарила.
Я безгранично ей горжусь,
Что корням рода дала силу.

Ломали годы лихолетья
На Древе ветви, но беду
Презрев, с Россией сквозь столетья,
Тянулось к свету и теплу.

Не потеряло Древо Веру,
Никто из предков не забыт,
Познав добра и гнева меру
Уже который век стоит.

В новогоднюю ночь

Из года в год перешагну,
Бокал шампанского за встречу
Под бой курантов пригублю
И за собой задую свечи.

Пусть разделяет годы миг,
Но в нём сокрыта бесконечность.
Я зацеплю звездой за вечность
Полночный смех и звонкий крик.

Астрономические

Улыбкой силиконовой Земля
Встречает астронавта с корабля,
Пропавшего в Галактике без вести
Лет сто назад, а, может быть, и двести.

Скиталец в долгожданные объятья
Мечтает заключить двуногих братьев.
Но что за чушь и что за бред –
Искусственный жмёт руку Интеллект.

Бесполое лопочет существо,
Как некое чужое божество,
Как облако без тела, но в штанах,
Качается как лодка на волнах.

По скорому экскурс без произвола
Ведёт затем ОНО по протоколу –
На обозренье редкий экспонат
Собой представить должен астронавт.
Вот только с договором невезуха –
Бывает на ИИ порой проруха.
Вновь обратился к Космосу пилот,
Дал полный кораблю форсаж на взлёт.

Колосок

Росток окрепший разрывает с треском
Зерна скорлупу. Тянется на свет.
Ему лежать под гнётом мрака тесно,
Всем существом он тянется наверх...

Когда по атому в росточке с мира –
Реактор жизни в зрелом колоске,
Пшеничный хлеб становится кумиром
Для человечества издревле на столе.

Дорога к Храму

По обочинам крошевом снег,
На дороге обманчивый лёд,
И бескрайней рекой тусклый свет –
Не найти в стылом месиве брод.

В гору, в гору, ни свет, ни заря,
Помогая друг другу, бредут
Две послушницы, глухо кряхтя,
К Храму грешные души несут.

Он стоит на высоком холме.
Небеса подпирают кресты.
Как магнит тянет души к себе,
Через тернии ладит мосты.

Двери Храма открыты для всех.
Пусть смеётся капризный апрель.
Завсегда покаянье – не грех.
Путь идущим расцветит капель.

Чёрные доски

В чёрных досках святая живёт чистота
Под коростами копоти, лака и пыли,
Но разливами красок поновЯт мастера*
То, что знать-то не знали, то, что напрочь забыли.
Раз за разом наводят надуманный лоск.
Золотые на досках малюются блики,
Там, где раньше, как слёзы, стекал талый воск
И вселяли надежду любимые Лики.
Память предков увечат за ломаный грош,
Родниковую гнётом мертвят они жилу.
И на веру берётся красивая ложь.
И теряют иконы целебную силу.

ПоновЯт иконы* – снимают потемневший лак со старинных икон и пишут заново, исходя из современных представлений. Поновление икон не путать с реставрацией.

Корабль-призрак

Корабль целует волны
Небрежно, на ходу.
Незыблемый, холодный
Несёт свою мечту.
Вздыхают океаны,
Приняв корабль на грудь.
Бурлят меридианы,
Указывая путь.

Забиты трюмы снедью
И в бочках плещет ром.
Обшивка блещет медью,
Таится в пушках гром.
На мачтах вьются флаги,
Жжёт солнце паруса.
Отпетые бродяги
Рвут немо голоса.

Забыв про передряги,
Команда мертвецов
Ко ртам подносит фляги
Из сумрачных веков.
И кровью капитана
Разбавлено вино.
Сундук меж них, как рана,
Кровит там: «Йо - хо - хо!».

Два оттенка бессонницы
Отскрести бы Луну от неба
И раздать на десерт котам.
Одурев от такого стёба
Станет лень им орать по ночам.

И собак накормить «от пуза»,
И отскрёбыши дать волкам...
Нет Луны – значит нет искуса
Выть безудержно по ночам.

* * *

Небо вспахано вешними грозами,
Чернозёмом вздымается глубь,
И засеяно звёздами, звёздами...
Жаждет отдых усталая грудь.

Но покой отнимает бессонница.
Открывается Млечный Путь,
По которому мчится конница
Моих мыслей, не даёт уснуть.

Спор

Горячий спор двух мудрецов
Весьма преклонных лет
Я изложу без лишних слов
И дам на то ответ.

Когда уставшие, они,
С подсказкой или без,
Прийти к конценсусу смогли,
Придав значенью вес.

Стихии сильные назвав,
И Ветер, в том числе.
Предпочтение отдав
Огню, Воде, Земле...

Приняв их выводы за факт,
Ещё бы в прошлый век
Отнял у Времени загад
Бессмертье человек.

Отшельник

Проводнику по родине предков отшельнику Зайцу

Он не святоша, не пророк,
Дремучий, словно старый ельник,
На мир взирает, как сурок,
Заросший волосом отшельник.

Лай по ночам слепого пса,
Несушек кур возню под крышей,
Зверей в округе голоса
Приговорил себя он слушать.

Его пристанище – изба
С гнилыми стенами. Наружу
Торчит антенною труба –
Сигналом жизни служит в стужу.

Не восхваляя, не браня,
Хранит что есть и то, что было,
За годом год, день ото дня.
И в этом правда, его сила.

Память

Матюжата и Гришата,
Сколько вас по всей стране,
Где кипела жизнь когда-то
Были преданы земле.

Нашу память, наши корни
Оставляем в тех краях,
Только метрики напомнят*
О забытых деревнях.

В летний зной вода в колодцах
Не испита там до дна,
Отчего же по оконцам
Застучала вдруг беда.

Отчего же от селений,
Где играла детвора,
Были сытость и веселье,
Не осталось и двора?

Лишь рябиновые гроздья
Ярко светят сквозь кусты,
Одиноко на погосте
Доживают век кресты.

Метрики* – это реестры, которые велись в церковных приходах для учёта населения в Российской империи. В метрических записях фиксировались дни рождения, бракосочетания и смерти.

Варяг

Что-то в жизни случилось не так,
Подняло, понесло на ветрах,
Обломав на крутых виражах.
К дальним землям прибился варяг.

Отчий дом. Сад вишнёвый в цвету.
Хор дворовых собак невпопад,
На луга проливной звездопад
Позабыл. Разменял он мечту.

Время мчится экспрессом. Билет
Был просрочен в обратный конец,
Но запёкся на сердце рубец.
Дома отчего больше уж нет.

И тогда он свой глянцевый след
Оставляет потомкам на память –
Фото сделав в тревожную замять,
Крупным планом то, чего нет.

Пожар

Загорелся в одночасье ветхий дом.
Сыто пламя загудело, дым столбом...

Из-за дружно выбитых дверей
Волонтёры выводили стариков, детей.

Вещи выносили, клали в стороне
То, что пригодится в жизни, на земле.

Охали зеваки – им всё нипочем.
Прибыли пожарные – справились с огнём.

А когда покрылась пеплом серым гарь,
Божья выползала из завалов тварь.

И в зубах держала цепко кошка-мать
Сосунка-котёнка деток ублажать.

Новокузнецк

Владимир Окороков

Окороков Владимир Дмитриевич родился 18 ноября 1953 года в посёлке Стрелка Енисейского района Красноярского края. Учился в школе, техникуме, университете, служил, работал, ныне на пенсии. Живёт в селе Верхнепашино Енисейского района Красноярского края. Писать начал ещё в юности, впервые опубликовал свою книгу «Енисейск – древняя столица Сибири» в 2020 году. Сейчас автор уже более десяти книг разного жанра. Печатал очерки и рассказы в альманахе «Сибирские огни». Альманахом «Новый енисейский литератор» в 2023 году награжден дипломом в номинации «Очерк и публицистика». Его произведения можно встретить на Проза.Ру, ЛитРесс и ещё на многих интернет-площадках. С 2021 года член Российского союза писателей. С 2022 года член русского географического общества.

Битва за Диксон

Все мы уверены, что достаточно хорошо и много знаем о Великой Отечественной войне. Нам известны самые крупные и решающие сражения, такие, как Сталинградская битва, Курская дуга, Невский пятачок, Ржев, битва за Берлин, но мало кто знает о битве за Диксон.

Красноярский край – единственный регион за Уралом, где реально проходили боевые действия. Казалось бы, трудно найти более безопасное место, чем арктический посёлок Диксон, находящийся за тысячи километров от линии фронта, но в августе 1942 года война пришла и туда.

***

Во время боевых действий каждая из сторон старается любой ценой нанести своему противнику как можно больший урон. Известно, что никаких правил ведения войн, о которых сейчас так много говорят политики, нет, да и быть не может. И то, что германский флот пиратствовал в нашем глубоком тылу, никого в то время не удивляло – война.

В те годы военно-морские силы фашистской Германии значительно превосходили флот СССР как по количеству кораблей, так и по их мощности и оснащённости.

***

К началу Великой Отечественной войны количественный состав всех наших флотов располагал весьма значительным числом кораблей, более 1000 единиц различного класса. На первый взгляд, вроде бы и немало, но беда в том, что все они были распылены по четырём флотам. Например, базирующееся в Чёрном море соединение имело 300 судов различного класса. Порядка двухсот единиц было на Балтике. Более четырёхсот единиц кораблей – на Тихом океане. Хуже всех был оснащён Северный флот. Из весьма скромных ресурсов фактически в строю находились всего лишь 8 миноносцев, 7 сторожевых кораблей и 15 подводных лодок. Не было ни одного торпедного катера, ни одного линкора и ни одного крейсера. Что греха таить, до войны снабжали Северный флот, как сейчас любят говорить, по остаточному принципу. Но как впоследствии оказалось, основным морским театром войны стал Север. И в первую очередь это было связано с «ленд-лизом».

***

Первые поставки продукции военно-технического назначения из США по договору «ленд-лиза» стали поступать в СССР с ноября 1941 года сухопутным путём через Иран и морскими конвоями из Англии. Ещё одним путём поставок в 1942 году стал маршрут: Аляска – Дальний Восток, Сибирь (АЛСИБ).

Поставка самолётов из США по так называемому Красноярскому коридору была организована в кратчайшие сроки. За весь период действия этого коридора в СССР было доставлено 2593 самолёта различных марок.

Поставка же оборудования, комплектующих деталей и другой продукции военно-технического назначения осложнялась дальностью перевозок по Северному морскому пути. К тому же значительно увеличивался риск напороться на вражеские мины или встретить засаду в виде немецких субмарин.

***

В начале августа 1942 года с целью обнаружения конвоев, идущих с Востока, для разрушения северной портовой инфраструктуры Мурманска и Архангельска фашистской Германией был разработан план операции «Вундерланд» (Страна чудес). В соответствии с которым немецкая морская группировка в составе тяжёлого крейсера «Адмирал Шеер», четырёх эсминцев, шести подводных лодок и пяти гидросамолётов вышла из Норвегии в Северный Ледовитый океан и отправилась в Карское море к проливу Вилькицкого.

***

По данным разведки и секретной информации, полученной от японских союзников, немцы знали, что советский караван в составе четырёх ледоколов и девятнадцати торговых судов 1 августа пересёк Берингов пролив и двигается по Северному морскому пути в сторону Мурманска.

По мнению немецкого морского командования, слабо охраняемый караван для тяжёлого крейсера представлял лёгкую добычу, поэтому командир группировки капитан первого ранга Вильгельм Меендсен-Болькен, надеясь на лёгкую победу, свои эсминцы отпустил.

Однако, как потом выяснилось, сделал он это зря. Крейсер «Адмирал Шеер», ожидая прибытие каравана 20-22 августа, отошёл в пролив Шокальского, ближе к острову Октябрьской Революции, и встал там на якорь.

Но аэроразведка караван потеряла и, как ни старалась, обнаружить его больше не смогла. Пропал караван. Только потом выяснится, что в связи с ухудшением ледовой обстановки караван задержался почти на месяц, что и спасло его от гибели.

***

Однако 15 августа немецкая воздушная разведка сообщила, что на Восток из Архангельска следует секретный советский конвой и тоже, предположительно, к проливу Вилькицкого. В составе конвоя были два ледокола, два эскадренных миноносца «Разумный» и «Разъяренный», а также шесть транспортных судов.

К этому времени погода окончательно испортилась, а вместе с этим усложнилась и ледовая обстановка в районе пребывания немецкого крейсера. К тому же вышли из строя гидросамолёты. Связь крейсера с подводными лодками давно была потеряна, и для ведения разведки теперь вся надежда была только на самолёт «Арадо», находящийся на борту крейсера.

21 августа с самолёта передали сообщение: караван из десяти судов находится от крейсера «Адмирал Шеер» всего лишь на расстоянии 60 миль.

Ещё одна ошибка. Как потом выяснилось, это был уже третий караван, состоящий из двух ледоколов, трёх танкеров и восьми сухогрузов. Караван тоже двигался на Восток, причём вдоль самого берега и абсолютно без всякого охранения.

«Адмирал Шеер» затаился, готовый всей своей артиллерийской и торпедной мощью разгромить ничего не подозревающий беззащитный караван гражданских судов.

Но немцы снова просчитались. Ни на следующий день, ни на третий, ни на четвёртый советский караван так и не появился.

Командир крейсера в недоумении. Он немедленно пускается на поиски пропавшего каравана. Но время упущено, корабли за это время уже вошли в пролив. Разумеется, «Шеер», обладая солидной мощностью, мог развивать скорость, значительно превышающую скорость тихоходного каравана, но изменившаяся погода – встречный ве-

тер, снег, ледяные поля не позволили ему догнать караван. В районе острова Русский крейсер вообще попал в ледяной плен и окончательно отстал от каравана, который уже скрылся в проливе Вилькицкого.

Ледокольный пароход «Александр Сибиряков»

Как назло, единственный самолёт «Арадо» при посадке разбился, таким образом крейсер остался и без аэроразведки. Топливо тоже заканчивалось, и крейсер, несолоно хлебавши, ложится на обратный курс.

И здесь, наконец-то, пиратское счастье «улыбнулось» командиру крейсера. В районе острова Белуха ему неожиданно подвернулась хоть какая-то добыча. Из порта Диксон на остров Северная земля выполнял свой обычный рейс ледокольный пароход «Александр Сибиряков».

Бой был недолгим, чуть больше часа. «Сибиряков» затонул. Из ста четырёх человек, находившихся на борту ледокола, немцам удалось выловить и взять в плен двадцать два человека. Среди пленных был и капитан корабля Анатолий Алексеевич Качарава, находившийся без сознания после ранения и контузии.

Он выживет, пройдёт плен, фашистские концлагеря и в 1945 году вернётся на Родину. Потом его осудят, отправят в спецлагерь в Уфу и только в 1961 году полностью реабилитируют.

Больше всех повезло кочегару Павлу Вавилову. Он вплавь, незаметно, добрался до одной из шлюпок и затаился там. К счастью, в ней был запас провианта и пресной воды. Когда крейсер прекратил поиски и покинул «поле боя», отправившись, как потом стало известно, к порту Диксон, Павел, пользуясь подручными средствами, доплыл до необитаемого острова Белуха, откуда спустя 30 суток его вывез, случайно обнаружив, полярный лётчик Иван Черевичный.

***

Погибая в неравном бою, «Александр Сибиряков» все же успел передать в эфир радиограмму об обнаружением в Карском море крейсере «Адмирал Шеер». А поскольку тайна его пребывания на Северном морском пути была раскрыта, то и ожидать появления новых конвоев было бессмысленно.

Вильгельм Меендсен-Болькен, раздосадованный и разгневанный от постигших его неудач, решает напасть на маленький беззащитный поселок Диксон, до которого с места потопления «Александра Сибирякова» беспрепятственно добраться ему уже ничто не мешало.

Что могло побудить на столь чудовищный и изуверский шаг капитана крейсера «Адмирал Шеер», остаётся загадкой.

Малонаселённый посёлок со слабенькой береговой батареей, предназначенной для охраны порта, естественно, не мог противостоять такому монстру, как тяжёлый крейсер, оснащённый современным новейшим корабельным вооружением.

Спустя много лет были досконально установлены планы нападения и уничтожения порта и посёлка Диксон. Командиром крейсера была дана команда экипажу расстрелять из корабельных орудий, а это шесть стволов главного калибра 280 мм., восемь стволов универсального калибра 150 мм., сам посёлок и акваторию порта, в котором на тот момент находились несколько слабо вооружённых, морально устаревших судов, не предназначенных для морских баталий.

В дальнейшем планировалась высадка на берег десанта в количестве 180 штыков. Жителей посёлка предполагалось цинично уничтожить, посёлок и пароходы, находящиеся в порту, взорвать и сжечь.

***

Благодаря полученной радиограмме с борта затонувшего «Александра Сибирякова» в порту своевременно была объявлена боевая тревога. Диксон готовился встретить врага.

На тот момент в порту Диксона под разгрузкой стоял пароход «Революционер», на котором, учитывая военное время, были установлены всего два артиллерийских орудия (76 мм.и 45 мм.).

Сторожевой корабль «Дежнёв», стоявший у причальной стенки, при виде крейсера, входившего в портовую бухту, открыл по нему огонь из 45-миллиметровых орудий и, поставив дымовую завесу, попытался прикрыть собой транспорт «Кара», трюм которого был доверху набит несколькими сотнями тонн взрывчатки.

Бой продолжался недолго. Максимум десять минут хватило крейсеру, чтобы сторожевой корабль «Дежнёв», получив две пробоины от снарядов крупного калибра, полностью вышел из строя и, потеряв управление, сел на мель.

Часть экипажа погибла, другие получили ранения, и оказывать сопротивление противнику были уже не в состоянии.

На пароходе «Революционер» в результате точных попаданий артиллерии

Крейсер «Адмирал Шеер»

вражеского крейсера вспыхнул пожар.

Посчитав, что основные огневые точки подавлены, крейсер вошёл в бухту, готовый к высадке десанта.

Уже была дана команда к высадке, но тут «заговорила» советская береговая батарея, в распоряжении которой были всего две полевые гаубицы 152 мм. Несмотря на значительное расстояние до цели, снаряды гаубиц при попадании могли нанести серьёзный урон крейсеру, поэтому дальше двигаться он не рискнул.

Крейсер вышел из гавани на безопасное расстояние, спрятавшись за мыс полуострова Наковальня.

Получив неожиданное и унизительное для себя сопротивление и отпор, Вильгельм Меендсен-Болькен был вне себя от ярости. Им было принято решение, используя все корабельные огневые резервы, «коврово» обстрелять непокорившийся посёлок, разрушить, сравнять его с землёй, сжечь дотла, жителей истребить, а порт полностью уничтожить.

Обстрел посёлка продолжался до вечера. Более четырёхсот снарядов, выпущенных по инфраструктуре посёлка и порта, нанесли ему огромный ущерб. Были уничтожены: радиостанция, административное здание порта, горел склад ГСМ и электроподстанция, напрочь разрушен жилой посёлок. В портовой бухте догорали оба парохода. К счастью, третий, «Кара», доверху загруженный взрывчаткой, из-за дымовой завесы не был обнаружен врагом и уцелел.

Только благодаря радиограмме, полученной с борта погибшего «Александра Сибирякова», жители посёлка были своевременно эвакуированы в тундру, в результате этого никто из гражданского населения не погиб.

***

Уж непонятно, чем руководствовался командир, но он вдруг отказался от высадки десанта, и крейсер, окутавшись дымовой завесой, взял курс к берегам Норвегии, вероятно, считая свою миссию выполненной.

И действительно, несмотря на весьма сомнительные результаты похода, за «блистательную» победу над Диксоном многие члены экипажа получили железные кресты. Сам Вильгельм Меендсен-Болькен был впоследствии произведён в вице-адмиралы.

***

Результаты битвы за Диксон, несмотря на ужасные разрушения и пожары, как оказалось потом, были не такими уж катастрофическими. Через неделю заработала радиостанция, посылая в эфир сведения о продвигающемся на Запад фашистском крейсере. Благодаря этой информации ни один советский пароход в дальнейшем от крейсера «Адмирал Шеер» не пострадал.

Разумеется, в ходе сражения за Диксон фашистский крейсер «Адмирал Шеер» значительного ущерба не понёс и даже ни один его матрос не погиб. Однако и ни одна из целей, поставленных перед немецкой группировкой, не была выполнена.

Получив достойный отпор, огромный, тяжёлый крейсер, оснащённый последними новинками корабельного вооружения, трусливо сбежал, испугавшись горстки необстрелянных бойцов, вооружённых несколькими артиллерийскими орудиями старого образца.

С нашей стороны в битве за Диксон погибли 7 матросов, 20 человек были ранены. Каждый год 27 августа жители этого маленького арктического городка отмечают День обороны Диксона.

пос. Стрелка
Енисейского района

300 лет со дня смерти Царя Пётра I Великого, первого русского реформатора

Пётр Алексеевич Романов – Император и Самодержец Всероссийский; Государь, Царь и Великий Князь всея Руси (с 27.04/07.05.1682 по 22.10./02.11.1721 года); первый Император Всероссийский с 1721 года.

Родился Пётр I 30.05/09.06.1672 года (в 7180 году, по действовавшему тогда летоисчислению «От сотворения мира») в городе Москва, Московский уезд, Русское (Московское) царство в семье русского царя Алексея Михайловича Романова, 14-м ребёнком (первым от второй жены).

О происхождении имени Пётр исследователи спорят до нашего времени, так как такое имя в родах Романовых и Нарышкиных до этого никому не давалось.

Алексей Михайлович Романов, отец Петра, имел многочисленное потомство от двух жён: Марии Ильиничны (в девичестве Милославской) и матери Петра Натальи Кирилловны (в девичестве Нарышкиной).

Супруги Петра I – Евдокия (в девичестве Лопухина), Екатерина I.

Дети – Алексей Петрович (от первого брака); Анна, Елизавета, Наталья (умерла в детстве), Пётр (умер в детстве) – от второго брака.

...Побыв год с матерью, Пётр был отдан на воспитание нянькам.

В 1676 году, когда Петру было три с половиной года, умер его отец, царь Алексей Михайлович Романов. После чего опекуном Петра стал единокровный старший брат, крёстный отец и новый русский царь Фёдор Алексеевич Романов, который своим крестником и опекаемым особо не занимался, кроме того, отстранил от двора его мать, вдовствующую царицу Наталью Кирилловну, и всю её родню – Нарышкиных. После чего мать Петра вынуждена была уехать из Москвы и жить в селе Преображенском, под Москвой.

Пётр в детстве получил слабое образование и до конца жизни писал в письмах и посланиях с ошибками. Возможно, что недостаточное образование Петра было связано ещё и с тем, что тогдашний патриарх московский Иоаким в рамках борьбы с «латинизацией» и «иноземным влиянием» отстранил от царского двора всех учителей царских детей, учеников Симеона Полоцкого (который обучал старших братьев Петра). Он настоял на том, чтобы обучением Петра занимались дядьки – Никита Зотов и Афанасий Нестеров, образование и знания которых были значительно ниже, чем у прежних учителей.

Пётр не имел возможности получить более глубокие знания, так как ни университетов, ни средних школ во времена детства Петра в русском царстве ещё не существовало. К тому же среди сословного русского сообщества грамоте обучены были лишь дьяки, подьячие, некоторые бояре и некоторые купцы. Назначенные дядьки (учителя) обучали Петра грамоте и тому, что знали сами, всего лишь четыре года – с 1676-го по 1680 год.

Поэтому так уж случилось в судьбе первого русского Императора, что недостаток образования он устранял в процессе жизни своим большим практическим самообразованием.

27.04/07.05.1682 года после шести лет управления Московским царством умер болезненный русский царь Фёдор Алексеевич, старший брат Петра (по отцу). У него не было детей, прямых наследников русского престола. В государстве вновь встал вопрос: кому из сыновей царя Алексея Михайловича наследовать престол – старшему и болезненному Ивану (согласно действовавшим канонам) или малолетнему Петру?

Заручившись поддержкой патриарха Иоакима, Нарышкины и их сторонники, фактически совершив дворцовый переворот при умирающем царе Фёдоре Алексеевиче, возвели на престол малолетнего Петра. Фактически же тогда к власти в стране пришёл клан Нарышкиных. Возвращён был из ссылки боярин Артамон Матвеев, объявленный «великим опекуном» Петра.

Свершившееся политическое преобразование в стране не устроило прежде правящий в стране клан Милославских, родственников царевны Софьи и царевича Ивана. Они опирались на поддержку стрельцов, которых в те годы в Москве было более 20 тысяч человек (значимая в то время сила).

15/25.05.1682 года стрельцы подняли в Москве бунт. С криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана, стрельцы пошли к Кремлю. Наталья Кирилловна, надеясь успокоить стрельцов, вывела перед беснующейся толпой стрельцов на Красное крыльцо царевичей Ивана и Петра. Однако стрельцы не успокоились и в первые же часы бунта убили бояр Артамона Матвеева и Михаила Долгорукого. После чего были убиты и другие сторонники царицы, в том числе и два её брата Нарышкины.

26.05.1682 года в царский дворец явились выборные от стрелецких полков и потребовали, чтобы Иван был признан первым царём, Пётр – вторым. Испуганные придворные бояре согласились с этим требованием бунтовщиков.

25.06.1682 года патриарх Иоаким совершил в Успенском соборе торжественный молебен о здравии двух новых наречённых русских царей и венчал их на царство.

29.05.1682 года стрельцы вновь «забузили» и настояли на том, чтобы царевна Софья приняла на себя управление государством как регентша двух малолетних её братьев, объявленных русскими царями.

После этого вдовствующая царица Наталья Кирилловна вынуждена была вновь удалиться вместе с сыном Петром в подмосковный царский дворец, в село Преображенское, где всё свободное время Пётр проводил вдали от дворца – в сёлах Воробьёве и Преображенском.

С каждым годом у него увеличивался интерес к военному делу. Пётр одел и вооружил своё «потешное» войско, состоявшее из сверстников по мальчишеским играм. В 1685 году его «потешные», одетые в иностранные кафтаны, под барабанный бой полковым строем шли через Москву из Преображенского в село Воробьёво. Сам Пётр служил барабанщиком.

В 1686 году 14-летний Пётр завёл при своих «потешных» артиллерию. Огнестрельный мастер Фёдор Зоммер показывал царю гранатное и огнестрельное дело. Из Пушкарского приказа были доставлены 16 пушек. Для управления тяжёлыми орудиями царь взял из Конюшенного приказа охочих к военному делу взрослых служителей, которых одели в мундиры иноземного покроя и определили потешными пушкарями. Потешный полк стал называться Преображенским по месту своего расквартирования – селу Преображенскому под Москвой.

В Преображенском на берегу Яузы был построен «потешный городок» Прешбург. При постройке крепости Пётр сам деятельно работал, помогал рубить брёвна, устанавливать пушки. Тогда же, в 1686 году, появились под Прешбургом на Яузе первые потешные суда – большой шняк и струг с лодками. В эти

годы Пётр заинтересовался всеми науками, которые были связаны с военным делом. Под руководством голландца Тиммермана он изучал арифметику, геометрию, военные науки.

Пётр отправился в Переяславль-Залесский, к Плещееву озеру, где заложил первую верфь для строительства судов. «Потешных» уже было два полка: к Преображенскому прибавился Семёновский, расположившийся в селе Семёновское. Прешбург уже совершенно походил на настоящую крепость. Для командования полками и изучения военной науки нужны были люди знающие и опытные.

Немецкая слобода вызывала любопытство Петра, и царь стал частым гостем в слободе. Здесь он познакомился с Патриком Гордоном, Францем Лефортом – будущими сподвижниками Петра, завёл роман с Анной Монс. Против этого строго выступала мать Петра. Чтобы образумить 16-летнего сына, Наталья Кирилловна решила женить его на Евдокии Лопухиной, дочери окольничего.

Женитьба состоялась 27.01/06.02.1689 года.

Взросление, военные увлечения и активность Петра сильно беспокоили его регентшу, старшую сестру – царевну Софью.

7/17.08.1689 года царевна Софья велела начальнику стрельцов Фёдору Шакловитому снарядить побольше своих людей в Кремль, будто бы для сопровождения её в Донской монастырь на богомолье. Вместе с тем распространился слух о письме с известием, что царь Пётр ночью решил занять своими «потешными» полками Кремль, убить царевну, брата царя Ивана и захватить власть. Шакловитый собрал стрелецкие полки, чтобы идти «великим собранием» на Преображенское и побить всех сторонников Петра за их намерение убить царевну Софью.

Сторонники Петра среди стрельцов послали двух единомышленников в Преображенское. После донесения Пётр с небольшой свитой в тревоге поскакал в Троице-Сергиев монастырь. 16 августа от Петра пришла грамота, чтобы от всех стрелецких полков были присланы в Троице-Сергиев монастырь начальники и по 10 человек рядовых. Царевна Софья настрого запретила исполнять это повеление под страхом смертной казни, а царю Петру отправили грамоту с извещением, что никак нельзя исполнить его просьбу.

27 августа пришла новая грамота царя Петра – идти всем полкам к Троице. Большая часть войск повиновалась законному царю, и царевне Софье пришлось признать поражение.

Был казнён Фёдор Шакловитый, царевна Софья отправлена в Новодевичий монастырь. Старший брат Иван встретил Петра в Успенском соборе и, фактически, передал ему властные царские полномочия (хотя, номинально, Иван продолжал оставаться первым царём до 29.01/08.02.1696 года, до дня своей смерти).

После отстранения от власти царевны Софьи власть в государстве фактически перешла в руки матери Петра, Натальи Кирилловны, и сплотившихся вокруг неё людей. При этом Наталья Кирилловна старалась приучать своего сына, русского царя, к делам управления государством, давала ему отдельные поручения, которые казались Петру скучными, и он не проявлял желания выполнять их.

После смерти Натальи Кирилловны (01.09.1651 – 04.02.1694гг.) Пётр не стал смещать сформированное матерью правительство Нарышкина и Голицына, но добился того, чтобы они неукоснительно выполняли его волю.

В первые годы единовластного управления страной царём Петром I приоритетным делом была война с Османской империей и Крымским ханством. При этом вместо военных походов на Крым, осуществляемых воинством царевны Софьи, Пётр решил нанести удар по турецкой крепости Азов, расположенной при впадении русской реки Дон в Азовское море.

Первый поход Петрова войска на Азов, начавшийся весной 1695 года, окончился неудачно – если не поражением, то невзятием крепости: по причине отсутствия в его армии судов «военно-морского флота» и неготовности его армии к решительным и умелым боевым действиям при осаде вражеской крепости.

После неудачного похода на турок и крымских татар осенью 1695 года Пётр развернул в Воронеже строительство русской гребной флотилии, где за сравнительно короткое время была построена гребная флотилия из разных судов во главе с 36-пушечным кораблём «Апостол Пётр».

В мае 1696 года сорокатысячная русская Петрова армия под командованием генералиссимуса Шеина вновь приступила к осаде турецкой крепости «Азов», при этом русская флотилия блокировала осадную турецкую крепость с моря. В осаде крепости принимал участие и сам царь Пётр в звании капитана на галере.

Не дожидаясь штурма крепости, турецкое воинство сдало «Азов» русским, что явилось первой боевой победой русского Петрова воинства. Так был открыт первый морской выход России в южные моря.

После этого начал строиться первый русский морской порт Таганрог на Азовском море. Появились благоприятные условия для осуществления нового военного похода на Крым с моря.

Но получить выход в Чёрное море через Керченский пролив царю Петру не удалось. Крым и Керченский пролив оставались под контролем Османской империи. Сил для войны с Турцией, как и полноценного военно-морского флота, у России пока ещё не было.

В марте 1697 года царь Пётр отправил в Западную Европу (через Лифляндию) Великое русское посольство, основной целью которого был поиск союзников России в Западной Европе против Османской империи (Турции).

В Великое русское посольство входило около 250 человек, среди которых под именем урядника Преображенского полка находился и царь Пётр I. Он впервые совершал поездку за пределы своего государства. В Посольстве Пётр посетил Ригу, Кёнигсберг, Голландию, Англию, Австралию, был намечен визит в Венецию, в Рим к папе римскому.

Великое русское посольство завербовало в европейских государствах несколько сотен специалистов по корабельно-строительному делу, закупило много разного военного и иного оборудования.

Кроме переговоров, Пётр I много времени посвятил изучению кораблестроения в Голландии, военного дела и других наук, поработал плотником на верфях Ост-Индской компании, где был построен корабль и для русского флота, названный «Пётр и Павел».

В Англии царь посетил литейный завод, арсенал, парламент, Оксфордский университет, Гринвичскую обсерваторию и монетный двор (смотрителем которого был в то время Исаак Ньютон).

Но главной цели – поиск союзников в борьбе против Турции – Великое русское посольство не достигло. Однако произошла переориентация российской внешней политики с южного направления на северное.

Летом 1698 года в Москве начался новый стрелецкий бунт (восстание четырёх стрелецких полков). Работа Великого русского посольства была прервана. По прибытии Петра в Москву (25.08/04.09.1698 года), началось дознание причин возникновения мятежа и розыск его участников. Результатом проведённых следственно-розыскных мероприятий стала единовременная казнь (10.10.1698 года) около 800 стрельцов (не считая казнённых в процессе подавления мятежа и по первому расследованию).

В течение 1699-го и 1700 годов допросы, пытки и казни продолжались.

Царевна Софья была пострижена в монахини Новодевичьего монастыря, где и провела остаток своей жизни под именем монахини Сусанны (скончалась в 1704 году), в монахини же была пострижена и сестра Софьи – Марфа Алексеевна; эта же участь постигла и жену Петра I – Евдокию Лопухину, которую насильно отправили в Суздальский монастырь.

После возвращения в Россию Пётр I начал преобразования. Вначале решил изменить внешний вид подданных и отличающийся старославянский уклад жизни от западноевропейского. В Преображенском дворце Пётр начал резать бороды своим вельможам. 29.08/08.09.1698 года был издан указ «О ношении немецкого платья, о бритии бород и усов, о хождении раскольников в указанном для них одеянии»: «Я желаю преобразить светских козлов, то есть граждан, и духовенство, то есть монахов и попов. Первых, чтобы они без бород походили в добре на европейцев, а других, чтоб они, хотя и с бородами, в церквах учили бы прихожан христианским добродетелям так, как видал и слыхал я учащих в Германии пасторов».

Новый 7208-й год по Русско-Византийскому календарю («от сотворения мира») стал 1700 годом по «Юлианскому календарю». Пётр же ввёл и празднование Нового Года 1 января, а не в день осеннего равноденствия, как праздновалось раньше. В его специальном указе было записано: «Поелику в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с первого января. А в знак доброго начинания и веселья поздравить друг друга с Новым годом, желая в делах благополучия и в семье благоденствия. В честь нового года учинять украшения из елей, детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям пьянства и мордобоя не учинять – на то других дней хватает».

...После возвращения из Великого посольства Пётр начал готовиться к войне со Швецией за выход к Балтийскому морю. Стрелецкое войско было распущено (кроме четырёх регулярных полков – Преображенского, Семёновского, Лефортовского и Бутырского, которые и стали основой новой русской, Петровой армии).

Готовясь к войне со Швецией, Пётр велел в 1699 году произвести общий рекрутский набор и начать обучение новобранцев по образцу, заведённому у преображенцев и семёновцев. Одновременно с рекрутами было набрано в русскую армию и много иноземных офицеров и иных армейских чинов.

Войну предполагалось начать с осады Нарвы, поэтому основное внимание уделялось организации и подготовке пехоты.

Петру не терпелось вступить в войну и в деле посмотреть и проверить новую свою армию: управление ею, службу боевого обеспечения. Крепкий обустроенный тыл своей армии ему ещё предстояло создавать.

Кроме того, по внешнеполитическому плану в 1699 году был создан «Северный союз» против шведского короля Карла XII.

В Северный союз, кроме России, вошли: Дания, Саксония и Речь Посполитая (Польша) во главе с саксонским курфюрстом и польским королём Августом II. Движущей силой «Северного Союза» было стремление польского короля отобрать у Швеции Лифляндию. За помощь в этом деле польский король обещал возврат России ранее принадлежавших ей земель (Ингерманландии и Карелии).

Для вступления в войну со Швецией России требовалось заключить мир с Османской империей (Турцией). После заключения перемирия на 30 лет с турецким султаном (19/30.08.1700 года) Россия объявила войну Швеции под предлогом оскорбления ею русского царя в Риге.

Зная о намерениях противников, шведский король Карл XII решил разбить их поодиночке, ещё до объявления Россией войны Швеции: 8/19.08.1700 года шведы разгромили войска Дании, неудачно закончилась и

попытка захвата Риги польскими войсками Августа II. После этого Карл XII двинул своё войско против русской армии. 19/30.11.1700 года русское войско во главе с саксонским фельдмаршалом герцогом де Кроа было разгромлено под Нарвой. Посчитав, что Россия достаточно ослаблена, Карл XII ушёл в Ливонию, чтобы направить все силы против Августа II.

Однако Пётр, продолжив реформы армии по европейскому образцу, возобновил боевые действия. Летом 1702 года гвардейцы вместе с Петром I начали переход по вырубленной в лесах и вымощенной в болотах «Осударевой дороге» из Белого моря в Онежское озеро, протащив волоком два построенных в Архангельске фрегата. Поход окончился взятием осенью 1702 года крепости Нотебург (переименована в Шлиссельбург). Весной 1703 года русская армия захватила крепость Ниеншанц в устье Невы. 10 (21) мая 1703 года за смелый захват двух шведских судов у устья Невы Пётр (носил тогда чин капитана Бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка) получил им же утверждённый орден Святого Андрея Первозванного. Здесь 16 (27) мая 1703 года по указу царя началось строительство новой столицы – Санкт-Петербурга, а на острове Котлин разместилась база русского флота – крепость Кронштлот (впоследствии Кронштадт). Выход к Балтийскому морю был снова пробит.

В 1704 году после взятия Дерпта и Нарвы Россия закрепилась в Восточной Прибалтике. В 1704 году при штурме Нарвы Пётр I сам зарубил нескольких солдат, продолжавших убивать и грабить жителей крепости после её капитуляции. На предложение заключить мир Пётр I получил отказ.

После низложения Августа II в 1706 году и замены его польским королём Станиславом Лещинским, Карл XII начал роковой для него поход на Россию. Однако новая русская армия была уже иной – обстрелянной, обученной, хорошо снабжённой. Во главе её стояли талантливые военачальники, сам Пётр проявил умения и таланты полководца.

Однако и теперь, имея численное превосходство, он не стремился к генеральному сражению, так как противник был слишком силён. На военном совете в Жолкве весной 1707 года было решено «дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах и партиями, и так же оголожением провианта и фуража томить неприятеля».

В июле 1708 года Карл нанёс русским поражение под Головчином. Пётр был разгневан: «Многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем». По приказу царя войска разоряли сначала Польшу, а затем и собственную страну. Собранное зерно надлежало свозить в Смоленск, а при невозможности вывоза «прятать в ямы».

Отсутствие провианта вынудило Карла XII повернуть на Украину в расчёте на помощь местного гетмана Ивана Мазепы. В сражении при Лесной 28 сентября (9 октября) 1708 года Пётр лично возглавил корволант А. Д. Меншикова и разгромил шведский корпус Левенгаупта, шедший на соединение с армией Карла XII из Лифляндии. Шведская армия лишилась подкрепления и обоза с военными припасами. Позднее Пётр I отмечал годовщину этой битвы как поворотный момент в Северной войне.

В Полтавской битве 27.06/08.07.1709 года армия Карла XII была наголову разгромлена. Остатки армии, спасаясь бегством, ушли во владения Османской империи, а сам Карл XII укрылся в городе Бендеры.

В 1710 году в войну вмешалась Турция. После поражения в Прутском походе 1711 года Россия вернула Азов Турции и разрушила Таганрог, но за счёт этого удалось заключить очередное перемирие с турками.

Пётр снова сосредоточился на войне со шведами – в 1713 году шведы потерпели поражение в Померании и лишились всех владений в континентальной Европе. Однако благодаря господству Швеции на море Северная война затянулась. Балтийский флот только создавался Россией, но сумел одержать первую победу в Гангутском сражении летом 1714 года. В 1716 году Пётр возглавил объединённый флот из России, Англии, Дании и Голландии, но из-за разногласий в стане союзников не удалось организовать нападение на Швецию.

В начале 1716 года Пётр I вновь отправился в Европу. Он официально посетил Данию, Германию, Францию и другие западноевропейские страны. Заложил новые торгово-экономические, дипломатические и культурные связи и отношения России с этими государствами.

Ещё до второй европейской поездки Пётр I начал более глубоко и основательно изучать государственные окраины России, в том числе и Сибирь. В 1716 году были заложены и основаны (экспедицией Бухгольца) Омский острог (в месте слияния рек Иртыша и Оми) и Усть-Каменогорский острог (выше Омска, по течению реки Иртыш).

В 1716-1717 годах была отправлена экспедиция Бековича-Черкасского в Среднюю Азию.

15.11.1718 года была снаряжена и отправлена в Сибирь научная экспедиция (во главе с немцем – доктором медицины Д.Г. Мессершмидтом), в обязанности которой входило письменное описание Сибири (как страны), её природы, населения (с их обычаями, болезнями и прочим), с описанием памятников старины Сибири. Экспедиция Мессершмидта в течение нескольких лет исследовала сибирские регионы (в том числе и Кузнецкий край), исследовала и дальневосточные российские регионы (в том числе и Камчатку).

По мере укрепления Балтийского флота России Швеция почувствовала опасность вторжения руских в свои земли. В 1718 году начались мирные переговоры, прерванные внезапной гибелью Карла XII. Шведская королева Ульрика Элеонора возобновила войну, надеясь теперь на помощь Англии. Разорительные десанты русских войск на шведское побережье в 1720 году подтолкнули Швецию к возобновлению переговоров. 30 августа (10 сентября) 1721 года между Россией и Швецией был заключён Ништадтский мир, завершивший 21-летнюю войну. Россия получила выход в Балтийское море, присоединила территорию Ингрии, часть Карелии, Эстляндию и Лифляндию.

В июне 1722 года из Астрахани отправился по Каспийскому морю 22-тысячный русский военный отряд в сторону Персии (по просьбе сына персидского шаха Тохма-мирзы о военной помощи). В августе того же года русским войском был взят город Дербент, в следующем, 1723 году, был отвоёван русскими западный берег Каспийского моря (с крепостями Баку, Рештом и Астрабадом). Дальнейшее продвижение русского войска было остановлено угрозой очередного вступления в войну с Россией Османской империи (Турции), которая завоёвывала в это время западное и центральное Закавказье.

12/23.06.1723 года Россия заключила с Персией Петербургский договор, по которому в состав Российской империи включились западное и южное побережья Каспия (с городами Дербент и Баку, провинциями Гилян, Мазендеран и Астрабад). Кроме того, Россия и Персия заключили оборонительный союз против Турции.

Стык границ между Россией, Турцией и Персией был установлен по месту слияния рек Аракс и Кура.

Россия стала великой европейской державой, в ознаменование чего 22 октября (2 ноября) 1721 года Пётр по прошению сенаторов принял титул Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого: «...помыслили мы, с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, дерзновение восприять, в день торжества и объявления заключённого оными трудами всей России столь славного и благополучного мира, по прочитании трактата оного в церкви, по нашем всеподданнейшем благодарении за исходатайствование оного мира, принесть своё прошение к публично, дабы изволил принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого, как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статутах для памяти в вечные роды подписаны».

Пётр I принял свой новый титул не просто как почётный, но и как свидетельствовавший о новой роли России в международных делах.

Пруссия и Голландия приняли новый титул русского царя сразу, Швеция – в 1723 году, Турция – в 1739 году, Англия и Австрия – в 1742 году, Франция и Испания – в 1745 году, Польша – в 1764 году.

После провозглашения России империей, обряд венчания царя на царство был заменён обрядом коронации.

Умер Первый Российский Император и Самодержец Пётр I 28.01/08.02.1725 года «от мочекаменной болезни» в городе Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская губерния, Российская империя. Прах погребён в некрополе Петропавловского Собора города Санкт-Петербург.

Всю внутреннюю и внешнюю государственную деятельность Петра I иностранные и российские историки делят на два периода.

Первый период: 1695-1715 годы, когда его молодость и спешка носили не всегда продуманный характер в условиях первых войн, когда все реформы сводились к сбору средств для ведения боевых действий русской армии.

Второй период: 1715-1725 годы, когда реформы его были уже более значимыми для государства и планомерными. При этом разные историки, как иностранные так и российские, до сих пор оценивают реформы Петра I по-разному:

- В.О. Ключевский считал, что реформы Петра I не являлись чем-то принципиально новым, были продолжением тех преобразований, которые осуществлялись в России в течение всего 17 века;

- Сергей Соловьёв, наоборот, подчёркивает революционный характер преобразований Петра I, поскольку им была проведена реформа государственного управления, преобразование русской армии, создан был русский военно-морской флот; осуществлена реформа церковного управления в духе «цезаропапизма», направленная на ликвидацию автономной от государства церковной юрисдикции и подчинение российской церковной иерархии императору; осуществлена финансовая реформа в государстве; предпринимались мероприятия по развитию российской промышленности и торговли; после возвращения из «Великого посольства» началось приобщение российского дворянства и знати к образованию и светской европейской культуре, появились светские учебные заведения, появилась первая русская газета и многие книги, переведённые с европейских языков на русский язык, и многое другое.

В 1724 году был подписан проект положения о Российской Академии Наук, университете и гимназии при ней.

Особое значение в истории России имело строительство каменного Санкт-Петербурга (1704-1717гг.) под личным контролем и руководством Петра I, в основном силами «работных людей», мобилизованных из деревень и других мест в рамках натуральной трудовой повинности. В проектировке и строительстве Санкт-Петербурга принимали участие иностранные инженеры-строители и архитекторы, в том числе и с мировой славой.

Информация взята из Интернета и общедоступных источников.
Набрал и подготовил текст к печати Анатолий Гуляев.

Демидовы и их ДЕЛО в ЗЕМЛИЦАХ Сибирской и Кузнецкой

Никита Демидов

Никита Демидович Антуфьев (по другим сведениям Антюфеев) – русский промышленник, тульских оружейных дел мастер, основатель династии Демидовых.

Родился 26.03/05.04.1656 года в городе Тула, Московская губерния, Московское царство.

Отец – Демид Клементьевич Антуфьев.

Супруга – Евдокия Федотовна.

Дети – Акинфий (1678-1745гг.), Григорий (убит в 1728 году сыном Иваном, за что Иван был казнён), Никита (1688-1758гг.) и дочери.

Происходил из тульских мастеров-оружейников, владел в Туле оружейной фабрикой (заводом) и вододействующим железоделательным заводом.

Его отец Демид Клементьевич Антуфьев, происходивший из государственных крестьян, переехал в город Тулу из села Павшина Алексинского уезда, чтобы заняться в городе кузнечным ремеслом.

В 1664 году, когда старшему сыну Никите исполнилось восемь лет, Демид умер.

Уже в 1690 годы Никита Демидов, являясь владельцем железоделательного завода, весьма успешно торговал своим железом, что уже тогда делало его положение совершенно исключительным, поскольку другие немногочисленные железоделательные заводы того времени сплошь принадлежали иностранцам и членам правящей элиты.

Жизнь Никиты Демидова изменила случайная встреча с русским царём Петром I. Время и место этой встречи достоверно неизвестны, поэтому существует несколько версий и легенд. По одной из них Н. Демидов стал известен царю тем, что починил сподвижнику Петра, барону Шафирову, его немецкий пистолет, да ещё и изготовил точную его копию.

По другой версии, Никита Демидов был единственным из тульских оружейников, взявшимся в 1696 году выполнить царский заказ на изготовление 300 ружей по западному образцу.

Царь Пётр I сделал Никиту Демидова поставщиком оружия для своего войска во время Северной войны, так как поставляемые Демидовым ружья были значительно дешевле заграничных и не худшего качества. Оттого царь в 1701 году приказал отмежевать в собственность Никиты Демидова стрелецкие земли, лежавшие недалеко от города Тула. А для добычи Никитой Демидовым угля отвёл ему земельный участок в Щегловской засеке. Кроме того, царь выдал Никите Демидову специальную грамоту, позволявшую ему расширить своё производство за счёт покупки новой земли и крепостных для работы на своих заводах.

В 1702 году Никите Демидову были отданы казённые Верхотурские железные заводы (устроенные на реке Нейве на Урале ещё во времена царствования царя Алексея Михайловича, отца Петра I), с обязательством уплатить казне за устройство заводов железом в течение пяти лет и с правом покупки для заводов крепостных людей. В грамоте от того же года Никита Демидович именован Демидовым, вместо прежнего прозвища Антуфьев.

В 1720 году по Указу царя Петра I Никита Демидович был произведён в личное дворянство с фамилией Демидов. Сыновья Никиты Демидова за заслуги в развитии промышленности Российской в 1726 году были возведены в потомственное дворянство Указом Императрицы Всероссийской Екатерины I.

Нуждаясь в рабочих руках, Никита Демидов, вопреки строгим запретам государственной Берг-коллегии, переманивал мастеров из казённых заводов, приглашал к себе на работу шведских военнопленных, знавших железоделательное дело, укрывал беглых. При этом производительность на его заводах была по тем временам очень высокой. «Демидов, у которого нет и четвёртой части приписных крестьян против казённых заводов, несмотря на то, отпускает железа вдвое более против казённых заводов», – сообщал в своей докладной Василий Татищев, управляющий уральскими казёнными железоделательными заводами.

В 1703 году Пётр I приказал приписать к заводам Демидова две волости в Верхотурском уезде.

С 1716-го по 1725 годы Никита Демидов построил там ещё пять заводов: молотовые заводы – Шуралинский (1716г.) и Быньговский (1718г.), использовавших чугун Невьянского и Верхнетагильского чугуноплавильных заводов (1720г.); Нижнелайский (1723г.) и Нижнетагильский заводы.

С 1702-го по 1706 годы на демидовских заводах было изготовлено 114 артиллерийских орудий, с 1702-го по 1718 год – 908,7 тысяч штук артиллерийских снарядов.

С 1718 года Никита Демидов стал единственным поставщиком железа, якорей и пушек для русского морского флота.

Производительность уральских заводов Никиты Демидова была очень высокой по тому времени и превзошла общий объём производства всех остальных железоделательных заводов тогдашней Европейской России. В 1720 году («демидовский» Урал) выдал, по меньшей мере, две трети металла России.

К концу царствования Петра I внутренний металлургический российский рынок начал получать достаточное количество металла, оттого Россия начала экспортировать железо. Для более удобной вывозки с заводов металлопродукции между заводами были проложены дороги, расчищен судоходный путь по реке Чусовой, построены сплавные суда, пристани, склады.

В начале 1720 годов, в результате интенсивного развития на Урале казённых железоделательных заводов, более выгодных государству, Никита Демидов попал в опалу: «Ему не очень мило (сообщал царю де Геннин, проводивший следствие по «делу» Никиты Демидова), – что Вашего Величества заводы станут здесь цвесть, для того, что он мог больше своего железа продавать и цену положить, как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не на Ваши».

В результате вмешательства царя суд наложил на Никиту Демидова огромный штраф, и на Урале начала развиваться казённая промышленность. Демидовская монополия оказалась нарушенной, на Урале впервые появились и другие промышленники (поначалу, в основном, в медеплавильной промышленности).

Умер Никита Демидов 17/28.11.1725 года (69 лет) в городе Тула, Тульская провинция, Московская губерния, Российская империя, 300 лет тому назад, в один год со смертью своего покровителя, Первого Русского Императора – Царя Петра I (Романова).

Прах Никиты Демидовича Демидова погребён в фамильном склепе рода дворян Демидовых под папертью Демидовской церкви в городе Тула.

Акинфий Демидов

Акинфий Никитич Демидов – русский предприниматель (купец, горнозаводчик, меценат) из династии двух Демидовых, основатель горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири. Помимо традиционных русских металлургических производств (чугуна, железа и меди), он начал добычу и обработку малахита, магнита и асбеста (или горного льна).

Родился в 1678 году в городе Тула, Московское царство.

Отец – Никита Демидович Демидов.

Мать – Евдокия Федотовна.

Супруги: Евдокия Тарасовна Коробкова и Евфимия Ивановна Пальцева.

Дети: Прокофий, Григорий, Никита.

Акинфий Никитич Демидов участвовал в строительстве и управлении уральскими заводами ещё при жизни своего отца Никиты Демидова. Унаследовал от отца деловую хватку, был глубоким знатоком горнозаводского хозяйства, предприимчивым деятелем, умевшим ловко маневрировать среди царских придворных вельмож и добиваться для себя исключительных привилегий, в том числе чина «действительного статского советника». При этом активно развивал инфраструктуру между своими заводами, расчищал речные пути, прокладывал дороги. Построив свои заводы, в три раза увеличил владения рода Демидовых; основывая и строя новые предприятия, преследовал не только личные, но и государственные, и общенародные интересы. Так, первая в России косная фабрика на Среднем Урале была построена им «для славы Российской империи и всенародной пользы».

За свою трудовую жизнь Акинфий Никитич Демидов построил 17 железоделательных и медеплавильных заводов, главным делом его жизни считается Нижнетагильский завод, оборудование которого соответствовало лучшим русским и западноевропейским образцам. Это предприятие существует и в нынешнее время: в 1725 году на нём была пущена первая домна, в то время крупнейшая в мире. В целях повышения доходности предприятия и борьбы с мелкими промысловиками Акинфий Демидов пред-

принял небезуспешные действия по монополизации добычи руды на Урале и в Сибири: 16.02.1726 года А.Н. Демидов получил от Берг-коллегии (орган, отвечавший в Российской империи за горнорудную промышленность) разрешение и монопольное право на развитие горно-металлургического производства в Томском и Кузнецком уездах Томской губернии (куда в то время входила территория Алтая). Кроме того, 24.03.1726 года Акинфий Демидов и его братья были возведены «по Нижнему Новгороду в наследное дворянство», что дало им право на покупку (приобретение) окрестных деревень (вместе с их населением) для своих нужд. В это же время Акинфий Демидов выпустил карту приписных деревень «Колывановo-Воскресенского завода», явившуюся первым картографическим документом приписанной заводу местности, на карте отображены все населённые пункты (деревни) того времени, в том числе «Мирская» и «Усякская» (нынешний город Прокопьевск). Экземпляры этой карты сохранились и до нашего времени в Алтайском краеведческом музее...

С открытием на Алтае полиметаллических руд Акинфий Демидов получил разрешение и монопольное право строительства здесь рудников и заводов. Он основал несколько поселений в глухих сибирских местах.

В 1726 году основал на реке Колыванке (позднее Локтевке) «Колыванский ручной завод», на котором была выполнена первая пробная выплавка меди.

В 1729 году «Колыванский ручной завод» по ряду причин был перенесён на реку Белая (фактически построен новый, со старым названием), после строительства и ввода в строй на новом заводе церкви «Воскресения Христова» заводу было присвоено название «Колыванoво-Воскресенский медеплавильный завод», в тот же год две медеплавильных печи этого завода выдали первую алтайскую медь.

Получив дворянский семейный титул и монопольное право на разработку недр в Сибирских Томском и Кузнецком уездах, Акинфий Демидов приписал Колывановo-Воскресенскому заводу и всю территорию названых уездов с их населёнными пунктами и их населением, закрепив своё приобретение (в 1737 году) выпуском карт с изображением на них всех приписанных заводу населённых пунктов. На которых (впервые) отмечены и деревни «Усякска» и «Мирска», главные составляющие населённые пункты будущего города Прокопьевска («Прокопьевск ...в летописях», Прокопьевск 2013, с. 106).

В 1734 году появился на Урале и в Сибири В.Н. Татищев, назначенный начальником государевых горных заводов в этих краях, который считал, что «частные хозяева заводов не столько обогащают, сколько обирают государство... Казённые заводы отлично могут работать и без их вмешательства», – о чём доложил в письменном виде Императрице Российской. На что она ответила: «...ежели де усмотрите, что заводы Демидова для пользы нашей надобно взять на нас, то онные у него взять».

Тем не менее, Акинфий Демидов вновь добился привилегий.

12.11.1736 года Русская Императрица Анна Иоанновна отписала в новом своём указе: «Колыванские заводы отдать обратно Акинфию Демидову и впредь Татищеву вовсе не ведать его заводами нигде». В специальной резолюции к этому своему указу Императрица удовлетворила просьбу Демидова и разрешила ему «...по Оби и по Иртышу рекам заводы... строить».

В 1737 году начал работать Змеиногорский рудник (в районе горы Змеиная).

Осенью 1739 года Акинфий Демидов начал строить новый завод в устье впадающей в Обь речки Боро-нуур (позднее: Бороноур, Боранаул, Борноул, Барнаул, ныне – Барнаулка) Барнаульский сереброплавильный завод (где поначалу появилась деревня Усть-Барнаульская, позднее город Барнаул), хорошо оборудованный по тому времени. Строительство нового завода было окончено в 1744 году. Добыча меди не давала А. Демидову хорошую прибыль, потому как требовала больших финансовых расходов на её производство и транспортировку.

Серебряную руду в Алтайской землице демидовские геологи нашли в 1736 году. После чего Акинфий Демидов открыл в том месте знаменитые алтайские рудники, на которых добывали серебро и золото. По сохранившимся легендам, несколько лет Акинфий Демидов развивал это производство, добывал серебро и золото втайне от российских властей. Сохранилось мнение (легенды и былины), что на Алтае у Акинфия Демидова были секретные мастерские (цеха), где чеканились золотые и серебряные царские монеты...

Акинфий Демидов первым в России создал эталонную коллекцию руд и минералов, ядром которой является минеральный кабинет немецкого химика и металлурга Иоганна Фридрика Генкеля, купленный во Фрайберге и пополненный образцами уральских и сибирских руд. После смерти Акинфия Демидова эта коллекция поступила в Его Императорского Величества Московский университет.

В середине 1745 года, испытывая ностальгию по местам, где провёл своё детство и юность, Акинфий Демидов захотел побывать там и посмотреть на них вновь. Возвращаясь на уральские заводы, достигнув уже берегов реки Камы, он почувствовал себя плохо.

Умер Акинфий Никитич Демидов 5/16.08.1745 года (67 лет), близ села Ицкое Устье, Мензелинский уезд, Оренбургская губерния, Российская империя. Прах погребён был в городе Тула в некрополе Демидовых (в усыпальнице Акинфия Никитича Демидова и Григория Акинфиевича Демидова)...

В тот же год алтайские заводы Акинфия Демидова перешли в собственность Ея Императорского Величества.

В 1763 году был заложен сереброплавильный завод в деревне Урывной, в месте слияния речек Фунтовки и Касмалы, названный Ново-Павловским по имени наследника престола цесаревича Павла.

Анкифий Демидов является самой популярной личностью не только в Барнауле, но и во всём Алтайском крае.

Колывано-Воскресенский медеплавильный завод

В 1726 году на реке Локтевке (ранее Колыванке, притоке реки Чарыш) в Алтае (в 4 километрах от современной алтайской Колывани) был построен первый медеплавильный горн («Колыванский ручной завод»), на котором была предпринята пробная выплавка меди.

В 1727 году завод был перенесён на реку Белая, рядом с горой Синюхой. Именно тогда завод и получил своё официальное название – Колыванский.

В течение последующих десяти лет на Алтае были найдены и открыты ещё более мощные залежи медной руды, и один Колыванский завод не стал справляться с увеличившейся производственной нагрузкой. Оттого в 1729 году Демидов построил ещё два завода: Барнаульский (в 1729 году, на речке Барнаулке) и Шульбинский (в 1744 году).

Металлургические предприятия того времени имели вододействующие приводные исполнительные механизмы, качающие кожаные меха, прокачивающие воздух через горящие раскалённые угли в плавильных печах, на первом же заводе были установлены меха, работавшие от ручной (мускульной) силы людей или лошадей. Такая технология была малоэффективной и позволяла перерабатывать сравнительно небольшое количество медной руды. Кроме того, Колыванские заводы были построены в приграничной местности и подвергались набегам и разграблениям кочевниками. Отчего уже в июне 1728 года кузнецкий воевода доносил в Тобольск, что Колыванские заводы Демидова подверглись нападению «неприятельских воинских людей», которые угнали 3790 лошадей и ранили двух человек. После чего было принято решение о переносе завода (строительстве нового) на реку Белая, где новый завод начал действовать в сентябре 1729 года. Название же этому, новому заводу, было оставлено старое, вновь он был назван «Колыванским».

Немногим позднее, после строительства при новом Колыванском заводе христианской церкви «Воскресения Христова», название завода было изменено на «Колывано-Воскресенский». Этот завод представлял собой хорошо оборудованное по тому времени металлургическое предприятие: на речке Белая, при заводе, была построена речная водная плотина; плавильня, с водоприводными мехами, подающими воздух в плавильные печи; обжигальня; гармахерская для выплавки чистой меди; вододействующая лесопилка; кузница и котельная.

В 1747 году, после смерти Акинфия Демидова, его алтайские заводы и рудники перешли в собственность царской семьи, с учреждением округа Колывановo-Воскресенского горного завода.

Во второй половине 18 века Колывано-Воскресенский завод пришёл в упадок и в 1799 году был закрыт, одной из причин закрытия завода явилась нехватка рабочей силы (крестьян, разбежавшихся по своим деревням после выхода царского Указа, разрешающего это). На месте бывшего Колывано-Воскресенского завода и в его помещениях в 1802 году был открыт Колыванский камнерезный завод.

Ныне Колывань – посёлок городского типа, административный центр Колыванского района Новосибирской области, расположен на реке Чаус (бассейн реки Обь), в 45 километрах к северо-западу от города Новосибирска. В своё время через Колывань проходил Сибирский почтовый тракт – старинный сухопутный маршрут из европейской России через Сибирь на восток, в том числе к границам Китая через Верхнеудинск (Улан-Уде) и Кяхту. Отчего «...с 1779 года Колывань являлась административным центром Колыванской области Тобольского генерал-губернаторства, в которой находился Кузнецкий уезд; с 1783 года – Колыванской губернии Томской области Тобольского наместничества, с Кузнецким уездом» («Из истории Сибири и Кузнецкого края», том-2, с. 229»), после строительства и ввода в строй Транссибирской железной дороги, миновавшей Колывань, постепенно центром Западной Сибири стал Новониколаевск (ныне город Новосибирск).

Томский жезоделательный завод

Томский железоделательный завод был построен и запущен в эксплуатацию в Кузнецком уезде, недалеко от деревни Томская, в декабре 1771 года на берегу реки Томь-Чумыш по инициативе руководства Колывановo-Воскресенского горного округа. В декабре 2021 года исполнилось 250 лет, как Томский железоделательный завод выдал первый металл. Именно этой дате и событию была приурочена выставка, устроенная в музее-заповеднике «Кузнецкая крепость» в декабре 2021 года. Куратором выставки являлся научный сотрудник музея-заповедника «Кузнецкая крепость» Н.А. Кузнецов.

Томский железоделательный завод был построен в глухом участке Салаирской тайги, где имелись богатые залежи рудного железа, полноводная река и большие лесные массивы, необхо-

димые для производства древесного угля, используемого в металлургическом производстве.

Завод выпускал чугунное литьё, листовое железо, проволоку и сталь, до 35 тысяч пудов в год. Часть продукции шла на вольный рынок, часть – на нужды действующих в округе металлургических предприятий и прочего.

Не проработав и ста лет, в 1864 году Томский железоделательный завод был закрыт из-за отсутствия необходимой рабочей силы.

С конца прошлого века и с началом 2000 годов предпринималось несколько попыток поиска местонахождения бывшего Томского железоделательного завода. К сожалению, не было найдено останков и артефактов экспедицией энтузиастов под руководством известного кузбасского географа, члена Русского Географического Общества, кандидата географических наук, профессора НГПИ/КемГУ С.Д. Тивякова. Со слов которого: «...ничего ценного на предполагаемом месте расположения бывшего Томского железоделательного завода и деревни Томская найдено не было. Со слов же, якобы, сведущих людей, ныне, на месте бывшей деревни Томская Прокопьевского района Кузбасса, и бывшего же Томского железоделательного завода, стоит лишь одинокая избушка лесника...

Гурьевский железоделательный завод

Одно из старейших металлургических предприятий Кузбасса, расположен в городе Гурьевск Кемеровской области (Кузбасс).

Основан в марте 1815 года на берегу реки Бачат, запуск завода в работу состоялся 15.11.1816 года – в день святых мучеников Дмитрия и Гурия. Первоначально как медеплавильный, выпускал медь и серебро (до 1820 годов), после чего перепрофилировался на железоделательный завод.

В 1826 году на заводе была построена первая доменная печь, которая, используя местную сырьевую базу бурого железняка, начала плавить из него чугун. Немногим позднее на заводе была построена первая мартеновская печь, в которой начали варить сталь.

В 1828 году на заводе началось строительство листопрокатной фабрики.

С 1848 года завод начал выпускать булатную сталь.

В 1870-1880 годах на заводе была проведена масштабная реконструкция: были построены новые доменная и мартеновская печи, запущены новые прокатные станы. В результате выпуск заводом чугуна и стали возрос с 30 тысяч пудов в год (в 1870 годы) до 240 тысяч пудов (в 1890 годы).

С 1906-го по 1920 годы завод не работал (хотя ниже будет сказано, что в 1917 году завод был частично восстановлен группой металлургов под руководством Курако М.К.).

В 1921 году завод был вновь реконструирован как предприятие чёрной металлургии, в 1924 году на заводе вновь были запущены в работу мартеновские печи, а в 1925 году – и прокатные станы.

В начале 1930 годов Гурьевский металлургический завод подчинили Кузнецкому металлургическому комбинату (КМК, город Новокузнецк) как вспомогательное металлургическое предприятие.

В 1934 году Гурьевским заводом было сварено 28 тысяч тонн стали, прокатано 22 тысячи тонн проката.

В 1987 году Гурьевский металлургический завод был награждён орденом «Знак Почёта».

К апрелю 2013 года заводом выпущено 10 миллионов тонн мартеновской стали с годовым объёмом производства 210 тысяч тонн стали в год.

В 2013 году Гурьевский металлургический завод вошёл в состав металлургической кузбасской компании «Гурьевск-сталь».

Известные металлурги завода:

- Курако Михаил Константинович – русский металлург, доменщик;
- Залесов Поликарп Михайлович – русский промышленник;
- Соколовский Лука Александрович – управляющий горными делами.

КОПИКУЗ (Кузнецкие каменноугольные копи)

С начала освоения и заселения Сибирь достаточно быстро (по меркам тех времён) была присоединена к Государству Русскому, однако являлась дальней и далёкой государевой вотчиной, и потому промышленное освоение её пространства шло медленной поступью. Главной причиной медленного развития края служили великие пространства сурового края и отсутствие железной дороги. Железную дорогу (Транссибирскую железнодорожную магистраль, «ТРАНССИБ»), единственную связующую нить с центральными областями государства, проложили лишь через триста лет после присоединения Сибири к Руси, после того, как железнодорожные пути уже прошли через всю европейскую часть Российской империи, оцепили Урал и дошли до Тюмени. До пуска Транссиба, в самом начале 18 столетия, в нескольких местах Сибири начали действовать металлургические производства Демидовых и других русских промышленников и предпринимателей.

В конце 1912 года внимание на богатства недр юга Западной Сибири, прежде всего на каменный уголь, обратил член Госсовета Российской империи, вице-губернатор Туркестана, генерал-губернатор Таврической губернии Трёпов Владимир Фёдорович. Имея личное знакомство с русским монархом и вращаясь в окружении царя, Трёпов получил от Николая II разрешение и право на монопольную разработку угольных месторождений Алтайского горного округа при условии создания акционерного общества...

Российские банки наотрез отказались финансировать проект Трёпова, после этого он нашёл инвесторов в Париже. Французские банки, крупнейшим из которых являлся «Сосьете Женераль», согласились финансировать проект Трёпова при условии получения гарантий хотя бы от одного из русских банков. В результате состоявшихся переговоров к консорциуму Трёпова примкнули «Русско-Азиатский банк» и «Санкт-Петербургский международный коммерческий банк». Председатель правления последнего Сергей Степанович Хрулёв стал сопредседателем созданного Трёповым акционерного общества «Копикуз» (Кузнецкие каменноугольные копи – франко-немецко-бельгийское акционерное общество).

Для того, чтобы убедиться в выгодности вложения денег, заграничные банкиры отправили в апреле 1912 года в Кузбасс французских горных инженеров и геологов. Сопровождавший их Трёпов, позже вспоминая об этой своей поездке, рассказывал: «...При посещении концессии в первый раз в 1912 году мне и французским инженерам пришлось пробираться верхом на лошадях, в лодках и часто пешком по еле проходимым дебрям...».

Отчёт об этой поездке и командировке был опубликован в СМИ Парижа под названием «Поездка в Алтайские (Сибирские) частные владения Его Величества Императора России» (Париж, 1912 год).

Выводы французских горных специалистов были положительными, эмоциональными и убедительными.

19.10.1912 года Трёпов и Хрулёв заключили договор между учредителями Копикуза и Кабинетом Его Императорского Величества (ЕИВ). По договору созданному акционерному обществу представлялось монопольное право (на 60 лет, до 1972 года) угледобычи на территории Алтайского горного округа (входившего на тот момент в состав Томской, Енисейской и Иркутской губерний), на площади 176 тысяч квадратных километров, это целое государство между реками Обь и Томь.

Устав акционерного общества Высочайше одобрен был 10.11.1912 года. Основной капитал Общества составил шесть миллионов рублей золотом, разделённый на 60 тысяч акций по 100 рублей каждая.

Председателем правления Общества был избран Трёпов В.Ф., в руках которого первоначально сосредоточилось 1440 акций.

В состав правления Копикуза вошли только представители российских финансовых кругов. На должность распорядительного директора и главного инженера предприятия был приглашён и назначен один из лучших и опытных горных инженеров и директоров угольных предприятий Донбасса – Федорович Иосиф Иосифович (выпускник Санкт-Петербургского горного института).

По договору между учредителями Копикуза и Кабинетом ЕИВ, учредители Копикуза обязались платить Кабинету по полкопейки за каждый пуд добытого угля.

Договор и Устав Копикуза утвердил Император Российской Империи и владелец передаваемых Копикузу территорий Николай II.

Главная контора Копикуза разместилась в Санкт-Петербурге, рабочая – в Сибири, в городе Томске.

АО «Копикуз» приступил к своей работе 04.01.1913 года.

Для начала акционерам необходимо было выйти на Транссиб и наладить связь. Поэтому свою деятельность в Кузбассе они начали с организации строительства железной дороги, которая соединила бы их производства с Транссибом. На первом этапе строительства – от станции Юрга на Транссибе до станций Кольчугинского (ныне город Ленинск-Кузнецкий) и Кемеровского угольных рудников. При этом строить свою (фактически промышленную) железную дорогу начали копикузовцы не в узкоколейном варианте, а полноценную железную дорогу, которая после ввода её в строй будет использоваться не только для промышленных целей и нужд предприятий Копикуза, но и для общих нужд осваиваемой территории (пассажирских перевозок и прочего). Поэтому эта железная дорога с самого начала своей работы приобрела и государственное значение. Для организации финансирования строительства железной дороги Трёпов и Хрулёв создали ещё одно акционерное общество – АО «Кольчугинская железная дорога», которое стало структурным подразделением Копикуза.

02.01.1913 года Николай II утвердил Устав АО «Кольчугинская железная дорога», по которому Копикузу предоставлялось право эксплуатации железной дороги сроком на 81 год (до 1994 года), после которого железная дорога бесплатно перешла бы в собственность государства. Кроме того, государство имело право выкупа этой железной дороги по истечении 25 лет со дня её открытия.

АО «Кольчугинская железная дорога» стала одной из 23 новых железнодорожных Обществ, созданных благодаря вышедшему в 1905 году закону «О мерах привлечения частных капиталов к делу железнодорожного строительства в Российской империи».

Учитывая государственное значение Кольчугинской железной дороги как меридианной ветки Транссиба, царское правительство РИ предоставило Копикузу значительные льготы...

О значении дела Копикуза говорил в то время председатель совета министров Российской империи Коковцев В.Н.: «...Преследуя свои личные интересы и цели, Трёпов во многом подготовил французские банковские круги к заключению объединённого

железнодорожного займа 1914 года, за счёт которого финансировалось строительство девяти железных дорог по всей России».

В сентябре 1915 года открылось временное товарное движение по Кольчугинской железной дороге. Официальное же её открытие состоялось 06.07.1916 года, в котором приняли участие Трёпов и члены правления Международного коммерческого банка.

После выхода 23.04.1916 года указа Императора Российской империи «Об отчуждении земли для сооружения железнодорожной линии от станции «Кольчугино» (через город Кузнецк) до Тельбеса, и от Кузнецка до станции «Баюново» Алтайской железной дороги, Копикуз продолжил дальнейшее строительство запланированных железнодорожных веток. Но в конце 1918 года оно было прекращено из-за недостатка финансирования проводимых работ. Произошедшие в стране политические события (революции) не позволили Копикузу своевременно выполнить всю намеченную программу железнодорожного строительства. Но главное он сделал – вывел Кузбасс на Транссиб и открыл путь кузбасскому углю на рынки сбыта Сибири и Урала...

Копикуз получил от Кабинета ЕИВ два маломощных (на то время) угольных рудника – «Кольчугинский» и «Кемеровский» и за короткий срок превратил их в современные крупные промышленные угледобывающие предприятия, вложив в их модернизацию 12 миллионов рублей. За короткий срок на этих рудниках были построены и введены в строй новые угольные шахты, оснащённые паровыми машинами. В 1914 году на них работали 4467 человек.

С 1913-го по 1917 годы добыча угля на предприятиях Копикуза выросла в 15 раз, главными потребителями кузбасского угля стали металлургические и другие заводы Урала, железные дороги, пароходства, паровые мельницы и другие частные и прочие предприятия российских регионов...

Второе открытие Кузбасса

К началу 20 века Кузбасс и его недра были почти не изучены. Среди 16 миллионов десятин тайги, болот и пустошей, полученных от Кабинета ЕИВ, учредителям Копикуза нужно было выявить угольные поля, пригодные для промышленной разработки, и определить места для закладки шахт. Для получения ответа на возникшие вопросы руководители Копикуза (прежде всего Федорович И.И.) решили организовать полномасштабное исследование недр Кузбасса. Для этого Федорович И.И. пригласил из Санкт-Петербурга своего бывшего учителя, основателя угольной геологии Российской империи, профессора Санкт-Петербургского горного института Леонида Ивановича Лутугина.

В мае 1914 года Лутугин Л.И. приехал в город Томск вместе со своими помощниками и сотрудниками.

Результаты уже первых исследований кузбасских недр поразили учёных и геологов, которые установили, что в Кузбассе запасы каменного угля составляют не 12,5 миллиарда тонн, а 250 миллиардов тонн. Немногим позднее исследователи подняли свою планку залежей каменного угля до 400 миллиардов тонн.

Немногим позднее один из исследователей письменно сообщал: «...Уже через год нашей работы нам стало ясно, что мы исследуем не захудалый второстепенный угольный бассейн, а одно из крупнейших в мире месторождений каменного угля». При этом геологи обнаружили, что главные запасы бассейна сосредоточены в южной части Кузбасса. Поэтому Копикуз решил перенести основную угледобычу в Южный Кузбасс. Летом 1915 года Л.И. Лутугин умер. Но начатое им дело не было остановлено, его продолжали его ученики и помощники до окончания 1917 года.

На втором этапе промышленной деятельности Копикуза в Кузбассе, кроме разработок и добычи каменного угля, ключевое место начала занимать идея разработки и постройки на юге Кузбасса первого в Сибири современного и крупного металлургического завода.

Для разработки проекта завода и последующей его постройки Федорович И.И. пригласил из Донбасса известного русского металлурга-самоучку, основателя школы русских доменщиков Михаила Константиновича Курако.

В 1917 году Михаил Константинович Курако прибыл вначале в Томск, затем перебрался в Кузбасс (вместе с несколькими своими помощниками) в городок Гурьевск. В Гурьевске простаивал в нерабочем состоянии Гурьевский железоделательный завод.

На его базе Курако, наряду с проектированием «сибирского металлургического гиганта», по образцу американского металлургического комбината компании «Юнайтед Стейтс Стил», занялся восстановлением и пуском в работу Гурьевского железоделательного завода.

Русские революции 1917 года круто изменили и производственные планы Копикуза, соответственно, и куракинцев, которые во время гражданской войны находились в Гурьевске.

С установлением в Сибири Советской власти М.К. Курако начал активно сотрудничать с губернскими органами Советской власти, «проталкивая» идею строительства планировавшегося когда-то Копикузом металлургического гиганта на юге Кузбасса (ныне посёлок Шушталеп), использующего в качестве сырья местную железную руду и местный же кузбасский каменный уголь. Переехал на жительство в город Кузнецк... Но вскоре заболел сыпным тифом и умер 08.02.1920 года... После чего, на какое-то время, о предложениях и идеях М.К. Курако как бы и призабыли, поскольку главной задачей в Кузбассе в то время, как и во всей стране, было восстановление разрушенных войной прежних промышленных предприятий.

Кузнецкстрой

В декабре 1920 года был разработан ПЛАН электрификации страны и её промышленности и утверждён на расширенном заседании Комиссии ГОЭЛРО.

ПЛАН представлял собой единую программу возрождения и развития страны и её конкретных отраслей, прежде всего, тяжёлой индустрии. Было принято решение о создании в Сибири второй мощной угольно-металлургической базы, сырьём которой должны были стать кузбасская железная руда и кузбасский коксующийся уголь.

Осенью 1927 года начался организационный процесс по подбору и подготовке рабочих кадров, которым предстояло начать строительство нового крупнейшего металлургического завода.

В 1929 году директором строительства был назначен С.М. Франкфурт, главным инженером строительства – И.П. Бардин.

В том же 1929 году, недалеко от города Кузнецка, в новом посёлке с названием «Сад-город» началось строительство Кузнецкого металлургического завода, немногим позднее переименованного в Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) имени И.В. Сталина.

Конечным производственным продуктом которого должны были стать железнодорожные рельсы с фурнитурой их крепежа при укладке в железнодорожные пути.

Проект запланированного металлургического завода со всей проектной документацией был куплен Советским правительством у американской проектной фирмы «Фрейн».

Во время начала строительства КМК температура наружного воздуха на строительной площадке опускалась ниже отметки минус тридцать градусов, отчего на строительной площадке днём и ночью постоянно горели костры, отогревавшие промёрзшую землю. Со второй половины 1930 года на строящийся завод начало прибывать оборудование, закупленное за границей, которое устанавливали на фундаменты под открытым небом. К началу 1930 года на заводской стройплощадке КМК работали 46827 человек.

01.05.1930 года в праздничной обстановке был заложен фундамент первой доменной печи КМК.

К началу 1931 года были построены и введены в строй литейный, металлообрабатывающий и огнеупорный цехи. Готовились к сдаче котельная, механический и кузнечный цехи. В феврале 1931 года началось строительство первого прокатного цеха завода (блюминга), приступили к строительству и всех остальных запланированных цехов.

07.03.1931 года закончились бетонные работы в машинном зале ГРЭС, после этого, под открытым небом, начался монтаж оборудования машинного зала ГРЭС. И лишь только после этого приступили к строительству главного корпуса ГРЭС и перекрытию его кровли.

В апреле 1931 года был сдан в эксплуатацию механический цех.

Кроме закупленного и поставленного оборудования из-за границы в изготовлении оборудования для КМК участвовали более 120 заводов Москвы, Ленинграда, Украины и других регионов великого СССР.

Расчёт руководства строителей КМК был таков: к концу 1931 года получить всё необходимое оборудование будущего завода, а с началом следующего, 1932 года, начать массовый его монтаж во всех цехах, который перейдёт и в пуск завода.

07.10.1931 года, так же, под открытым небом, начался монтаж оборудования рельсобалочного цеха КМК.

01.04.1932 года – первая кузнецкая домна была запущена в работу, 03.04.1932 года – получен первый чугун первой кузнецкой домны...

19.08.1932 года были получены первые тонны кузнецкой стали, сваренной в мартене № 1.

21.10.1932 года – был пущен на холостой ход блюминг и 30 минут проработал на холостом ходу, 05.11.1932 года блюминг КМК прокатал свой первый блюмс.

В первом квартале 1932 года строители КМК сдали в эксплуатацию котельный цех.

К концу 1932 года КМК вступил в предпусковое состояние.

Пусковой период растянулся на восемь месяцев из-за того, что сдаваемые в эксплуатацию цеха были укомплектованы к этому времени всего лишь на 59 процентов от необходимой численности работников. К тому же не хватало ещё некоторых запасных и комплектующих частей и изделий поступившего на завод оборудования.

30.12.1932 года КМК выпустил первую партию своей продукции – железнодорожные рельсы.

Во вторую пятилетку КМК вступил с полным циклом металлургического производства.

Источники:
- Верхотуров Д.Н. Интернет. «Вики чтение»: «Сталин против великой депрессии. Антикризисная политика СССР»;
- Анатолий Гуляев. «Из истории Сибири и Кузнецкого края», Кузбасс: Новокузнецк, Прокопьевск-2021, С. 192-209.
Набор текста и подготовка его к печати выполнены Гуляевым А.Н. 28.12.2024 года.

Флаги на столбах

Захотелось мне рассказать о своём соседе Григории Дулебове, не так давно умершем. О чём я, к великому стыду, случайно узнал от его жены Полины. Но так уж живут нынче соседи, даже в сельской местности – мало чего знают друг о друге.

Так вот, при жизни Григорий имел некоторые странности, он громко, на всю округу, матерно ругался и на окружающих людей, и на членов своего семейства, особенно на детей, которых было у него трое: два пацана (старший и младший) и дочка. Возможно, дети заслуживали отцовой ругани, особенно пацаны, поскольку росли непутёвыми. Я пытался его урезонить и говорил: «Гриша, нельзя так ругаться, у тебя же дети растут». Но всё было бесполезно.

Незаметно для чужих глаз, как всегда бывает, соседские дети подрастали. Старший Вовка со временем остепенился: рабочую специальность приобрёл, женился и ушёл из родительского дома. Младший Генка настоящим бандитом стал, с малолетства «пошёл» по скользкой тропе – по тюрьмам.

Как-то жизнь свела меня с женщиной, майором милиции, следователем. Ну, и возьми, да и расскажи я ей о соседских пацанах.

– Да знаю я их, – ответила мне майорша, – волчата они, а из волчат, как известно, волки вырастают.

В общем, с годами сыновей в доме соседа не стало. Осталась с ними дочка Галя. Она росла крепкой, здоровой и, как мне казалось, хорошей девочкой. О чём я ей всегда говорил, когда она приходила: то денег взять взаймы, то ещё за чем-нибудь.

Глава семейства Григорий, насколько я был осведомлён, в молодые годы работал электрослесарем в шахте, позднее перешёл в электромонтёры электросетей. Приходилось ему лазить по деревянным столбам местных воздушных электролиний – свет налаживать в частные дома. Много пришлось ему поподниматься по новым деревянным столбам, установленным по Усятам лет десять тому назад.

Позднее городская электросеть заменила деревянные опоры воздушных электролиний на бетонные, а деревянные столбы остались стоять на прежних местах без дела. Лишены были проводов и два высоких деревянных столба на бетонных пасынках около дома Дулебовых.

Через некоторое время Гриша, сделав соответствующее крепёжное приспособление, имея в личном имуществе монтёрские «когти», начал вывешивать на своих столбах красные флаги. Хотя я никогда не замечал за ним каких-то предрасположенностей или любви к каким-то коммунистическим идеалам или коммунистической идеологии.

Со временем флаги приходили в негодность, истрёпывались ветром, тогда Гриша менял их на новые. Собственно говоря, по этой причине я и узнал о кончине моего соседа: встретив както на улице его жену, спросил, почему Гриша не меняет на столбах истрепавшиеся флаги?

– Так он же умер, – потупившись, сообщила мне Полина, добавив, – а Гальку-то мою посадили по оговору. Одна теперь я осталась.

– Ну, надо же?! А я всё нахваливал Галю, любовался ею, – искренне удивился я уже этой новости.

Ещё какое-то время спустя, опять же неожиданно для себя, увидел на Гришиных столбах новые развевающиеся флаги. Но на этот раз не красные: на одном столбе гордо реял новенький российский триколор, на втором – чёрный, вагнеровский флаг! Что вновь заинтересовало меня, о чём я и спросил свою соседку при очередной встрече.

– Так Генка мой из заключения добровольцем на СВО ушёл! Ранили его там, семь осколков врачи вынули из него в госпитале, домой приехал на излечение. Вот и продолжил отцову затею, – весело ответила она мне.

Через какое-то время вновь поистрепались ветром и Генкины флаги, что вновь заинтересовало меня, оттого вновь спросил, правда, теперь не Генкину мать, а другого своего соседа, Ивана.

– Так Генка, подлечившись, вновь на войну ушёл и брата старшего увёз с собой, – ответил мне сосед.

Историю эту рассказал я восторженным тоном своему хорошему знакомому, образованному и начитанному мужчине, работавшему в одном из учреждений культуры, и добавил: «Возможно, и нам с тобой, не глядя на наши годы и болезни, надо будет в строй встать!».

– Я не пойду на войну и сына своего не пущу! – тут же однозначно и не очень учтиво ответил мой собеседник, словно давно уже носил в себе этот ответ.

– Как это так, посадят ведь! – удивлённо сказал я.

– Ну и пусть посадят! А воевать мы не пойдём! Мой отец воевал на фронтах Великой Отечественной войны, а дед, дезертировав из колчаковской армии, какое-то время прятался от тогдашних властей. И ничего! Жизнь свою прожил уважаемым человеком! Времена меняются, меняются и их оценки! Так что, неизвестно ещё, что мы будем считать плохим делом лет через двадцать, а что хорошим? – завершая наш разговор, ответил знакомый и вежливо откланялся.

«Ну и чудеса свершаются в нашей жизни, – подумал я, – «блатняк» добровольно уходит на войну, а «хорошие» дома сидят. На Великую Отечественную войну уходили добровольцами лучшие из лучших. О Зое Космодемьянской рассказывали нам учителя в далёком пионерском детстве. Теперь, выходит, лучшими становятся Генка Дулебов и его брат, очистившиеся в горниле войны от скверны, приобретённой ими в детстве, когда они были волчатами. «Вероятно уйдёт на войну добровольцем и их сестра, Галя, – подумалось мне. – Поэтому, наверное, я всё ещё чего-то недопонимаю».

Мусульмане не обманывают

По-разному можно оценивать нынешние времена. С одной стороны, многое пришло в упадок: образование, медицина, много предприятий позакрывали, отчего люди от безделья дурью маются. А с другой стороны, вроде бы, что-то и лучше стало: проще стало делать что-то в своём доме, крышу перекрыть, подремонтировать его, много стало частных всё знающих и умеющих мелких предприятий и фирмочек, которые за определённую договорную денежную плату могут сделать всё, что угодно, хоть кому, плати только им. Да и в магазинах хозяйственных теперь можно купить всё, что нужно в любом доме и в любом частном хозяйстве, что было затруднительным в недавнем советском прошлом.

В общем, таким образом в последние несколько лет поменял я кровлю на частном доме, доставшемся мне в наследство; обшил его ну и сделал ещё кое -что. Таким же образом решил я поменять и ограду, отгораживающую мой огород от идущей улицы. Нашёл в рекламной городской газете подрядчика и позвонил ему. И, как быстро понял, непросто найти в начале лета исполнителя дела, задуманного мной, хотя их и много.

Тем не менее, нашёл-таки человека, согласившегося выполнить мой заказ, который приехал ко мне на своей машине в тот же день, вечерком. На первый взгляд – не русский мужчина, лет сорока от роду, с бородкой, как модно теперь у всех нерусских.

– Рашид! – представился мне новый знакомый, протянув для рукопожатия свою руку.

– Таджик? – спросил я его, поскольку у меня был один знакомый таджик с таким же именем.

– Нет, я местный – татарин, а имя моё распространённое, бывает и у таджиков, – ответил он мне торопливо, сразу же перейдя к делу. – Сейчас я замерю и запишу себе длину будущей вашей ограды. Дома просчитаю, завтра сообщу вам, сколько будет стоить потребный материал и наша работа. Оплату производите – сразу, за заказываемый материал, а за работу – после установки ограды.

Выполнив замеры, Рашид уехал. На следующий день сообщил мне по телефону, что и сколько будет стоить. В общем, деньги, по пенсионерским меркам, немалые. Но такая сумма денег у меня была прикоплена, оттого я сразу же согласился на заказ.

В тот же день, опять же к вечеру, Рашид вновь приехал ко мне и, пересчитав переданные мной ему деньги на заказ потребных материалов, положил их в свою сумочку и уехал.

После отъезда подрядчика во мне появились какие-то сомнения: а правильно ли я поступил, передав безо всяких приличную сумму денег совершенно незнакомому мне человеку? А не обманет ли он меня в то время, когда везде и всюду только и идут разговоры о всевозможных мошенниках и всевозможных мошенничествах? Думай не думай, сомневайся не сомневайся, а паровоз, как говорится, ушёл!

Проходит месяц, проходит два – ни заказанных материалов, ни Рашида я не вижу. Переживаю, конечно, продолжая ругать себя последними словами. И вот, однажды, не выдержав дальше развивающуюся неизвестность и молчание моего подрядчика, звоню ему по телефону. Спросил о причине такой длительной задержки исполнения моего заказа. И, как мне показалось, он некоторое время не мог вспомнить обо мне и моём заказе, но всё же вспомнил!

– Да не волнуйся ты, отец! Я – мусульманин, а мусульмане не обманывают! Выполню я твой заказ как положено, заказов много, придёт и ваша очередь!

– Ну, ладно, – подумал я, – успокоил, что мусульмане не обманывают!

Ещё через какое-то время заказанные и оплаченные мной материалы действительно привезли ко мне домой. На душе стало ещё легче, что теперь и строительные материалы дома.

И ещё через какое-то время, осенью уже, но ещё в тёплое время, привёз Рашид ко мне работников. За три дня всю свою работу они сделали в моём огороде: старый деревянный заборчик убрали; новый металлический забор установили.

Установили качественно и хорошо.

В бригаде рабочих Рашида работал и его родной брат – Шамиль, год или два года тому назад делавший в моём доме отопление, поэтому, как бы уже и старый мой знакомый...

В процессе выполнения работ в моём огороде Рашид регулярно совершал свои вероисповедальные обряды: по-своему молился, опустившись на колени.

– А почему твой брат не молится? – спросил однажды я Рашида.

– А он дурак! С детства был таким, и водку пьёт! – ответил он мне.

Исторические вехи Новокузнецкого международного аэропорта имени Бориса Волынова

25 февраля 2025 года в истории Новокузнецкого авиационного предприятия началась очередная его историческая веха – открылось новое здание аэропортового комплекса.

Принято считать, что рождение Новокузнецкого авиапредприятия произошло в далёком 1934 году, когда в городе металлургов Сталинске был открыт аэроклуб «Осовиахима» СССР, учебный корпус которого размещался в бывшем здании столовой для иностранцев на Верхней Колонии. Поэтому в прошлом, 2024 году, Новокузнецкому авиапредприятию исполнилось 90 лет!

Вначале в аэроклубе были организованы группы парашютистов и планеристов. Одну парашютную вышку построили на городском стадионе «Металлург», вторую – на станции «Водная», на берегу реки Кондома, левого притока Томи.

Позднее при аэроклубе были организованы курсы пилотов самолётов У-2 (По-2), и большинство курсантов парашютистов и планеристов перешли на курсы пилотов.

Местом базирования аэроклубовских самолётов У-2 было выбрано ровное поле недалеко от села Ильинское, расположенное в 25 километрах от города Сталинска.

До Великой Отечественной войны в Сталинске не было подразделений Гражданского Воздушного Флота (ГВФ). В военное же время, в связи с интенсивным ростом количества промышленных предприятий города, появилась необходимость создания в городе и лётных подразделений гражданской авиации.

В марте 1945 года для обслуживания предприятий лесоперерабатывающей промышленности Южного Кузбасса в Сталинск был перебазирован один самолёт По-2 из Новосибирского 33-го отряда ГВФ. Местом базирования этого самолёта определили ровную площадку в районе посёлка Абагур (в междуречье Томи и Кондомы). В тот же год обзавелись своими самолётами По-2 и Пр-5 строительный трест «Сталинск-Промстрой» и разросшийся Кузнецкий металлургический комбинат. Местом базирования этих самолётов был определён аэродром бывшего аэроклуба в районе села Ильинское.

В 1948 году КМК построил взлётно-посадочную полосу и создал «Аэропорт КМК» на берегу Томи, в районе деревни Телеуты, где было расквартировано звено вновь образованного 258-го Кемеровского авиационного отряда спецназначения, выделенного из 33-го Новосибирского отряда ГВФ.

Таким образом, к началу 1950 года в районе теперешнего города Новокузнецка работало три независимых друг от друга авиационных подразделения, базирующихся на трёх разных аэродромах и подчиняющихся разным ведомствам.

17 августа 1952 года было создано единое авиационное предприятие города Новокузнецка, подчинённое Западно-Сибирскому управлению ГВФ, получившее название «7-я аэроэкспедиция ЗСУ ГВФ», местом базирования которой был определён аэродром в районе посёлка Абагур.

На смену самолётам По-2 в январе 1953 года авиапредприятие получило самолёт Ан-2.

В марте 1954 года на базе «7-й аэроэкспедиции ЗСУ ГВФ» был организован «184-й авиаотряд ГВФ».

К 1967 году авиапредприятие эксплуатировало самолёты Ан-2 и Як-12, вертолёты Ка-15, Ми-1 и Ми-4. Открылись пассажирские авиарейсы в города Новосибирск, Кемерово, Томск и в другие населённые пункты юга Сибири.

В 1968 году были введены в строй новая взлётно-посадочная полоса и новый аэропортовый комплекс Новокузнецка в районе посёлка Спиченково. С этого года и по 1985 год авиапредприятие выполняло воздушные перевозки на самолётах Ил-14, Ан-24, Ил-18 и на вертолётах Ми-2, Ми-4, Ми-8. Жители юга Кузбасса получили возможность летать в Москву, на Дальний Восток, Черноморское побережье Кавказа и в Крым на самолётах Ил-18.

В 1985 году на базе аэропортового комплекса Новокузнецка было завершено строительство новой взлётно-посадочной полосы длиной 2680 метров, с которой начались регулярные полёты самолётов Ту-154.

Космонавт Борис Волынов на открытии памятника

В 1991 году было начато строительство нового здания аэровокзала Новокузнецка, котельной, двух ангаров, аварийно-спасательной станции.

К 1993 году в Новокузнецком авиапредприятии насчитывалось 9 самолётов Ту-154, 6 самолётов Ан-24, 5 самолётов Ан-26, 10 вертолётов Ми-8 и 10 вертолётов Ми-2.

5 апреля 2012 года аэропорту города Новокузнецка был присвоен статус международного аэропорта. А 15 декабря из Новокузнецкого аэропорта был выполнен первый международный рейс в Бангкок, немногим позднее начали выполняться регулярные рейсы в Турцию, Тайланд и Вьетнам.

В конце 2018 года Новокузнецкому аэропорту было присвоено именное название – «Аэропорт имени дважды Героя Советского Союза лётчика-космонавта СССР Б.В. Волынова».

20 августа 2021 года перед зданием аэропорта, в торжественной обстановке, был открыт памятный бюст дважды Герою Советского Союза лётчику-космонавту СССР Б.В. Волынову, присутствовал на этом торжественном мероприятии и Борис Валентинович.

Поздней осенью 2022 года начались строительные работы по возведению здания нового аэропорта города Новокузнецка.

Труд работников Новокузнецкого авиапредприятия высоко оценен государством. В 2002 году за решение задач, стоящих перед транспортным комплексом РФ, коллектив Новокузнецкого авиапредприятия награждён Почётной грамотой Государственной службы гражданской авиации Министерства транспорта РФ.

В 2002 году – за решение задач, стоящих перед транспортным комплексом РФ, коллектив Новокузнецкого авиапредприятия награждён Почётной гра-

мотой Государственной службы гражданской авиации Министерства транспорта РФ.

В 2006-м, 2007-м, 2012 годах за добросовестный труд, большой вклад в развитие гражданской авиации Кузбасса коллектив Новокузнецкого авиапредприятия был награждён Почётной грамотой администрации Кемеровской области.

В 2007 году за достигнутые трудовые успехи в обеспечении авиационных перевозок в Кемеровской области и в связи с 55-летием образования Кемеровской области Новокузнецкое авиапредприятие награждено Почётным дипломом Министерства транспорта РФ.

В 2009 году Новокузнецкое авиапредприятие было награждено Почётной грамотой руководителя Федерального агентства воздушного транспорта РФ (Росавиации) за большой вклад в решение задач, стоящих перед Росавиацией.

Руководителем Новокузнецкого международного аэропорта имени Б.В. Волынова и куратором строительства нового аэропортового комплекса с начала

его строительства является Ермаков Кирилл Юрьевич, депутат Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса.

Авиационно-техническая база (АТБ)

АТБ является структурным подразделением Новокузнецкого международного аэропорта, её функциональной обязанностью является выполнение наземного технического обслуживания авиационной техники авиапредприятия и прилетающей на аэродром авиационной техники, готовящейся к выполнению полётных заданий, выполнение межремонтных регламентных работ и мелкого ремонта на авиационной технике, её авиационном и радиоэлектронном оборудовании.

Руководителем АТБ Новокузнецкого авиапредприятия, её техническим директором является Тищенко Андрей Дмитриевич.

Особое место в деятельности Новокузнецкого авиапредприятия на протяжении всей его истории занимала и занимает эксплуатация вертолётов Ми-1, Ка-15, Ми-2, Ми-4 и Ми-8. Очень много работ выполнялось на этих вертолётах лётным и инженерно-техническим составом Новокузнецкого авиапредприятия в северных регионах нашей страны – в Сургуте, Нижневартовске, Новоаганске, Мегионе, Нефтеюганске, Туруханске, Богучанах и в других местах, когда велось освоение нефтяных месторождений Тюменской и Томской областей, в Красноярском крае.

В начале августа 2008 года в полёте произошёл отказ левого двигателя на вертолёте Ми-8 № 24625. Лётчик, командир воздушного судна Ничипорович А.Т., произвёл аварийную, вынужденную посадку вертолёта в горной местности, на каменную косу горного ручья Казыр.

В течение одной недели на месте вынужденной посадки вертолёта специалистами АТБ авиапредприятия, прежде всего вертолётного цеха, была произведена замена отказавшего авиационного двигателя на исправный. При этом подъёмно-такелажные работы при снятии отказавшего авиадвигателя с вертолёта и установке исправного выполнялись вручную, с помощью капронового фала и обычного шкивного блока.

После установки исправного авиационного двигателя вертолёт без проблем перелетел с места вынужденной посадки на базовый аэродром. Всеми работами по замене авиационного двигателя на вертолёте в полевых условиях руководили начальник вертолётного цеха (участка) авиапредприятия Комаров Е. Ю. и начальник смены вертолётного цеха Поляков С. А.

Комаров Евгений Юрьевич – коренной новокузнечанин. Родился 6 ноября 1968 года. В 1992 году он окончил авиационный факультет Новосибирского электротехнического института (НЭТИ), после окончания учёбы в институте вернулся в родной Новокузнецк. Свою трудовую деятельность в Новокузнецком аэропорту начал с должности авиационного техника. Ныне он ведущий инженер предприятия по вертолётам, начальник вертолётного цеха (участка) и председатель профсоюзной организации предприятия.

Поляков Сергей Александрович родился 14 декаюря 1957 года в семье целинников казахстанских степей, позднее переехавших на жительство в Ленинградскую область. После окончания средней школы Сергей Александрович поступил учиться в Выборгское авиационно-техническое училище ГВФ. После окончания учёбы в 1978

году по распределению был направлен в Новокузнецкий аэропорт на техническое обслуживание вертолётов. В аэропорту прошла вся его трудовая жизнь. Он начинал с обслуживания вертолёта Ми-2. Ныне он является начальником смены вертолётного цеха и одним из ведущих специалистов предприятия по вертолётам, переучился и имеет допуск на техническую эксплуатацию импортных вертолётов.

Сергей Александрович Поляков имеет допуск к работе и на самолётах Ту-154, несколько раз бывал в длительных командировках на этих самолётах в Иране.

Шарапов Валерий Александрович – старший техник-бригадир по авиационному и радиоэлектронному оборудованию (АиРЭО) вертолётного цеха АТБ.

Родился Валерий Александрович 29 ноября 1942 года в Новосибирске в семье служащего (его отец работал начальником цеха на Новосибирской кожевенной шорно-седельной фабрике). С детства Валерий увлекался радиотехникой, от детекторных радиоприёмников до телевизоров – всё было доступно и подвластно его рукам и голове.

Учась в общеобразовательной школе, не задумывался, куда пойдёт учиться дальше. Знал одно: по радиотехнической специальности!

Об авиации не мечтал и не грезил, добрые люди подсказали, что авиационные училища гражданской авиации готовят специалистов по радиотехнике.

– О, это моё, это то, что мне надо! – сразу же решил он и подал документы в Новосибирский учебно-тренировочный отряд (УТО), занимавшийся и приёмом экзаменов от абитуриентов, поступающих на учёбу в авиационные училища гражданской авиации.

В школе Валерий Александрович учился хорошо, поэтому и вступительные экзамены сдал на хорошие оценки. Отчего ему вначале предложили поступать учиться на лётное отделение (на лётчика), но Валерий Александрович отказался от предложенного: «Нет, я только по радиоделу!». – По радиоделу, так по радиоделу, – недоумённо ответил ему председатель приёмной комиссии. – В Омск поедешь? Там новое училище открылось, которое будет готовить специалистов и по радиотехническим специальностям, ОЛТУГА называется, Омское лётно-техническое училище гражданской авиации.

В первом наборе этого учебного заведения и начал учиться курсант Шарапов. ОЛТУГу окончил в 1964 году, производственную практику проходил в Новосибирске, в аэропорту «Толмачёво», думал, что туда же получит и распределение. Но судьба распорядилась иначе – направили в Новокузнецкое авиапредприятие, где он прошёл, как сам говорит, все стадии своего развития.

Начал работать в 1964 году авиатехником по обслуживанию радиоэлектронного оборудования самолётов Ан-2 и Як-12, вертолётов Ми-12 и Ми-4 в аэропорту посёлка Абагур.

Зимой 1965 года авиапредприятие перебазировалось в район посёлка Бунгур, а ещё через три года на нынешнее его местоположение. Таким образом, по трудовой биографии Валерия Александровича Шарапова можно сверять и исторические вехи Новокузнецкого аэропорта. Сегодня он легенда нашего предприятия – самый главный и бесспорный ветеран, со стажем работы 61 год, при этом до сих пор работающий и выполняющий свои функциональные обязанности наравне со всеми остальными.

За годы своей работы в Новокузнецком аэропорту Валерий Александрович Шарапов побывал почти на всех вертолётных точках севера Сибири.

В 1967 году Шарапов В.А. откомандировывался в Республику Лаос, где проработал два года, из Лаоса несколько раз летал в командировки во Вьетнам.

В материале использованы фотографии А.Г. Шаниязова.

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказок добра и поучительна. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой Отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг – «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

Вдали от центров цивилизации

Чудики из Чудинова

Жила-была в советское время небольшая деревенька Чудиново. Её два с половиной края с двумя десятками улиц лежали на двух холмах и в одной ложбине, рядом с низинным болотом. Не сказать, что деревенька была далеко от всех центров цивилизации, но и не близко. От крайних домов до автобусной остановки надо было идти минут двадцать сквозь заросли кустарников, тополей и клёнов, которые зелёной стеной наступали на человечьи тропы. Прохожие считали своим долгом наломать пучок веток и отбросить его подальше от тропинки. А деревья, в отместку, отращивали всё новые и новые ветки, цепляясь ими за объёмистые сумки и рюкзаки чудиновцев и обрывая колготки у зазевавшихся девчат.

Так они и сосуществовали: дикие заросли оставляли достаточную тропинку для людей, а те, в свою очередь, не вырубали и не уничтожали под корень своих зелёных истязателей. Обе стороны ворчали, слегка пакостили друг другу, случалось, защищали друг друга. Налицо обычные семейные отношения детей природы, которые и порознь жить не могут, но и вместе – тошно.

Чудиново населяли разные люди: толстые, как Тонька Мелечиха, тощие, как Тонькина собака Шарик, жутко умные, как Елька Иванова, и бестолковые, как Таська Немытка.

В деревне была своя достопримечательность – настоящая колдунья. Правда, никто не помнил, чтобы она на кого-нибудь порчу наводила или кого-нибудь вылечила, но всё равно её побаивались и не перечили ей.

Центральным объектом Чудиновского поселения, безусловно, был магазин, где продавали хлеб и водку, да и то не каждый день. Зена-продавщица, дородная бабень, с которой лучше не связываться, считала, что народ баловать «низзя!», а то неизвестно, чего людям ещё захочется.

– Можа, вам ещё апанасов из Африки выписать? – рыкала Зенка в лицо смельчака, отважившегося спросить чего-нибудь вкусненького, например, печенья или карамелек.

Зная крутой Зенкин нрав, жители сами приносили, привозили и приволакивали всё необходимое из города. Потому-то даже безобидный поход в городской кинотеатр становился важным событием. Чудиновские граждане с вечера заготавливали мешки и мешочки, сумки и кошёлки, составляли списки всего необходимого. Спорили до хрипоты, когда пойти на рынок за покупками: до или после посещения кинотеатра, что важнее прикупить, американские окорочка к тому обеду, когда кума Тонька в гости не сможет прийти, или три бутылки пива для зятя, чтобы он рыбки принёс на ушицу. Вес покупки имел немаловажное значение для безлошадных и бесколёсных селян.

Именно такой спор и разразился в семье Павла Лузгинкина в очередную субботу, аккурат накануне несправедливо забытого Первомая.

Спор ни спор, а крик был. Весь расейский край слышал. Агрипина Лузгинкина, для своих просто Гутя, голосила на дурнинушку. Народ, копающийся в огородах, без труда мог слышать, как стонут половицы в избе Лузгинкиных под гнётом бегающей из угла в угол стопудовой хозяйки, ну а что она думает о муже, знали даже в соседнем селе.

Гутя требовала, чтобы в городе они быстро все припасы купили на вокзальном рынке и на первом же автобусе вернулись обратно. У Паши были свои виды на прогулку в человейник (так он называл город за схожесть хаотичного движения людей и машин с муравьями). Вроде все бегут в разные стороны, а дело делается.

Паша вышел на улицу, уселся на высокое крылечко и закурил. Он флегматично слушал очередной ор жены, подсчитывая в уме заначку, размышляя, на что её можно потратить и с удовольствием пускал струйки табачного дыма в полосатого кота. Тот не реагировал.

Гутя слегка поутихла, выскочила на крыльцо.

– Где-то была у нас сумочка, что Ольке Шуриной покупали в прошлом годе, когда она на свою лимпиаду ездила.

– Сумочка... – беззлобно проговорил Паша, – скажи уж, сумища. Ты ещё мешок возьми, но таскать его будешь сама.

Жена спустилась на пару ступенек и тоже присела на крыльцо. Доски жалобно заплакали, они были готовы подломиться под тяжестью Гутиного тазобедренного объёма. Спасали подпорки, которые хозяин предусмотрительно установил ещё при строительстве дома, соизмеряя толщину досок и растущий вес своей любезной половины.

– Вот я тут записала, что купить.

Гутя развернула бумажку и начала читать длиннющий список.

– Крючки для зятя забыла, – ткнул крючковатым пальцем в бумажку Павел, – и пиво. Игорёк звал на сушёную рыбу.

– Обойдётесь, – взвизгнула жена, собираясь повторить концерт без заявок.

Лузгинкин бросил окурок в ведро с золой, протёр руки о брючины, затем легко взбросил иссохшее длинное тело.

– Тогда одна и поезжай, – сказал мужик и медленно пошёл во двор. Пришла пора поить животину.

Зять у Лузгинкиных был камнем преткновения: тёща не любила его за бесшабашность и любовь к рыбалке. Тем более, что ловил Игорёк рыбу в чудиновском пруду, где водилась одна мелочь. Взяться крупной было неоткуда. Странно, что эта-то попадалась.

Игорёк Буренин тоже был чудиновской достопримечательностью. Такой тщедушный мужичок с плутинкой в глазах и золотыми руками деревенского умельца. Трудяга на рабочем месте, он не признавал дел домашних. И при первой же возможности сбегал от Александры, жены своей, на тот самый пруд, где крупная рыба не водилась. Только Шура отвернётся, а мужика уж и след простыл. Был – и нету.

– Ах, поганец, – кричит на всю деревню разъярённая баба, – вот уж я тебя там достану. Утоплю в пруду! Так и знай!

Игорёк и в ус не дует, знай, разматывает удочки, пристраиваясь рядом с деревенской малышней.

– Да, да... достань-ка меня, – ухмыляется он, подмигивая белобрысому пацану, – сюда только мы с Олегом и можем пройти...

Игорёк, смеясь, оглядывается на горы мусора, заросли ивняка за спиной. Он знает, что жене проще поделать всю домашний работу самой, чем лезть через завалы дерева и железа.

Вся деревня слышала, как Пашина дочь, поминая Игорьковых родственников до седьмого колена, ворочает кадки и стучит топором. К вечеру она так уставала, что у неё хватало сил только дойти до дивана. Засыпая, Шура иногда успевала увидеть название фильма на экране телевизора. Тут подоспевал Игорёк, быстренько раздёргивал покрывала на кровати, тормошил потихоньку жену и ласковым голосом говорил:

– Устала мамка наша, устала. Ну, давай, иди на кровать, а кино я тебе завтра расскажу.

Уже накрытая одеялом Шура растроганно шептала:

– Что бы я без тебя делала? Ты такой заботливый... иди, поешь... там на столе...

Она проваливалась в сон без сновидений. А Игорёк шёл на кухню, по дороге отвешивая подзатыльники не в меру расшалившимся ребятишкам.

– Я вам, – грозился он, – мать жалеть надо. У неё был трудный день. Мы-то можем завтра выспаться, а ей рано вставать.

Был у Игорька ещё один талант: мог он собрать из ничего «механизм».

Народ диву давался, а бывший совхозный механик, а ныне фермер Иван Матвеевич, хватался за сердце, глядя на то, как работает Пашин зять.

– Так, – восклицал Игорёк, раскрывая гараж, – сейчас мы ходячее корыто сделаем, чтобы мамке не таскать тяже-

сти на горбу. Давай-ка поворожим.

Он действительно брал железное корыто и начинал «ворожить». Он разглядывал различные детали, какие-то возвращал на полки, другие спускал вниз на землю. При этом приговаривал:

– Что тут у нас? Штуковина... Её мы поставим сюда...

И он прилаживал штуковину.

– Ыгы, а это ещё что такое?– рассматривал мужик очередную деталь.

– Куда же тебя деть? Ну ладно, полежи, я подумаю.

И он откладывал железку в сторону. Матвеевич стонал от ярости и бессилья:

– Штуковина... Да это же карбюратор. Сколько тебе повторять? Зачем ты тросик сюда толкаешь?

Игорёк как ни в чем не бывало продолжал прилаживать штуковины к хреновинам, закручивать болты и приговаривать:

– Матвеич, ты не переживай так сильно, я всё равно эту твою терминомудрию не запомню, а механизм поедет, куда он денется.

Игорёк приделывал, приваривал детали, шлифовал, полировал облицовку. Затем отдавал механизм своим ребятишкам со словами: «Красьте, чтобы было ярко и красиво, чтобы мамке не стыдно было за нашу работу». Семейство наводило блеск на очередном ходячем корыте. Когда работа бывала окончена, посмотреть на механизм сбегалась вся округа. Изобретатель под яростные причитания Матвеича делал контрольную проверку движку, довольный, вытирал руки промасленной тряпкой и заводил механизм.

Механизм ревел и гудел, выбрасывал клубы удушливого дыма. Угрожающе гремело корыто. А чудиновский Кулибин счастливо улыбался.

– Ну что, дядя Иван, давай прокачу тебя с ветерком. Зря не хочешь, такой механизм получился.

Они едут по деревне, пугая рёвом мотора кур и ребятишек.

Словом, живут в деревне Чудиново самые обычные люди со своими горестями и радостями.

Ценный добытчик Игорёк

Как-то затеялось Александре Бурениной побелку устроить. Долго отговаривал от этого Игорёк жену. Говорил, что и не вовремя, и недосуг заниматься ерундой. Но бесполезно.

На помощь дочери прибыла вторая мать, а в простонародье – тёща. По всему краю славилась она умением убеждать с помощью лужёной глотки. Мало кто из местных мог коренастую, осадистую Гутю Лузгинкину переговорить, переубедить. Павел, её муж, и сам не пытался, и другим советовал беречь барабанные перепонки.

Короче, Шура с матерью быстро убедили Игорька в том, что от побелки открутиться ему не удастся. Вторая мать так яростно наступала и так пронзительно кричала, а Шурка таким монументом стояла в дверях, что ничего не оставалось, как тряхнуть головой в знак согласия и послушно лечь спать пораньше.

– Такие две горы наступали, – оправдывал своё согласие мужичок, – мне бы росту поболе, неизвестно, кто победил бы.

Рано утром, ещё петухи не кричали, явилась тёщенька, притащив за собой мелко матерящегося мужа. И закрутилась карусель...

В такой небольшой избе оказалось столько хлама, столько барахла: тряпки, банки, посуда, куклы...

– Ну, Шурка, – кричал разъярённый Игорёк, – получишь ты у меня теперь деньги, я тебе только на хлеб выдавать буду!

– Ага, спрашивала бы я тебя, лоботряса, что купить, – спокойно возражала крупнофигуристая Александра, врученная мужу очередную порцию детских вещей, – сам можешь хоть с голым задом бегать по деревне.

– А ему всё равно в чём сидеть на пруду-то, – вставилась тёща, – правильно, Шура, не бери ему ничего, пусть пощеголяет дырками.

– Это наше дело, мама, – отрезала дочь, – он как-никак добытчик, не то что папаша. И на ферме Игорька уважают, и премии дают, да и вы, мама, за рыбкой-то в магазин не бегаете.

– Правильно, Александра, мы, поди, сами себе хозяева, – от гордости и перенапряжения с Игорька пот катил градом.

Паша молча ворочал мебель. Он знал: попадись бабам на язык – смелют. Одна мука останется, да и ту по ветру развеют. Так прошло утро: работнички вынесли в сени шкафы, свалили туда бельё, посуду, игрушки. Вместе со столом переместили диковинку – компью-тер. Тьфу ты, и не выговоришь. Дорогая штуковина, а главное, непонятная. Олька, старшая дочь, чего-то в ней мерекает, пишет чего-то. Хотя как на ней писать? Сидит, стучит по клавишам, будто на гармошке играет.

Итак, диковинку Олька прикрыла куском полиэтилена. Говорит, что прибор очень боится воды и пыли. Хлипковатое создание, но умное. Рядом с представителем новой жизни поставили кресла от мягкой мебели, которую вместо зарплаты выдал фермер Игорьку как передовику производства за посевную. На кресла настелили матрацы, перины, подушки. Гора постели воздвиглась почти до самого потолка.

Наконец всё было готово, и побельщики сели передохнуть.

Паша молча смолил папиросу, растягивая удовольствие. Бабы обсуждали новую женитьбу деда Николая, ребятишки возились во дворе с собакой. Минут через пять проблема деда Николая была решена, и тёща поднялась со скамейки.

– Ладно, мужики, берите стол, пошли в работу... Александра, а добытчик-то где?

Хватились Игорька, кинулись во двор, обыскали огород – нет нигде хозяина, как в воду канул. Тут уж Шура-то душу отвела. Вся деревня слышала, что Игорёк опять жену обвёл вокруг пальца.

– Кровопийца, – кричала бабёнка, – вот уж я тебя угощу! Ну, попадись ты мне на глаза!

– Так его, так, – поддакивала мать сбоку, – ишь, прохвост, опять удрал.

Паша за углом новую папиросу раскуривал и посмеивался.

– Молодец мужик, опять вас умыл. Ну, молодец! Я так не могу.

– Ах ты, сочувствующий, – накинулись на Пашу жена и дочь, – а ну бери стол и неси его один, раз тебе проделки зятя нравятся. Навязались на нашу шею... Надо вас отдать Зенке на воспитание, вот уж она вас обломает...

Заступник, не дослушав речи до конца, схватил стол и бросился в дом.

– Бездельник, – вопила оскорблённая Александра в сторону пруда, – я тебя когда-нибудь утоплю, будешь плавать, вместе с твоими рыбами! А сегодня лучше домой не приходи, так и живи на пруду!

– Мам, а ты сходи за ним на пруд, я туда дорожку знаю...

Это старшая дочь Шуры Олька вывернулась откуда-то из-за сарая.

– И то правда, схожу-ка, да отобью ему охотку сбегать от дел.

Поправив платок, она пошлёпала босыми ногами в сторону пруда. Олька ловко прыгала по сваленным деревьям, обходила завалы, подныривала под заросли ивняка, иногда оглядываясь на мать.

А бабонька уже жалела, что пошла сюда. Чертыхаясь и ойкая, продиралась она сквозь переплетённые ветки растений. Платок, сдёрнутый веткой с головы, остался где-то позади. Горели ободранные руки. Поэтому когда впереди показалась водная поверхность маленького озерка, женщина была похожа на разъярённую тигрицу.

– Ну, паразит, обижайся теперь на себя....

Александра выбралась на бережок, хищно выглядывая мужа. У края воды, на сваленном дереве сидел белоголовый соседский пацанёнок, с любопытством разглядывавший невесть откуда взявшуюся тётку.

– Олег, а дядя Игорь-то где? – Шура говорила ласково-медовым голосом, сдерживая в груди бурю гнева.

«Мне бы только до тебя добраться, – думала она про себя, – на всю жизнь отобью охотку сюда бегать».

– Так где же он? А то к нему с работы пришли, – увещевала Шурка, поглаживая ободранные руки и оглядываясь вокруг, – он что, ушёл уже?

– Да нет, тётя Шура, его ещё не было сегодня, обещал червей принести, а сам не пришёл.

Олег обиженно засопел носом и, подёргав удочкой, спросил сочувственно:

– Опять удрал?

Шура растерянно развела руками:

– Ага... Да куда ж он, поганец, делся-то?

– А может, его правда на работу вызвали? – Олег смотрел на расстроенную соседку, – я слышал, как машина проходила.

– Наверно, вызвали... – бормотала Шура, перелезая через большое бревно. Наколов сучком ногу и подобрав на обратном пути платок, бабёнка наконец вылезла из непроходимых дебрей, которые окружали пруд.

– Ну как, развеяла ему кудри? – вырулила из ворот мать.

– И за что вы, мама, так не любите Игорька? – накинулась на мать Александра. – И всё он вам плохой...

Дальше посыпались обвинения в адрес всей деревни: никто мужа не ценит, только ругают, даже в воскресенье, и то не дают мужику отдохнуть.

Гутя обалдело моргала глазами.

– Говори толком, не нашла что ли Игорька?

– А чего его искать, если за ним с фермы приезжали. Сбиваете вы меня с толку. Давно бы уж зал выбелили.

И бабы, переругиваясь, пошли в избу. По дороге Шурка отвесила подзатыльник Ольке: «Даром, что большая, а всё равно, не смей больше шпионить за отцом». Шуганула задирупетуха, чтобы не путался под ногами и, удовлетворённо вздохнув, принялась за побелку.

Уже ближе к вечеру, когда мать с дочерью, домывая пол в коридоре, обсуждали особую ценность Игорька, в проёме дверей возникла долговязая фигура Паши.

– Ну что, бабы, давай вносить барахло, да заканчивать работу. Я для вас уже баньку истопил.

– Может, я в магазин сбегаю? – заискивающе улыбнулся Паша.

– А в магазин-то зачем? Хлеб есть.

– Вы же устали, и после баньки расслабиться не помешает...

– Вот я тебе расслаблюсь сейчас, – помахала Гутя тряпкой перед носом у мужа, – давай, мебель вноси.

Паша огорченно вздохнул и пошёл вносить вещи.

Коробки, ящики, узлы – какая пропасть всякой всячины прячется по углам и закоулкам избы. В обычные дни всё это не мешает течению жизни. Однако в дни переездов и побелок обнаруживается множество сломанных, устаревших и, на первый взгляд, совершенно лишних вещей. Интереснее всего то, что при попытке выбросить рухлядь выясняется её жизненная необходимость.

– Шур, да выбрось ты этот утюг, – говорит Паша, разглядывая раскуроченный прибор, – сколько лет с места на место перекладываешь.

– У себя дома, папаша, хоть телевизор выбросите, – отбирает дочь утюг, – а здесь не командуйте.

– Зачем он тебе? – удивляется отец.

– Места не пролежит, а там, глядишь, Игорёк его сделает.

Шурка заботливо протирает утюг и подаёт его Ольке.

– Поставь за гардероб подальше... – наказывает она дочери.

Наконец мелочь внесена, растолкана по полкам, коробкам. С особыми предосторожностями и под усиленным контролем Ольки вносится самое дорогое, что есть в семье, – компьютер.

– Деда, порожек! – кричит Олька, путаясь под ногами, – ты пониже держи стол, а ты, бабуля, – повыше, а то уроните компьютер.

– Повыше, пониже, – беззлобно ворчит Паша, – ты сама возьми и понеси. Узнаешь, какой он лёгкий. Одних проводов – пуд немереный.

– Тебе что, трудно пригнуться, – говорит Гутя, – девка зря не скажет, она же отличница.

Голос женщины прерывается от перенапряжения, с лица сыплют горошины пота. Она идёт на цыпочках и с усердием поднимает стол повыше.

– Лучшая на олимпиадах всяких, – гордо замечает мать Ольки, – умная, в отца. Вырастет, Ольгой Игоревной звать будут.

Паша не спорит. Он пригибается, насколько это возможно. Его спина похожа на крюк.

С внучкой у них особые отношения. Ему нравятся её рассказы о диковинных странах, о необыкновенных явлениях. НЛО – это их тайное хобби. Получив пенсию, дед Павел берёт Ольку с собой и они едут в город. Там идут в книжный магазин и ищут книжки про инопланетян. Потом долгими зимними вечерами они сидят в зале и рассуждают: есть ли во Вселенной другие цивилизации.

Конечно, рассуждала внучка, а дед только слушал, вздыхал да смотрел картинки в книгах. В такие моменты он сильно жалел, что в их деревне учили только до четвёртого класса, а десятилетка была в районе. Жалел, что, как последний оболтус, пропадал на машинном дворе, катался на тракторе, гонял с пацанами сусликов по полям и не учил уроков. Жалел, что бросил школу, как только закончил семь классов. Хотелось зарабатывать деньги и не зависеть от родителей.

– Э-хе-хе, – качал головой Паша, и от таких мыслей сгибался ещё сильней, так, что стол бороздил ножками по порогу, – ты только учись, внученька.

– А чего же ей не учиться-то, – встревает в его мысли жена, – если ты на неё всю пенсию грохаешь. Вон какую канитель купил. Теперь и таскай.

– И не на пенсию мы с Олькой купили прибор, – оправдывался мужик, – мы с ней всё лето у фермера вкалывали на сенокосе. Честно заработали.

Дед подмигивает внучке, и оба, довольные, улыбаются. Компьютер наконец-то установлен в красном углу в зале. Олька быстро плюхается на табуретку у стола и протягивает руку к кнопке.

– Успеешь, – подоспела мать, – иди-ка, помогай, дедова любимица.

Дошла очередь до постели, сваленной на креслах и стульях в просторных сенях. Хозяйка приподнялась на носки, потянула верхний матрац. Матрац – ни с места, будто его придавили чем-то тяжёлым. Тогда женщина с силой дернула за угол полосатое лежбище. Гора постели стала крениться и, наконец, завалилась. С самой её макушки на Шуру слетело что-то тяжёлое, лохматое.

Это было так неожиданно, что женщина не удержалась на ногах и тоже стала падать. От испуга она закрыла глаза. Падая, успела вцепиться, как ей показалось, в шерсть или ещё что-то лохматое. Она испугалась и завопила дурным голосом. При этом разжать руки не смогла, а потому трепала и трепала это что-то.

Шурка открыла один глаз. В сумерках сенок, заваленных домашним скарбом, ей пригрезился человекоподобный облик со всклоченными волосами и с хвостом... Женский визг вторично прорезал вечернюю тишину.

– Шур, ты что это? – вдруг заговорило существо с хвостом Игорьковым голосом.

Бабёнка открыла оба глаза. Перед ней на полу сидел Игорёк в старой шубейке, подпоясанной верёвкой. Он тщетно пытался освободиться из цепких пальчиков жены.

В сени заглянули тесть с тёщей.

– Ну, зять, ты и даёшь, – с восторгом начал Паша.

– Гляди-ка, Игорёк, – удивлённо проговорила Гутя.

От понимания сути и причины ситуации глаза у неё сузились до размера бойниц в башнях Кремля при Иване Грозном.

– Ты что ж, шельмец, весь день так и провалялся в сенях? Мы, значит, надрывайся, а он в это время дрыхнет...

Тёща захлебывалась от негодования. Она стала наступать на зятя.

Чувствуя приближение расплаты, Игорёк молча отступал к кладовке. Когда до спасительной двери оставалось несколько шагов, Игорькова спина наткнулась на объёмный торс жены. Бабы наступали с двух сторон... Мужик покорно опустил голову и стал ждать выволочки. Тесть, видя столь крутой оборот дела, шмыгнул обратно в комнату...

Наступил момент развязки: Шура, подбоченясь, теснила мужа к небольшому окну, тёща наступала с другого края. Игорёк, наблюдая приближение девятого вала, растерянно пятился, слегка защищаясь согнутыми руками. Помощи ждать было неоткуда...

– Здорово, бабоньки, – вдруг послышался голос из-за спины, – что это вы делаете?

– Иван Матвеич, заходите, заходите... – запела сладким голосом Гутя, – мы тут побелкой занимаемся.

Шура вздрогнула, машинально вытерла руки передником и пошла навстречу неожиданному гостю.

– Да уж закончили почти, дядя Ваня, заходи в избу.

Игорёк приободрился, скинул с себя шубейку, продвинулся к выходу.

– Заходи, дядя Ваня, сейчас Шурочка сгоношит чего-нибудь горяченького, – говорил Игорёк, медленно двигаясь к спасению.

– Спасибо, да некогда, – развёл руками Иван Матвеевич.

Все замерли. Игорёк, оказавшись снова между женой и тёщей, почувствовал холодок на спине. У Александры сжались кулаки, а тёща вонзила в зятя такой взгляд, что высунувшийся было из избы Павел поспешно юркнул обратно.

– Я, собственно, к тебе, Игорь Андреевич, пришёл. Выручай! Сашка Махорка опять на работу не вышел. Пьёт второй день. Так ты уж отработай за него сегодня в ночь.

От радости Игорёк даже подпрыгнул на месте: «Отработаю, чего же не отработать. Вот и хорошо, что Махорка пьёт. Сейчас вместе и пойдём».

Игорёк суетливо бегал по сеням, собирая рабочую одежду. Иван Матвеевич удивленно наблюдал за ним.

– Куда ты спешишь? Ещё целый час до смены, пообедай и приходи.

– Ну, зачем ждать, сейчас и пойдём.

– Ну, смотри сам, – пожал плечами Иван Матвеевич.

Тут вздыбилась Шура:

– Это как так? Голодный мужик целую смену пахать будет? Ну, Иван Матвеич, придумал. А ещё новая формация – фермер. Олька, готовь-ка отцу с собой. Да молочка холодного из погреба достань, а вы, мама, на стол быстренько собирайте. Дядя Ваня тоже с Игорем пообедает.

Шурка командовала, как настоящий полководец, и старый механик а новый фермер не посмел отказаться от обеда или уж ужина.

Отправив мужа на работу, Шура принялась за прерванное дело, отец с матерью ей молча помогали.

И вот уже всё расставлено, разложено по местам. Бабы вышли на крыльцо, присели на ступеньки и снова заговорили про женитьбу деда Николая. У Паши душа рвалась на части: если сейчас не сбегать в магазин, закроет его эта волхитка Зенка, и останется Паша без заветной бутылочки к ужину.

– Гуть, – робко вставил Паша, – может, я всё-таки схожу в магазин?

– Не заработал, – отрезала Гутя.

– Это я-то не заработал? – возмутился Паша, – целый день ворочаю с вами и не заработал? А ваш тунеядец Игорёк, значит, заработал?

Паша понял, что сделал не тот акцент. Бабы словно с цепи сорвались, припомнили ему прегрешения и промашки столетней давности. Короче, выплеснули на мужика всю усталость. В довершение всего Гутя отобрала у него приготовленную сотенку и с горестью изрекла: «За тобой-то, небось, не придут звать на работу. Никому ты не нужон».

– Дед тоже всем нужен, – вставилась в разговор Олька, – только он уже старенький.

– На этом старом ещё пахать можно, – проворчала Гутя.

Потом подумала, махнула рукой и, протянув деньги мужу, сказала:

«Ладно уж, беги скорей, а то эта волхитка закроет магазин. Да и мы с устатку выпьем по стопочке».

Уговаривать Пашу не пришлось.

Кто умер-то?

Главой сельской власти в Чудинове была Тамара Павловна. Красоту её не портили ни возраст, ни чрезмерная тучность. Правда, семейство бородавок, поселившихся на лице и шее Тамары, были, конечно, лишними, но деревня к ним давно привыкла и не замечала. Так что сельсоветом заведовала красивая во всех отношениях председательша.

Подвыпившие мужики часто спорили: сколько же в ней живого веса, но после четвёртой-пятой рюмки сходились во мнении.

– Много... очень много! – глубокомысленно говорил тощий механик, остальные согласно кивали головами.

Мужа Тамары село недолюбливало за его любовь к одиноким выпивкам. Доня (сокращённое от Даниил) на аванс и получку брал поллитровку, уходил на машинный двор и там пил и разговаривал сам с собой. Наливал в стакан и говорил: «Давай, друг, чокнемся за всё хорошее».

Чокнется Доня с бутылкой так, что звон идёт по мастерской, потом выпьет, головой помотает, плечами потрясёт, руками подёргает, глаза выпучит. Страсть смотреть, будто человека на кол посадили. Потрясётся так Доня, луком закусит и давай беседы беседовать.

Что говорит – не разобрать, одно бурчание да кивание головой. Потом отчётливо: «Ах, Тамара... Ах, Тамара...». Да, нелегко быть мужем такой сельской знаменитости. Сельчане, конечно, понимали и жалели Доню, но и недолюбливали: «Чего сидеть одному? Пришёл бы как человек, выпил, поговорил по душам. Ну, если уж совсем тяжко, кому бы по морде смазал. И на душе полегшает, и приятно».

С некоторых пор стали люди замечать, что Тамара стала часто в город ездить. Снарядится с утра, сельсоветскую машину возьмёт и поехала. На автобус ходить ей вес не позволял.

«Что такое? – думают люди. – Куда это наша царица наладилась?».

Пытал народ водителя, но тот молчал, как партизан, только глазами зыркал.

Больше всего от этих перемен пострадала местная торговая точка, а именно, продавец Зена. Собралась она за товаром, а ей в сельсовете отказ.

– Некогда – говорит Павловна, – глупостями заниматься, есть дела поважней. Кому надо, сами из города всё привезут, хлеб сами напекут.

Вышла Зена из сельсовета, опёрлась о калитку и стоит, думает: «Что же такого важного решает Томка? Никак автомобиль для Дони хлопочет».

В это время шла мимо Марья, ей понадобилось в фельдшерский пункт зайти. Остановилась удивлённо, потому как Зену никто стоячую и безмолвную не видел. А тут стоит, молчит и в землю, не мигая, смотрит.

Прошмыгнула Марья мимо остолбеневшей продавщицы и бегом кинулась к свекрови в здравпункт.

– Мама, – закричала она с порога, –

вы тут сидите и не видите ничего. У вас под глазами человек умирает.

– Где? – кинулась к дверям Марьина свекровь.

Выскочила в сельсоветский двор, а там Зена стоит недвижимая и в землю смотрит. Фельдшерица бегом обратно в пункт, хватает шприцы, лекарства, бутыльки... Руки трясутся, бутыльки на пол летят. Запахло валерьянкой.

– Ах, горюшко, – причитает медицинский работник, – Марья, вызывай «скорую». Да ворочайся побыстрее. Ишь, зад какой отъела на мужниных харчах.

– А вы, мама, на чужой зад не заглядывайтесь, – тоже диким голосом орёт Марья и крутит диск телефона.

В это время диспетчер «скорой» ответил.

– Какой зад?

– Ало, это не вам. Это я свекровке говорила, а вы ответили. Что у нас? У нас человек умирает. Кто? Зена, продавец. Что с ней? Стоит, молчит и в землю смотрит. Нет, нет! Она никогда не стоит, никогда не молчит. Сколько ей лет? А кто же считал её годы, приедете, сами у неё спросите, – голос у Марьи с перепугу совсем осел и бабонька уже хрипела, – короче приезжайте, если успеете, а то она уже синеть начала.

Марья бросила трубку и принялась помогать свекрови. Обе охали и ахали, перебирали лекарства. Фельдшерица начисто забыла, что нужно дать Зене, чтобы она не померла до приезда «скорой». За беготнёй они не заметили, что Зена обернулась на их ор, подошла к медпункту. Её мощная фигура заслонила дверной проём.

– Кто умер-то? – спросила продавщица.

– Отстань, – возопила медработница, – видишь, заняты...

Она осеклась, подняла глаза на Зену и заикала, тыча кулаком в пухлый Марьин зад. Марьин вопль был услышан даже на самом краю деревни, и люди поспешили к сельсовету, чтобы узнать, в чём там дело.

Разобравшись, Марья со свекровью стали думать вместе с Зеной: куда это царица в город шастает. Решив, что всё-таки это автомобиль, трое вышли на крыльцо.

– Батюшки, да тут всё село собралось, – воскликнула Зена.

По центральной улице с включённой сиреной ехала машина «Скорой помощи». У фельдшерицы похолодела душа.

Молчи, коли говорить не велено

Тишку Бровина нашли мёртвым в его собственной избе только на третий день. И что диковинно было: на улице жарень такая, что куры уже печёные яйца несли, а тело Тишки не испортилось. Лежит на лавке, будто сегодня помер.

Собрались сельчане вокруг упокойника, решают: что делать? Тело-то вроде бы и окоченело, а навроде бы щёки розовые, как у младенца. Сообща решили, что душа Тишкина где-то приблудилась. Положили то, что осталось от Бровина на кровать, да послали за фершалом.

А фершал приехал только к вечерней дойке на завтрашний день. Повертел, посмотрел, послушал Тишку, да призадумался.

– Вроде помер, – говорит, – а навроде и нет. Хто ево могёт знать. Так-то он не дышит, значит помер. Но и лежит диковинно, как навроде уснул. Запаху нет, так и погодём, поглядим.

Пролежал так-то Тимошка ещё неделю. Никаких изменений: и оживать не оживает, и портиться не думает.

Бабы хаяли мужиков, что оставались в ночь при покойнике и брали с собой малую четверть. Но караульщики стояли на своём.

– Тверёзому – кипятились караульщики, – такую страсть ни в жисть не выдюжить. Хотите, сами идите, караульте!

И бабы отступали, кому же хотелось сидеть в избе, где на лавке лежит живой упокойник.

А как раз на приезд автолавки ранним утром Тишка вдруг открыл глаза. Вроде как проснулся.

Мужики хоть и крепко были перепитые, но от страха деревянней дерева стали, просто в лавки вросли, и рты наперекосяк.

– Я всё слышал, – говорит оживший упокойник, – тока шевельнуться не мог, как навроде связали меня и рот кляпом заткнули.

Потихоньку мужики оттаяли, икать перестали, а Тишка садится на лавку, руки, ноги растирает – закостенели совсем за время лежания. Налили ему самосядки полстакана.

Через полчаса в избе послышались громкие голоса, да и четверть почти опустела. Расхрабрились сельчане, стали задирать Тишку: «Расскажи да расскажи, – пристают, – чё там было, али где бывал, когда мертвяком был».

– Где был, помню, – почесал голову бывший упокойник, – только не велено никому сказывать.

Раззадорились караульщики:

– Мы чё, тебя зря чё ли две недели караулили, сказывай, где был, а то больше и наливать не станем!

Помыкался Тишаня, не утерпел, да как есть всё и выложил: где был, кого видел, с кем говорил.

Посудачили мужики, баб позвали, что сгуртились у автолавки. Те головами покачали: «Так Тишаня завсегда был выдумщиком», да и разошлись по разные стороны. Дел в деревне завсегда много, некогда кошёлки трясти, надо дело прясти.

Только вот через три дня Тишка-то по-настоящему помер. Как шёл по дороге, так снопом и свалился, изо рта пена, как у загнанной лошади. Тут люди подскочили, а он уже синий и глаза навыпучку. С тех пор старухи пацанам грозили крюковатыми пальцами да приговаривали: «Молчи, коли говорить не велено».

Ё пэ рэ сэ тэ

У Толика Пановкина хороший двухэтажный дом, и стоит он на берегу пруда совхозного. Красота сплошная. Толик сделал лестницу, чтобы не корячиться по крутому берегу, а культурно по ступенькам спускаться к воде.

Соорудил помост, чтобы ребятишкам было где юзгаться, да и жене удобно свои полоскания устраивать.

Одно слово: удобно. Спустился по ступенькам, и вот тебе вода, хочешь купайся, хочешь с удочкой посиди, или на худой конец водочки попей со свояком.

Но водочку в последнее время стало брать опасно, так как от неё сильно шибало ацетоном (перестройка, будь она неладна). И решил Пановкин самогоночки выгнать к празднику. Завёл в двух флягах бурдамагу, по дедовскому рецепту. Выждал определённое время, чтобы бражка перебродила и приступил к производству.

Чтобы далеко за водой не бегать, установил на берегу самодельный аппарат, опять-таки по дедовскому наущению. Горят дрова в печурке, капает огненная вода из трубки – аж душа радуется. Со второго этажа за процессом наблюдает дед Семён, бдит: всё ли ладно, нет ли изъяну в процессе.

Потирает руки самогонщик, сливает прозрачную жидкость в ведёрко. Дед сверху предупреждает: «Много не набирай, только по рубчик, а то прольёшь». Толик только отмахнулся, «Скоро сорочка пойдёт».

Набралось ведёрко склён. Пановкин взял его в руки и потихоньку понёс домой. Поднимается на ступеньки так аккуратно, что жидкость в ведре не колыхается. От ноши горячий парок идёт, ноздри щекочет, голову веселит.

Совсем было поднялся Толик по лестнице. Две ступеньки остались... И тут чёрт ногу зацепил... Оступился мужик, споткнулся и, карауля ведёрко, качнулся вперёд.

Согласно всем законам физики жидкость в ведре качнулась в противоположном направлении и всей своей разгорячённой сущностью сплеснулась на ногу Толика.

– Ё пэ рэ сэ тэ... – вырвалось у мужика.

Он попытался сохранить равновесие ведра, но наступил на собственную ногу. Непереводимая на литературный язык фраза сопровождала полёт ведра и самогонщика.

Слетев кубарем с лестницы, Пановкин снёс и аппарат, и печурку. Он сидел на берегу и молча созерцал кипение воды в том месте пруда, где утопла печурка.

Пустое ведёрко тоскливо подкатилось к Толику, обдав его сильным ароматом так и несостоявшегося праздника.

Ольга Танкова

Ольга Алексеевна родилась в г. Осинники. Окончила лицей №36 (информационные технологии). Затем поступила в КузГТУ в г. Новокузнецке. Окончила его с красным дипломом по специальности «Экономическая безопасность». Свой творческий путь начала с детства. В школьные годы обучалась эстрадному вокалу в Школе искусств, осваивала живопись в художественной школе. Выступления с вокальными номерами на концертах подтолкнули её к написанию собственных стихов и песен.

Дай, небо, мне любви!

На небо высоко взглянув,
Просила я однажды:
«Дай, небо, мне такой любви,
О кой мечтает каждый».

И подарили мне тебя,
Как уникальный дар бесценный.
Твердили мне тебя беречь ,
Как камень драгоценный.

Ты стал огнём во тьме ночи,
Спасеньем от невзгод.
За всё тебя благодарю,
Всегда из года в год.

Хочу, чтоб рядом был со мной,
Шли по дороге жизни вместе.
Я так люблю тебя, родной!
Сегодня я – жена,
а не невеста.

Так будет пусть у нас с тобой
На долголетия много счастья,
Наш дом обходят стороной
Все беды и ненастья

Пусть будет звонкий детский смех
Звучать из разных комнат,
А сердце с нетерпеньем ждать
За дверью звук шагов знакомых.

С тобой не страшно ничего

С тобой не страшно ничего,
Пойду я хоть куда,
Не причинит никто мне зла,
И не найдёт беда.

Уткнувшись в спину и обняв,
Тебя благословлю
С утра тихонько прошепчу:
«Как я тебя люблю...»

Ты не услышишь, крепко спишь...
«Устал, работы много»...
Сбивают с ног потоки дел
Масштаба мирового.

Ты так стараешься для нас с детьми,
Чтоб мы забот не знали,
Чтоб не тревожилась семья
И мысли не терзали.

Моя опора, вера, дом –
Всё сплетено в тебе одном.
Ты моё всё: мой день и век,
Мой самый лучший человек.

Александр КОЛТАКОВ

Колтаков Александр Алексеевич родился 20 февраля 1962 года в селе Петропавловское Алтайского края. В 1979 году Александр Колтаков окончил среднюю школу. В том же году поступил в Новосибирский инженерно-строительный институт на архитектурный факультет. В 1984 году по распределению попал в город Новокузнецк. Работал районным архитектором (Орджоникидзевский район). В 2002 году окончил заочно юридический факультет Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета. Работал заместителем начальника управления по земельным ресурсам и землеустройству, главным архитектором города.

Писать Александр Алексеевич Колтаков начинал, будучи студентом. По приезду в Новокузнецк Александр Колтаков посещал литературную студию «Гренада» при Доме творческих союзов. Печатался в газете «Кузнецкий рабочий». Александр Колтаков пишет прозу, стихи и сказки для детей и юношества.

Член литературного Южно-Кузбасского союза писателей «Люкс», лауреат литературных конкурсов, награждён медалью «За активную гражданскую позицию и патриотизм» от партии Патриоты России.

«Поле чудес» на берегах Бии

В начале двухтысячных мне и моим друзьям было за сорок. Это самый замечательный возраст, когда ты ещё полон сил для реализации всех своих планов и уже появились материальные возможности для их воплощения.

Дружили семьями, проводили вместе отпуска на морях, отмечали дни рождения и прочие праздники. Со временем пристрастились к таёжным походам и сплавам по рекам у нас в Сибири. Поскольку это был не совсем комфортный отдых, жёны постепенно самоустранились, и мы стали выезжать чисто мужской компанией.

С особой любовью и трепетом лично я отношусь к путешествиям по Горному Алтаю. Об одном из первых таких походов мне и хочется рассказать.

Однажды, закончив очередную трудовую неделю, собрались в бане. После берёзового веничка и кружки холодного пива наши души воспарили ввысь и узрели оттуда перспективу другого блаженства – отдыха на лоне дикой природы. Выпив ещё по кружке, единогласно решили устроить себе небольшой отпуск и слетать порыбачить на какую-нибудь таёжную речку. Не откладывая дела в долгий ящик, позвонили знакомым «летунам».

Через несколько дней ранним сентябрьским утром вся дружная компания на нескольких машинах прибыла в аэропорт городка Таштагол на юге Кемеровской области. Работяга Ми-8 должен был закинуть нас в верховья реки Малый Абакан. Но, как говорится, мы предполагаем, а судьба располагает. Где-то на таёжных просторах Кузбасса потерялась группа горе-туристов, и наш борт был отправлен на их поиски.

Досадную отсрочку полёта решили скоротать на берегу протекающей рядом речки. В предвкушении нового приключения все пребывали в приподнятом настроении. Дабы не понижать планку и градус оптимизма, извлекли из багажников машин часть спиртного и испечённых жёнами пирожков. Дальнейшее ожидание проходило в особенно тёплой обстановке.

После обеда вертолёт наконец-то вернулся, но нам объявили, что в связи со сложными метеоусловиями на сегодня все полёты отменяются. Весь вечер мы провели у костра – под гитару и домашнюю снедь. Поздно ночью прямо в зале ожидания аэропорта распаковали свои спальники и расположились на ночлег.

На следующее утро нам выдали новую информацию: небо закрыто на весь день и, возможно, на последующие дни тоже. Несколько членов команды, высказав хмурым небесам своё глубочайшее неудовольствие, решили вернуться домой. Оставшиеся договорились двинуть на машинах в сторону горно-алтайского райцентра Турочак и провести свой короткий отпуск где-нибудь там, на берегу полноводной Бии.

Весь путь до заветной цели экспедицию сопровождал мелкий дождик. Он навевал грусть, зато избавил нас от облаков пыли, преследующих автомобилистов на этом участке в сухую погоду.

Свернув с основной трассы, после долгих блужданий по лесным дорогам мы оказались на слиянии рек Лебедь и Бия. Невдалеке виднелись какие-то строения, слышен был лай собак. День подходил к концу, и мы решили на ночь остаться здесь, а уже с утра отправиться на поиски более удобной локации на берегу Бии. Но потом осмотрелись повнимательнее, и нам так это место понравилось, что решено было игнорировать близкое соседство с признаками цивилизации и окончательно встать лагерем.

Быстро установили палатки и места общего пользования. Накачали и спустили на воду резиновые лодки. На одну из них успели поставить мотор.

Стало смеркаться. Дождик продолжал своё мокрое дело. Не было никакого желания разводить костёр, и мы, наскоро перекусив, разбрелись по палаткам. Мысли о том, что прохудившиеся небеса могут испортить весь отдых, долго не давали уснуть.

Утром всех разбудил рёв бензопилы. Это наш незаменимый в хозяйстве Евгений приступил к заготовке дров для костра.

После завтрака несколько человек отправились на лодке с мотором вверх по Бие в поисках хариуса. Я же, покидав безрезультатно блесну в светло-стремительные воды Бии, решил порыбачить на червя в мутной от дождей реке Лебедь. С первого же заброса попался крупный пескарь. Затем ещё и ещё...

Я словно вернулся в детство, когда, будучи пацаном, всё лето проводил на берегах Ануя, ловя на удочку эту вкуснейшую рыбёшку. Из глубин памяти сразу всплыли живые картинки тех беззаботных дней в предгорьях Алтая. Вот я, совсем мальчишка, прихожу домой с полным бидоном чебаков и пескарей. С усталым, но гордым видом показываю свой улов маме. Та делает удивлённое лицо и, погладив меня по голове, произносит самые приятные для мужчины слова: «Добытчик мой!». Почистив и пожарив рыбу до хрустящей корочки, подаёт на стол. Я уплетаю эту вкуснятину за обе щёки, то и дело запивая молоком, а в голове зарождаются планы на завтрашнюю рыбалку. Во сколько? На какое место? С кем? И в который раз мечтаю о том, что завтра наступит день моего рыбацкого счастья, и я на зависть всем другим пацанам поймаю огромного леща. То-то удивится мама, когда я вручу ей такую рыбину!

Увы, за всё детство вожделенный лещ ни разу не попался мне на удочку. Хотя этой рыбы в Ануе водилось тогда предостаточно. И вот сейчас, вытягивая очередного пескаря, я вновь почувствовал робкую надежду. Может быть, сегодня, на берегу этой доброй реки с красивым названием Лебедь, мне, наконец-то, повезёт, и я поймаю свою давнюю мечту?

Но, видно, не судьба. Не сбылось и на этот раз. Наловив с половину кана пескарей, я вернулся в лагерь. Спустя несколько минут прибыли ловцы хариуса – без единой рыбки. Но при этом готовить и есть моих непрезентабельных пескарей захотели не все.

Вскоре с реки Лебедь послышался гул мотора. В сторону Бии спускалась деревянная лодка. В ней сидели два человека. Мы стали кричать и махать руками, чтобы они причалили к нам. Через пару минут лодка уткнулась в берег. В ней сидела очень колоритная парочка: сухощавый смуглый алтаец в выцветшей плащ-палатке и женщина с синюшным одутловатым лицом, на котором легко читался глубоко асоциальный образ жизни на протяжении долгого времени. Бандана на голове и тельняшка, выглядывавшая из-под штормовки, придавали ей пиратский вид.

Мы стали расспрашивать: есть ли здесь рыба и на что её можно поймать. Ну, или хотя бы приобрести у кого-то. Местный житель Николай, так он представился, заверил, что рыбы здесь полно. Они плывут проверять перемёты и на обратном пути завезут нам налимов. «А это моя жена», – кивнул Николай на свою спутницу в ответ на наши вопросительные взгляды. Как её зовут, сказать он не посчитал нужным.

Не прошло и часа, как с реки снова донёсся гул мотора. Николай причалил свою лодку возле нашей и выбросил на берег четырёх налимов.

Самый бывалый среди нас походник Евгений вручил рыбачке четыреста рублей и пригласил обоих вечером на уху к нашему, так сказать, шалашу. Они с радостью согласились и отчалили от берега.

Обычно деликатный Иван не удержался и, обращаясь к Евгению, высказал ему в витиеватой форме наше общее недовольство:

– Твоя вежливость неуместна, и общество сомнительной парочки в виде хмурого аборигена и откровенной «синявки» нам не очень-то будет приятно!

– Успокойтесь! Контакты с местным населением в непосредственной близости от их проживания просто жизненно необходимы, – объяснил свой поступок наш многоопытный товарищ. – Заодно, возможно, узнаем: где, как и на что здесь можно поймать рыбу. Или купить, на худой конец!

На эту житейскую мудрость возразить было нечем, и мы спокойно занялись дальнейшим обустройством лагеря и подготовкой ужина.

Незаметно на землю опустились сумерки. Дождь больше не моросил, но небо было сплошь затянуто тучами. Глубоко волнительного и романтичного созерцания звёздного неба в ближайшее время не предвиделось.

Мы расселись вокруг костра – кто на складных стульчиках, кто на лавках, сколоченных из подручных материалов. Котелок с готовой ухой стоял возле костра. Каждый сам подходил к нему и наливал половником нужную порцию себе в

миску. Дежурный Иван приступил к торжественному ритуалу: начал наливать водку из пятилитровой пластиковой ёмкости в металлическую кружку, чтобы потом пустить её по кругу.

В это время в свете костра появилась мохнатая собака, а за ней Николай. Следом подошла небольшого роста худенькая смуглая бабушка в фуфайке и платке.

– Это моя мама! – представил её всем наш новый знакомый.

Старушка оглядела нашу компанию и слегка хрипловатым, но приятным голосом сказала:

– Всем доброго вечера!

Кто-то освободил ей стул, и бабушка, кивнув в знак благодарности, присела на него. Николай расположился рядом на свободном чурбане.

Владимир, неформальный командир нашей экспедиции, не удержался и спросил у него:

– А почему жена не пришла?

– Так вы же ей денег дали, – последовал обескураживающе честный ответ. – Она с ними ушла в Турочак. Теперь, пока все не пропьёт, не вернётся.

Мы молча переглянулись. Однако!

Чтобы заполнить возникшую паузу, я решил познакомиться с бабулей и полюбопытствовал.

– Как вас зовут?

– Зовите меня, сынки, баб Машей, – скромно представилась старушка.

Тем временем дежурный налил водку в большую кружку и пустил её по кругу. Из неё каждый отливал себе в свой стаканчик, сколько хотел, и передавал дальше.

Когда кружка впервые дошла до Николая, мать сказала ему строго:

– Много не наливай!

И после паузы добавила:

– Пить сначала научись!

– Ну что вы, мама, опять за своё! – с укором произнёс Николай и от души плеснул себе в стакан. Так повторялось каждый раз, когда кружка доходила до его рук.

Слыша очередное такое обращение к маме, я с удивлением думал: «Вот тебе и дикий таёжный народ! Какое у них почтительное отношение к родителям! Нам учиться у них и учиться». Даже испытал нечто похожее на угрызения совести: при всей любви к маме мне бы и в голову не пришло назвать её на «вы». Значит, это я при двух своих высших образованиях дремучий по сравнению с этими простыми таёжными людьми. Ведь сколько глубокого уважения звучит в обыкновенном слове «вы», обращённом к самому близкому тебе человеку. Да уж! Век живи – век учись и удивляйся!

Начались с нашей стороны расспросы о местной жизни. Хотя и так было понятно, что в этой глуши ничего путного кроме природы мать с сыном и не видели. Николай, в основном, молчал, зато баба Маша охотно с нами общалась. Причём речь её была вполне правильной, рассудительной и бойкой.

Кто-то из наших поинтересовался, бывала ли она в большом городе.

– Я когда-то в Бийске училась. В Горно-Алтайск несколько раз ездила к сестре и в Москве разок побывала. Там с самим Якубовичем целовалась! – засмущавшись, но не без гордости призналась баба Маша.

Тут уже всех нас одолело любопытство:

– Как это случилось?

– Да меня как лучшего оленевода районное начальство направило на «Поле чудес». Даже сшили по такому случаю новый национальный костюм. Ох, и попотеть в нём пришлось, пока передача шла!

– И как? Все буквы угадали? – с подковыркой ввернул Олег.

– А как же! – ответила старушка. – Суперприз выиграла! Квартиру в Москве! На радостях тогда с Якубовичем и поцеловалась!

Признаться, многих из нас такой поворот привёл в искреннее изумление. После минутного замешательства Евгений изрёк:

– По такому случаю не вижу повода не выпить!

Все дружно и весело его поддержали. Стаканчики быстро были наполнены. В этот раз мать даже не пыталась остановить Николая, чем тот моментально воспользовался и первым опустошил свою ёмкость.

Выпив со всеми и ещё купаясь в наших одобрительно-удивлённых взглядах, баба Маша всё же неодобрительно покосилась на сына:

– Закусывай хоть.

– Мама, ну что вы начинаете? Всё будет хорошо, – заверил тот.

– Знаю я вас, алкашей! – повысив голос, с раздражением продолжила баба Маша.

– Квартиру детям, наверное, подарили? – спросил кто-то, чтобы прекратить их перепалку.

– Нет. Хоть их у меня двое, да оба непутёвые уродились, все в покойника отца, – в сердцах махнула рукой старушка. – Племяннику своему отдала. Он один у нас в люди выбился. В Москве живёт. Людей защищает.

Я первым догадался и уточнил:

– Адвокатом, что ли?

– Во-во! Им самым, – подтвердила баба Маша.

Повисла неловкая тишина. Лишь слегка потрескивали дрова в костре. Собака Лана, лежавшая всё время у моих ног, поднялась, потянула носом в сторону кустов и беззвучно удалилась. Опять стал накрапывать дождик.

Чтобы прервать затянувшееся молчание, я спросил:

– Баб Маш, как думаете: надолго плохая погода установилась? Не хотелось бы уезжать из-за неё отсюда.

– Не переживайте, сынки. Помогу я вам, – заверила она. И, протянув мне свой пустой стакан, неожиданно потребовала: – Наливай!

Всем остальным тоже досталась очередная порция спиртного. Николай сидел со стаканом в руке, слегка покачивался на чурбане и, не моргая, смотрел на мать. Тем временем баба Маша продолжила:

– В нашем роду были сильные шаманы, и я кое-что в этом смыслю.

Обратив свой взор на языки костра, она стала бормотать какие-то заклинания. Затем плеснула водкой в огонь, подняла руки и начала совершать ими ритуальные пассы, словно разгоняя облака над головой.

Уже изрядно захмелевшие зрители во все глаза наблюдали за этим действом, пока вдруг не раздался пьяный голос Николая:

– Мама, кончайте хернёй заниматься!

После этой фразы он резко опрокинул в себя содержимое стакана, потерял равновесие и завалился боком в костёр. Искры столбом взметнулись в небо.

От неожиданности все на мгновенье замерли, наблюдая за происходящим. Потом Николая быстро подняли, стряхнули с него прилипшие угольки и языки пламени. Он едва мог стоять на ногах. На шум прибежала из леса его собака и стала громко лаять.

В сопровождении двух моих товарищей, ругающейся матери и лающей Ланы Николай был отправлен домой. Ушедшие приятели вскоре вернулись, и мы ещё какое-то время посидели у костра, со смехом обсуждая происшедшее. Так закончился первый день нашего отдыха на берегу Бии.

Ночью мне приснился огненный шаман. Он кружился в бешеном танце и бил колотушкой в пылающий бубен. При каждом ударе в чёрное небо устремлялся огромный столб ярчайших искр. Они не гасли, а поднимались всё выше, рассыпались по небу и замирали мерцающими огоньками. Так продолжалось до тех пор, пока весь небосвод не оказался усыпан звёздами. Тогда шаман в последнем неистовом прыжке метнул свой бубен вверх и исчез вслед за ним. Достигнув наивысшей точки небесной сферы, огненный круг завис и, быстро остывая, стал превращаться в холодный диск луны.

На спящую тайгу, поверхность реки и мою голову обрушился её таинственный свет. Не в силах оставаться на месте, я широко раскинул руки и полетел навстречу.

Утром все проснулись от солнечного света, пытавшегося пробиться сквозь полотно палаток. К всеобщей радости, погода действительно наладилась. Повлияла ли на это магия бабы Маши или просто так совпало, – для нас осталось загадкой.

Целыми днями катались мы на моторной лодке по быстрым водам Бии, безуспешно пытаясь изловить неуловимого хариуса. Но это нас не сильно огорчало, потому что по берегам в избытке росли грибы и таёжная ягода, а ещё в том году уродился кедровый орех.

Сколько было сделано замечательных фотографий, запечатлевших красоту алтайской природы! Сила и мощь реки завораживали, а красавица скала посреди Бии стала для нас просто культовым местом. Каждый раз, проплывая мимо, мы причаливали к ней, загорали на камнях, купались в ледяной воде и делали снимки для грядущих поколений. Проблемы с рыбой тоже не было. Нам её регулярно поставлял Николай. Мы же, имея печальный опыт, расплачивались с ним, в основном, продуктами и бензином.

Мохнатая собака Лана каждое утро прибегала в лагерь и весь день ни на шаг не отходила от хозяйственного Евгения. Ходила с ним за дровами, по грибы и ягоды, звонким лаем предупреждала о приближении к лагерю посторонних, за что получала от него заслуженные вкусняшки.

С наступлением темноты на огонёк заглядывали наши новые знакомые. Правда, вели они себя уже совсем подругому. Молча садились у костра на свои привычные места и весь вечер смотрели на огонь. На все вопросы отвечали коротко «да» или «нет» и продолжали внимательно слушать наши разговоры «за жизнь». В какой-то степени наша компания была для них сборищем инопланетян, живущих в другом измерении.

В день отбытия мать с сыном с утра пришли нас провожать. Молча сидели и наблюдали за сборами. Лана бегала между нами и поскуливала, чуя предстоящее расставание. Наконец стали прощаться. Баба Маша продолжала сидеть и смотрела на нас глазами, полными печали. Николай, пожимая каждому руку, приглашал в следующем году приехать снова: «Мужики, приезжайте! Не забывайте нас! Мы вас будем ждать!».

Мы обещали, но не сложилось. Зато мать и сына помним до сих пор. А грубовато-вежливая фраза Николая стала крылатой в нашей компании. Любой из нас в сомнительной ситуации произносит с серьёзным видом: «Мама, кончайте...». И все остальные со смехом завершают эту реплику.

Прошло много лет, а я по-прежнему с теплотой вспоминаю тот поход на берега Бии, где судьба свела меня с простыми, в чём-то несчастными, но в то же время удивительно живыми людьми. Наш великий земляк Василий Макарович с неподдельной любовью называл таких «чудиками».

До сих пор не знаю, правдивую историю рассказала нам баба Маша, или это была творческая импровизация захмелевшего алтайского «чудика». Да теперь это и не важно.

Несмотря на их незавидный быт и очевидные слабости, эти люди не вызывали у меня пренебрежения или жалости. Наоборот, я, измотанный жёсткими правилами городской жизни, неожиданно для себя испытал по отношению к ним какое-то детское, не осознанное до конца восхищение и даже зависть. Возможно, это было вызвано их непосредственностью, предельно искренним восприятием окружающего мира и человека в нём. А может, отдыхая душой, я просто снова был очарован родным краем и живущими здесь людьми.

Новокузнецк

Виктор Савинков

3 февраля – день памяти Виктора Савинкова и день рождения литобъединения «Маяк». Виктор Иванович Савинков родился 3 февраля 1936 года в Прокопьевске. Его родители – уроженцы деревни Мостовая Алтайского края, поэтому Алтай он считал второй родиной. Виктор Иванович закончил 10 классов школы №9 в Берёзовой Роще. Пытался поступить в военное училище, но не получилось. Стал работать, как и его отец, на шахте «Зиминка».

Писать стихи Савинков начал в четвёртом классе. Повзрослев, он стал заниматься в литературной группе при городской газете «Шахтёрская правда». Руководила группой член Союза писателей России Зинаида Александровна Чигарёва. Виктор Савинков 35 лет отработал в шахте, стихи писал всю жизнь. В его стихах есть всё: любовь к Отечеству, к женщине, к алтайской родине предков, к шахтёрскому труду, он тонко чувствовал обаяние сибирской природы. Он говорил: «Шахтёры для меня стали родной семьёй, и я с любовью вспоминаю годы, одетые в шахтёрскую робу». И скромно добавлял: «Шахтёром-профессионалом называю себя смело, поэтом – с опаской. В общем, вместе со стихами хорошая жизнь протекла, как песня. И какова цена песне, такова и цена моей жизни».

Поэтом-профессионалом он стал в конце жизни. В 2002 году Виктор Иванович пришёл в литературный клуб «Маяк», возникший 3 февраля 2001 года при библиотеке №23. Любители поэзии сразу оценили силу и мощь стихов Савинкова. За пять лет Виктор Савинков издал пять сборников стихов, вступил в Союз писателей Кузбасса. 13 декабря 2009 года поэт ушёл из жизни. Наша центральная библиотека собрала документы для внесения имени Виктора Савинкова в Литературную карту Кузбасса.

Любовь Хабарова.

Мне под солнцем всегда хорошо

Этот край не разлюбить

Я рождён, где был и не был
Дух во мгле земных глубин,
Мне наказывало небо:
«Этот край не разлюби».
И в душе, где все начала
В нежных радостях зажглись,
Словно эхо прокричала
Мною прожитая жизнь.
Не затмили тучки-шторы
Славу отзвеневших дней,
Город, где живут шахтёры,
Люб отвагою своей.
Пусть года, как песни, мчатся,
Мчатся через всю страну,
К лёгкому, к чужому счастью
Я руки не протяну.
В гневе мрак раздавит кровлю,
Сея страх над головой,
Освящён моей любовью
Пощадит меня забой.
Здесь, в прокопьевских сугробах,
Спрятан лучший мой удел,
Мне любить мой край до гроба,
Так любить, как Бог велел.

Родному краю

Сибирь сильна крещенскими морозами,
Даль глохнет от холодного огня,
Впиваясь в тело острыми занозами
Мороз бодрит и веселит меня.

Мне хорошо, с тяжёлой ношей справившись,
Бокал беды и боли осушив,
Я здесь судьбу легко кладу на клавиши,
На клавиши испытанной души!

Родимый край, мы оба стали братьями,
И я с тобой, и ты со мной на «ты»,
Меня всю жизнь зовут в свои объятия
Снегов февральских белые цветы.

И сколько эту радость ни неси я,
Я знаю, правда гордой быть должна.
На Родине, по имени Россия,
Живёт своя шахтёрская страна.

И пусть зима её сады остудит,
Её закаты заметёт метель,
Нет для меня роднее и не будет
Израненных разрезами земель.

Любимый край, мне боль твоя известна,
В прохладе дней, жалея и любя,
Я глубоко в душе оставил место,
Чтобы принять и обогреть тебя.

Прокопьевску

Сегодня до рассвета не усну,
Все думы там, как на иной планете,
Сквозь дым и пепел четырёх столетий
Вхожу в твою, Россия, глубину.

Природа-мама, райские места,
Цветы в огнях, в медовом зное травы,
От первой до последней переправы
Таёжная пылает красота.

Всё для любви – от сердца до звезды,
Живи, и никаких излишних тягот,
Вода в реке хмельней июльских ягод,
А рыбы в речке больше, чем воды.

Сюда, в Сибирь, простор земель деля,
Из края, где не пастбища, а слёзы,
Тянула Русь таёжные обозы
На вольные покосы и поля.

Не избежать отпущенной судьбы,
Кому взойти на трон, кому – на плаху.
Я благодарен искренне монаху
Осевшему на берегах Абы.

Святые, кровь работой веселя,
И славя православие делами,
Рубили Божьи храмы с куполами
На великих залежах угля.

И вот оно, ликуя, расцвело
В рябиновых,
в черёмуховых росплесках,
Начало из начал всего Прокопьевска –
Простое Монастырское село.

Над строчками стихов ломая бровь
И мучаясь над черновой пометкой,
Я всю тебя, земля священных предков,
Храню в душе, как первую любовь.

И ты во мне, как гордости заряд,
Прокопьевск, сердце угольной державы,
Где на копрах огни шахтёрской славы
Во мгле ночей, как маяки, горят.

Да, мы встречали новый век в упор,
Как есть встречаем, без слащавой лести,
И добрые, как Солнце, миру вести
Несёт нам ветер с Караканских гор.

Мой город, хоронили нас – враньё!
Ты крепнешь, всё,
о чём мечталось, сбылось,
Как на большой дистанции открылось
Вторичное дыхание твоё.

И областному статусу под стать
На Тыргане под солнечной короной
Красуется в цепи микрорайонов
Домов-дворцов блистательная рать.

В густой толпе шахтёрских площадей
На празднике всеобщей благодати
Ладонь немеет от рукопожатий
Красивых и талантливых людей.

Седые океаны белых льдов
Растопит твой, сокрытый в недрах пламень,
Ты мой, ты самый драгоценный камень
В созвездии Кузнецких городов.

И я, в запой, любя святую Русь,
Под небом василькового окраса
Перед тобой, жемчужина Кузбасса,
С признаньем на колено становлюсь.

Русь

Тишина – молитвы и молитвы,
Всепрощенье у небес моля,
От мятежных, болью дней залитых,
Отдыхает Русская земля.

Вот оно, родное, родовое,
Над монастырём горят кресты,
Это изваянье вековое,
Это Русь, а значит – это ты.

Мы не знаем, адом или раем
Одарит нас наш иконостас.
Родину себе не выбираем,
Родина сама находит нас.

Я благодарю тебя за это,
Наша деревенская изба,
Что в рассветах голубого цвета
Затерялась вся моя судьба.

Перед небом правды не нарушу,
На чужом, далёком берегу,
Без зари, озолотившей душу,
Я прожить на свете не смогу.

Только здесь, в стране метели снежной,
И ещё, и снова обожгусь.
У моей любви, большой и нежной,
Нет другого имени, как Русь!

Родному городу

Мне хлебом был в забое взятый уголь,
А маяком – шахтёрские огни,
Прокопьевск мой, свою ладонь, как другу,
При встрече мне открыто протяни.
Истосковавшись по родному краю,
Я, как букет пылающих цветов,
К губам руками нежно прижимаю
Зелёную весну твоих садов.
С годами ты стройнее стал и выше.
Под августовским кружевом дождей
И чистотой, и молодостью дышит
Асфальт твоих дорог и площадей.
Твоих кварталов взглядом не окинешь,
Не вымеряешь всех твоих глубин,
Мой город дружеских рукопожатий,
Отважных и отчаянных мужчин.
Во славу прокопчан, в честь их творенья,
Да, знает наша русская земля
Про город всероссийского значенья
По залежам и выемке угля.
Под небом, на земной просторной ниве
Меня к тебе таёжный ветер звал.
Я в жизни видел города красивей,
Но ближе сердцу города не знал!

День шахтёра

Сегодня вход за счастием без пропуска,
Кипит букетов алая цветень.
Под чистым небом города Прокопьевска
Шахтёрский день,
большой шахтёрский день.
Идут шахтёры парами счастливыми,
Идут, чтоб влиться в общие ряды,
Приветствуют их солнечными гривами
Густые августовские сады.
Забыв ушибы прежние и раны,
На площади мы, как одна семья.
И я стою в кругу, где ветераны,
Кому знакома молодость моя.
Обласканные общею судьбою,
Чтоб в сердце стало краше и светлей,
Друзья, пройдёмся с песней по забою,
Хорошей песней памяти своей.
По рельсам-точкам катят вдаль составы
С углём, и к этому причастны вы,
Коксующийся блеск шахтёрской славы
Коснулся вашей гордой головы.
Сегодня вход за счастием без пропуска,
Кипит букетов алая цветень,
Под чистым небом города Прокопьевска
Шахтёрский день,
большой шахтёрский день.

Россия

Горят в цвету бескрайние поля.
Ну кто тебе по взмаху крыльев равен?
Россия, Русь, весенняя земля,
Из ста сторон и тысячи окраин!

Дни солнечные песнею звенят,
И ночи от закатов до рассветов
В признаниях лирических звучат
Влюблённых в твою молодость поэтов.

На сердце голос гордости не смолк,
Какую боль по жизни не снеси я,
Спасёт души священный уголок,
Мой уголок любви к тебе, Россия!

И славлю я в сто первый раз уже
Твоих небес малиновое диво,
И женщину, которая в душе
Красивее, чем солнце, восходила.

Да, я люблю в цвету страну свою,
И матери, и Богу благодарен
За то, что я живу в святом краю
Из ста сторон и тысячи окраин!

г. Прокопьевск

Евгения Шкаева

Шкаева Евгения Васильевна родилась 21 сентября 1954 года в посёлке Мундыбаш Кемеровской области. Окончила Сибирский металлургический институт по специальности «Ковка и штамповка». Работала на Юргинском машзаводе в кузнечно-прессовом цехе технологом. Была комсоргом цеха. Под влиянием встреч с поэтами в молодёжном клубе «Дискуссия» начала писать первые стихи. Началом своей творческой биографии Евгения Васильевна считает 1994 год.

Большую помощь в творчестве ей оказала поэтесса Тамара Погребняк из города Осинники. Вскоре Евгения Васильевна пришла в клуб любителей поэзии «Кедр» при Осинниковской городской библиотеке.

За тридцать лет творческой деятельности выпущены более десяти сборников стихов. Евгения Васильевна – участница многих поэтических фестивалей и конкурсов. Тематика стихов разнообразна: любовная лирика, стихи о природе, пародии на собратьев по перу, духовные стихи и т.д.

В 2024 году она выпустила сборник «Гром в сентябре».

России милой тихая краса

Ольшанские журавли

На митинге в Ольшанске в День Победы
Под сенью лип, берёз и тополей
Звучала песня про солдат погибших,
Что превратились в белых журавлей.

И в это время в небе пролетали
Две стаи легендарных этих птиц
Как вестники надежды и печали,
Как отблески военных тех зарниц.

Им женщины букетами махали
И слёзы вытирали, не стыдясь.
Глаза мужчины к небу поднимали...
А песня та, как море, разлилась!

В ней пелось про печальный клин усталый,
Что тихо проплывает в вышине...
О случае, доселе небывалом,
Повсюду говорят у нас в стране.

Как будто павшие вдруг
встретились с живыми:
Мол, нас не забывайте никогда.
Бессмертные полки по всей России
Опять проходят маршем сквозь года.

За Родину, за Россию!

Мирно так недолго ты жила –
Вороги со всех сторон грозили.
На войну сыночков послала
Тех, что в мирной жизни хлеб растили.

Над полями стаей вороньё,
Под обстрелами дома и хаты.
Вновь объято пламенем жнивьё.
За Россию в бой идут солдаты.

У врагов ты – словно в горле кость,
Зарятся на все твои богатства.
К русским только ненависть и злость,
Позабыты мир, любовь и братство.

Родина – не где-то далеко,
Ведь она всегда в душе и сердце.
Да, сейчас России нелегко...
Милосердия откроем дверцы.

В лаврах, храмах и монастырях,
В маленьких церквушках деревенских
Молится Россия о сынах,
Молится великим женским сердцем.

Будь навеки проклята война!
Разгромит врагов своих Россия,
Чтоб плыла над полем тишина,
Колосился хлеб под небом синим.

Моей России тихая краса

На свете есть пленительные страны,
Где бирюзою отливает даль,
Дубаев роскошь, Лондона туманы,
Швейцарии цветная пастораль.

Чудес немало в этом бренном мире,
Но ни за что не променяю я
Гаваны пляжи или жизнь в Каире
На то, чем дышит Родина моя.

Рязанские «берёзовые ситцы»
И северные строгие пейзажи
Мне за границей часто будут сниться
В туристском записном ажиотаже.

И пусть прельщают тех, кто помоложе,
Заморские восторги-чудеса,
Для сердца моего всего дороже
России милой тихая краса.

Весенняя картинка

Луч солнца, переливами играя,
Отдать земле своё тепло спешит.
Берёзонька, серёжками качая,
Как юная невестушка стоит.

На ветке нежно пеночка-весничка
Выводит незатейливую трель.
И зеленеет травка-невеличка,
И голубеет неба акварель.

В платочек новый гордо причепурясь,
Старушка, из душевной глубины,
Сказала, от лучей счастливо щурясь:
«Ну, вот и дожила я до весны!».

***

Дыханием весны пропах апрель.
Кандык сквозь прошлогодний лист пробился.
И, словно на палитре акварель,
Подснежниками склон засеребрился.

Вниз ручеёк прокладывает путь,
Серёжки на осине распустились.
На ель присела сойка отдохнуть,
И муравьи на пне зашевелились.

А воробьи, отчаянно галдя,
Затеяли смешную перебранку.
И в ожиданьи тёплого дождя
В логу раскрылся ландыш спозаранку.

Весна

Закончились зимние стужи,
На смену им – гостья-весна!
Ворона купается в луже,
Довольно процессом она.

По клюву, по перьям стекая,
На солнышке капли блестят.
– Купальный сезон открывает! –
Прохожие все говорят.

Весёлая птица-синица
На веточке песню поёт.
Вниз с крыши капелью струится
Усталый, подтаявший лёд.

Малиновские соловьи

Соловьи в Малиновке поют...
Может, им до курских и далёко,
Только спать ночами не дают –
Люди распахнули створки окон.
Наполняет души птичья трель,
Сердце в сладкой неге замирает.
Летних дней цветная акварель,
Кажется, и в воздухе витает.

Пусть ещё крадутся холода:
Ведь в Сибири часто так бывает.
И ночная яркая звезда
С неба нам приветливо мигает.

Юность отзвенела, улетев,
Вот седая старость на пороге...
Только соловьиный тот распев
Гонит прочь заботы и тревоги.

Пусть часы уже двенадцать бьют...
Соловьи в Малиновке поют.

Цветёт калина

Вот калина цветёт... Что за диво!
В лёгком платье из белых кружков!
Свежий ветер уносит игриво
Стаи нежных цветков-лепестков.

По утрам лёгкий иней на травы,
Кое-где замерзает вода.
Человеческой нету управы
На калиновые холода.

Тёмно-синей весенней ночью
Посреди ароматных ветвей
Просто слушай его, неумолчно,
Всех волнуя, поёт соловей.

Вне времён белой пены кипенье!
Тихо гаснет ночная звезда...
Как закон: на калины цветенье
По Сибири идут холода.

***

Мелкий дождь стучит по скатам крыши,
И до нитки вымокли кусты.
Здесь, в саду, зелёной жизнью дышит
Торжество весны и красоты.

Тьма ночная обняла природу.
И сирень, как облако, цветёт.
Даже и в дождливую погоду
Соловей без устали поёт.

Пусть на спину сыплются дождинки,
Но любовь всегда преград сильней.
Нет милее для меня картинки:
Ночь. Весна. Поющий соловей.

Летние дни

У реки на крутом косогоре
В пряных запахах сонной травы
Вновь с июнем целуются зори
Под восторженный шёпот листвы.

В соловьиных нежнейших руладах
Пролетает короткая ночь.
Здесь вливается в сердце отрада,
И уходят все горести прочь.
Шёлком трепетным стелются травы.
За горой просыпается гром.
Вдалеке, у речной переправы,
Дремлет, тихо качаясь, паром.

Птичий хор славит тёплое утро.
Отцвели белой пеной сады.
Над водою блеснёт перламутром
Рыбка, прыгнув свечой из воды.

Лета дни коротки, быстротечны,
Но запомнит душа красоту,
И небес голубых бесконечность
Нам подарит о счастье мечту.

Облака

Легчайшей тенью облака скользили
И громоздились чёрною грядой.
К полудню гулким ливнем исходили,
Туманом расстилаясь над водой.

Раскидываясь башнями в полнеба,
Плывя в недостижимой вышине,
Как будто бы рассказывали небыль
О райской чужедальней стороне.

Огнём горя при отблесках заката,
Румянясь зорькой при рожденье дня,
В страну мечты, откуда нет возврата,
Плывёте, вечно за собой маня.

***

В звенящей летней тишине
Белеют по лугам ромашки.
В прозрачной неба глубине
Стрижи играют в догоняшки.

Влечёт прохладою река,
Полощет косы спящим ивам.
Лучи скользят сквозь облака
По белоснежным лёгким гривам.

А сосен медные стволы
Сочатся липкою живицей.
И лету красному хвалу
Возносят щебетаньем птицы.

Твои глаза

Твои глаза мне долго будут сниться.
Бесстрашный сокол, прочь скорей лети!
Я буду тихо за тебя молиться,
Но в этой жизни нам не по пути.
В сетях предательств, в сумерках обманов
Найти так трудно верные пути.
Была любовь у нас какой-то странной,
Но лучшей, к сожаленью, не найти.
Звонкоголосых песен не допели.
Меж нами словно выросла стена.
Друг другу души так и не согрели –
И это наша общая вина.
Пусть по ночам тебе спокойно спится.
Терять больнее, чем приобрести.
Пока я буду за тебя молиться,
Земные не закончатся пути.

Осинники

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность.

В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер, полковник ВВС в отставке. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт, прошедший через тексты технического и служебного характера, перерос в литературно-художественные произведения.

С 1998 года, на протяжении трёх лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» в Прокопьевске. С 2007 года – редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усятская россыпь».

Он был строгим и весёлым

На литературный конкурс, посвящённый 95-летию СибГИУ/СМИ

(Очерк)

Человеческая жизнь длинна и коротка одновременно, сколько бы человек ни прожил. Сколько всего вмещается в неё? Детство, юность...

ГУЛЯЕВЫ переехали в Кузнецкий край с Орловщины в 1908/1909 году добровольно, по Столыпинской реформе. Снялись всем родом. Старшим среди них был Иван Григорьевич Гуляев (1840 года рождения, ориентировочно), сельский учитель. Но решение на переезд принято было не им, поскольку он был тогда уже стар и решился на переезд против своей воли, оттого, что так решили его дети, в основном, сыновья Василий Иванович и Роман Иванович (1865-го и 1869 годов рождения, соответственно), к решению которых присоединились и дочери Ивана Григорьевича: Наталья Ивановна и Арина Ивановна – незамужние на тот момент.

Ехали на лошадях целый год, многие старики в дороге умерли. В 1909 году у Романа Ивановича на весеннюю Николу родился сын, которого нарекли именем Святого – Николаем.

Потомкам тех переселенцев до сих пор непонятна причина столь радикального изменения жизни их пращурами: толи настолько плохо им жилось на прежнем месте, толи настолько сильной была агитационная работа с большими обещаниями, что они поддались на них? В памяти потомков осталось лишь то, что говорили переселенцам перед их переселением: «В Сибири пышки на деревьях растут!». Это после переезда не подтвердилось! Да и каких-то особых привилегий в местах новых поселений переселенцы не получили, поскольку и тут всё было уже занято их предшественниками, старожилами, называвшими себя «чалдонами». Они жили в этих местах уже не одно столетие и пренебрежительно называли новых переселенцев «расейскими», у которых и говор-то отличался от местного.

В отличие от отца, Василий Иванович и Роман Иванович по прежнему месту своего жительства занимались промышленными ремёслами, хаживали в Донбасс (в Юзовку и Горловку), где работали на угольных и металлургических предприятиях. Оттого и по приезду в Кузнецкий уезд занялись этим же нелёгким делом. Василий Иванович трудоустроился в угледобывающую артель и в последующие годы принимал участие в строительстве будущей шахты «Коксовая» (в Прокопьевске). Роман Иванович занялся кузнечным ремеслом в частном деревенском секторе, сделал свою кузницу и выполнял в ней все деревенские нужды по железным делам: кому прохудившийся самовар починить, кому поменять железные обода на телеге или полозья на конных санях, кому чего-то ещё.

В 1930 годы Василий Иванович решился ещё на один переезд – уехал со всей семьёй ещё дальше, в Киргизию, на строительство угольных шахт. Там и осели его потомки на дальнейшую жизнь.

Семейство же **Романа Ивановича** поселилось в Кузнецком уезде, в селе с непонятным названием Усяты. И проросло здесь корнями. На самом верху левобережного усятского Пимушки-

нова мыска установил Роман Иванович кузницу и постукивал в ней молоточками, чем и жила его семья.

Роман Иванович, как он сам говорил, был ровесником В.И. Ленина, грамоте был обучен, читал газеты и интересовался политикой. Умер буквально перед самым началом Великой Отечественной войны, предсказывал, что новая война с германцами будет обязательно!

Семья у Романа Ивановича была небольшая, как и у отца, четверо детей: три дочери (Татьяна, Наталья и Анна) и сын – Николай, родившийся в дороге при переезде в Сибирь.

Николай Романович с ранних лет и до самой смерти отца работал вместе с ним и под его началом, был помощни-

ком и учеником отца во всех его делах. Женился Николай Романович в двадцать с небольшим на чалдонке, соседовской дочери, без благословения её родителей.

В конце лета 1931 года в их семье родился первенец, сын Виктор. А в конце 1931 года Николая Романовича призвали на действительную военную службу в Красную Армию, на два года. Военную службу проходил он на Дальнем Востоке, где приобрёл и новую специальность шофёра.

Пока Николай Романович проходил действительную военную службу, жена его жила в доме его отца Романа Ивановича, под его контролем и присмотром за воспитанием подраставшего сына Виктора, которого дед Роман очень любил, боготворил и превозносил над всеми остальными своими внуками, детьми дочерей. Отчего Виктор с самого раннего возраста начал осознавать своё главенство над остальными двоюродными братьями и сёстрами не только по отцовской линии, но и по материнской, которых у него тоже было много.

Рос Виктор шаловливым и азартным мальчуганом, постоянно выдумывал какие-то игры и чудачества в своей компании. Когда учился во втором или третьем классе Усятской неполной средней школы, зимой, катаясь вместе со своими друзьями на санках с Сибирьгинской горы, так увлёкся этим делом, что перестал ходить в школу. И когда его матери сообщили об этом посторонние люди, то было уже поздно – уроков было пропущено столько, что директор школы вынужден был оставить его на повторный год обучения в том же классе. Раздосадованная мать отлупила тогда старшего сына за его прогулы в школе. За что получила серьёзные выговоры и нагоняй от свёкра за грубое и недопустимое обращение с его лучшим внуком.

С началом Великой Отечественной Николая Романовича повторно призвали в Красную Армию в первые дни июля 1941 года как воина запаса 1-й категории, имеющего военно-учётную специальность военного шофёра.

Виктору на этот момент было 10 лет от роду, и он, по-настоящему, стал старшим мужчиной в семье родителей, в которой к этому времени было уже четверо детей: сёстры Нина и Люба, родившиеся, соответственно, в 1934-м и 1937 годах, и годовалый братишка Юра, родившийся в мае 1940 года.

По повторному призыву на военную службу Николая Романовича вновь направили на Дальний Восток, где он проходил воинскую службу шофёром сапёрного подразделения одной из воинских частей советской группировки войск, противостоящей миллионной Японской Квантунской армии. Но в связи с критической военной обстановкой, создавшейся на подступах к Москве к октябрю 1941 года, его воинское подразделение передислоциро-

вали на запад, в Подмосковье – на Западный фронт, в состав одной из Сибирских Дальневостчных армий, где Николай Романович и начал свою фронтовую военную службу в должности шофёра сапёрного батальона.

В конце 1942 года, при прокладке военной дороги под Старой Русой, Николай Романович случайно наступил на противопехотную вражескую мину, взрывом ему оторвало ступню левой ноги.

При операции в военно-полевом госпитале ему ампутировали воспалившуюся часть голени левой ноги, чуть ниже коленного сустава. После чего отправили санитарным поездом в другой военный госпиталь, дальше от линии фронта. Таким образом, во второй половине осени 1943 года санитарный поезд привёз Николая Романовича в его родной город Прокопьевск для окончательного долечивания в одном из военных эвакуационных госпиталей, расквартированных в городе.

Пока отец воевал на фронте, в непростое и голодное военное время совсем уже подросший Виктор руководил домочадцами по хозяйственным делам, которых в их доме было немало, поскольку жили они в частном доме, в сельской местности и держали в домашнем хозяйстве корову, овец, поросёнка и домашнюю птицу. Да и огород их частного подворья был более двадцати соток, на котором выращивали в основном картошку.

Со слов Любови Николаевны, второй младшей сестры, Виктор, организовывая выполнение всех домашних дел младшими сёстрами и подрастающим братом, держал себя с ними строго, но справедливо: сам работал наравне со всеми. Строгость его, как теперь думается мне, была характерна для поколения ДЕТЕЙ ВОЙНЫ – время было суровое и дети росли суровыми, порой даже – жёсткими. Что имело место быть и в нашей родительской семье: старшая сестра Нина Николаевна, которая была моложе Виктора всего лишь на три года, была тоже волевой и твёрдой по своему характеру и не признавала главенства старшего брата над собой, сама старалась руководить младшими сестрой и братом по своему усмотрению. Что, вероятно, не нравилось Виктору. Однажды, когда Нина наводила порядок в родительском доме (мыла полы и так далее), Виктор бесцеремонно повёл себя по отношению к ней (толи в грязной обуви прошёл по только что вымытому Ниной полу, толи ещё по какой-то причине), Нина возмутилась: отчего Виктор цикнул на неё. Что ещё сильнее возмутило Нину, и она, не задумываясь, выплеснула на старшего брата ведро воды. Что возмутило до предела Виктора, он схватил висевшую на стене верёвку и связал ею по рукам и ногам младшую сестру.

ДИПЛОМ

Студент Гуляев В.Н. (слева) с друзьями

Но, вообще-то, в плане дисциплинарной практики отец очень строго относился к поведению детей как между собой, так и вне дома. В частности, когда произошёл подобный случай, теперь уже между Ниной и младшим её братом Юрой. Когда Юра в магазине попросил Нину купить ему наручные часы (или добавить какую-то сумму денег к имеющимся у него деньгам) и Нина отказала ему, то Юра отругал её. Узнав об этом, безногий отец «отвалтузил» Юру коромыслом, вероятно, первым, что попалось ему под гневную руку!

В отношении Юры Виктор тоже был очень строг. Хотя в памяти родительской семьи не сохранилось информации, бил ли Виктор Юру за его проступки? Которые у младшего брата, естественно, были; но контроль за поддержанием идеального порядка в стайке, что было вменено Виктором в обязанности младшего брата (можно сказать, с пелёнок), осуществлялся постоянно, вплоть до его ухода из родительского дома в самостоятельную жизнь. Учась в институте в Сталинске, приезжая домой лишь на выходные дни, Виктор первым делом заходил в стайку и проверял там порядок, после чего шёл уже домой.

Зная это, Юра всю неделю мог не заходить в стайку, но перед приездом домой старшего брата наводил там идеальный порядок.

Летом 1943 года, больным и безногим, вернулся Николай Романович с войны. Летом 1944 года родилась в его семье третья дочь – Зоя, а в начале весны 1951 года родился и третий сын, Толя (то есть я).

В начале лета 1956 года Николай Романович умер, на 48-м году жизни.

В 1947 году Виктор окончил семь классов Усятской неполной средней школы, а в 1950-м Прокопьевскую среднюю общеобразовательную школу № 9 (на Берёзовой роще, где он учился три учебных года: 8-й, 9-й и 10-й классы, ходил туда ежедневно километров по шесть в одну сторону, зимой и летом).

В родне у нас и с отцовской, и с материнской стороны были военные, офицеры, участники ВОВ: лётчик и общевойсковик. Возможно, поэтому, после окончания учёбы в средней общеобразовательной школе Виктор захотел поступить в военное училище. Но по приезду туда не прошёл медицинскую комиссию, якобы, по зрению. Вернувшись домой после неудачной попытки поступления в военное училище, сдал документы в приёмную комиссию Сибирского металлургического института (СМИ) в Сталинске. На этот раз, сдав успешно вступительные экзамены, был зачислен на электромеханическое отделение горного факультета института. Институт окончил в 1955 году и получил специальность горного инженера-электромеханика. А за год до окончания института женился на полюбившейся ему девушке Галине Александровне, жительнице города Сталинска. В год окончания института в их молодой семье родилась дочь, Ольга.

Гуляев В.Н. в рабочем кабинете

После окончания института Виктор Николаевич был направлен в угольный трест «Киселёвскуголь», оттуда – на угольную шахту «Тайбинская», где проработал несколько лет механиком подземного угледобывающего участка, затем перевёлся с повышением на угольную шахту имени Димитрова в город Сталинск.

В начале 1960 годов в Киселёвске был назначен директором шахты «Суртаиха» Зайцев Анатолий Павлович, с которым Виктор Николаевич Гуляев работал на шахте «Тайбинская». Став директором шахты «Суртаиха», Зайцев А.П. пригласил туда на работу Гуляева В.Н. главным механиком шахты. С предложением Зайцева Гуляев согласился.

Киселёвская угольная шахта «Суртаиха» была основана 29 декабря 1939 года на базе переведённого с шахты № 1-2 подземного участка. При небольших капитальных затратах шахта имела богатую перспективу. Про-

ектная мощность составляла 600 тысяч тонн угля в год. При этом шахта отрабатывала угольные пласты крутого падения, имея щитовую систему добычи угля.

Как сказано в исторической справке, Киселёвская угольная шахта «Суртаиха» никогда не имела более-менее приличного административно-бытового комбината, зато работниками этой шахты были поставлены несколько Всекузбасских и Всесоюзных рекордов.

В годы ВОВ шахта работала с перевыполнением планов. При этом в 1958 году на шахте «Суртаиха» была самая низкая в Кузбассе себестоимость добываемого угля и лучшая производительность труда на одного рабочего – более 75 тонн в месяц. В марте 1960 года был поставлен новый рекорд Кузбасса – достигнута производительность 104,6 тонны на одного рабочего в месяц. Максимальная добыча на шахте была достигнута в 1961-1963 годах. Это были лучшие показатели не только по тресту «Киселёвскуголь», но и по всему Кузбассу.

В начале 1960 годов Виктору Николаевичу Гуляеву был выделен, по распределению, новый автомобиль «Волга» (ГАЗ-21), голубого цвета, с бегущим оленем на капоте автомобиля. Событие это стало в родных его Усятах знаковым и знаменательным, поскольку личных автомобилей в родне и в округе до него никто не имел. Поэтому, когда Виктор Николаевич приезжал в родительский дом на новеньком автомобиле, туда стекались и оставшиеся в Усятах друзья его детства, и родственники, и соседи, и просто какие-то знакомые.

Многим, изъявившим желание прокатиться на новенькой «Волге», Виктор Николаевич разрешал. Некоторое время спустя личная машина главного механика шахты «Суртаиха» стала использоваться и по нуждам производственной необходимости.

На ней, кроме хозяина, стали ездить и подчинённые Виктора Николаевича, которые несколько раз разбивали машину. Отчего на базе ремонтных мастерских шахты был организован и «ремонтный участок» автомобиля главного механика шахты.

Несмотря на ответственную работу и занятость, Виктор Николаевич не забывал и о родительском доме, продолжал принимать личное участие в важных сезонных работах, особенно при осенней копке картофеля, когда требовалось не только выкопать из земли созревшие клубни, но и перенести их в мешках к дому со старых дальних огородов.

К сорокалетнему возрасту Виктор Николаевич оставался в родительском доме и в кругу друзей всё тем же шкодливым усятским пацаном, как и прежде, любил весёлые гулянки в компаниях своих многочисленных родственников. Где, нередко, устраивал и недопустимые для других свои «шутки».

Однажды на свадьбе двоюродной сестры он связал бельевой верёвкой по рукам и ногам спящих на полу новых и старых своих родственников. После этого, вместе со своим лучшим другом, мужем двоюродной сестры, залез на крышу дома дядюшки (выдающего замуж свою дочь) и, гремя там вёдрами и тазиками, начал требовать немедленной доставки ему на крышу «откупную»: выпивку с закуской, в противном случае грозился приступить к разборке кирпичной печной трубы дядюшкиного дома. В другой раз, когда гулянка была уже в его родительском доме и уставшая за день родня улеглась вповалку на отдых, Виктор, всё с тем же дружком, залез на чердак отчего дома (в крышу), натянул там (невесть откуда появившуюся) палатку, провёл туда свет и продолжил пиршество, как султан, до самого утра. Вызывал туда к себе «на ковёр» то одного своего дядюшку, то другого. А когда начало светать, предложил компаньонам пойти «побраконьерничать, пока рыбнадзор спит» (то есть, я): тайком взяв имевшийся у меня маленький бредешок, они «процедили» им все имевшиеся вблизи нашего дома водоёмы (канавы и прочее), наловили два ведра больших и малых карасей, разведённых там мной и моим соседским другом.

Любил Виктор возить на машине своих тётушек и дядюшек по прокопьевским и киселёвским кладбищам, навещать могилки похороненных когда-то там наших родственников. При этом любил ловить «словеса», сказанные кем-то из стариков, после чего всегда подтрунивал над их авторами. Однажды, ведя разговор со своим дядюшкой о его болезнях, поинтересовался медицинским диагнозом его заболевания: «Таберканея» у меня», – ответил дядя, хотя болезнью его была «гипертония». А однажды и мама Виктора выдала очень понравившееся ему слова, как бы хваля старшего сына, она изрекла такой словесный перл: «Виктор наш такой простой, такой простой, ну прямо – прощелыга!», – что тоже очень развеселило его.

Гуляев В.Н. с женой Галиной

Гуляев В.Н. с Гуляевым А.Н.

На работе он сплотил своих непосредственных подчинённых: механиков участков и прочих, отмечал вместе с ними Дни шахтёра и другие знаковые торжества, в том числе и у себя на квартире. Нередко привозил кого-то из них и в родительский дом, угощал их по какому-то случаю. Позднее я стал понимать, что это были не какие-то пьянки с подчинёнными, а его благодарность им за их непростую шахтёрскую работу, поскольку на шахте (возможно, как и везде) бывает всякое. Однажды на скиповом шахтовом подъёме оборвался канат, и скип упал в шахту со всеми вытекающими последствиями. Сегодня можно только предположить, что было после этого в этом шахтовом стволе, и какие работы делались там после этого!

Когда я в первый раз в жизни поехал самостоятельно с Прокопьевского железнодорожного вокзала в Ачинск поступать на учёбу в военное училище, Виктор приехал на вокзал провожать меня в армию. На прощание пожелал, чтобы обратно я не возвращался, как он когда-то.

Я исполнил его пожелание, поступил на учёбу. А ровно через год, приехав домой, в первые летние курсантские каникулы, застал его в родительском доме сидящим за столом и плачущим навзрыд. Что до сих пор мне непонятно: при большой строгости с младшими братьями и сёстрами, он был и сентиментальным, и слезливым. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что я не помню ни одного случая из детства, когда он хотя бы строжился надо мной.

Возможно, это оттого, что он был старше меня на двадцать лет и в то время у него была уже своя семья и дочь, почти ровесница мне. Хотя, возможно, и то, что к этому времени характер его значительно изменился в сентиментальную сторону.

В августе 1972 года, после окончания военного училища, молодым лейтенантом я единственный раз в жизни присутствовал со своей женой на праздновании очередного дня рождения моего старшего брата, на котором присутствовало много его товарищей по работе. А через месяц, едва успев приехать к новому месту службы, получил телеграмму о его гибели: 10 сентября 1972 года Виктор, как всегда, участвовал в копке картофеля на родительском огороде. После завершения всех работ, отказавшись от ночёвки в родительском доме, сказав, что завтра с утра ему нужно быть на работе, пошёл пешком из родительского дома в сторону Красной горки. Ночью того же дня его нашли мёртвым на обочине дороги, недалеко от Усятского железнодорожного переезда с проломленной головой. В это время в Усятах прошёл сильный дождь, оттого причина его смерти так и не была раскрыта и является тайной до сих пор!

После похорон Виктора Николаевича многие годы в день его смерти в родительский дом к его маме, приезжали его товарищи по работе, да и шахта оказывала несколько раз материальную помощь постаревшей маме, привозила и строительный лес для ремонта её дома.

С годами в жизни людей много чего изменилось, время стёрло из памяти бывших товарищей Виктора Николаевича и память о нём, да и угольная шахта, на которой он работал более десяти лет и болел за неё душой, закрылась. И только краткую справку о ней, да кое-какие фотографии можно разыскать сегодня в Интернете.

Играючи, как молодой шалун, прожил свою единственную и короткую жизнь (погиб на 42-м году жизни) мой старший брат Виктор. Играючи же и погиб, как молодая и сильная птица на взлёте! Много хороших дел он мог бы ещё сделать для себя и для своей семьи, и для людей, и для Родины.

Но, увы...

Давно это было и прошло, а сердца его родных и близких помнят и скорбят о преждевременном и нелепом уходе из жизни Виктора Николаевича Гуляева и поныне.

Виктор ДАВЫДОВ

Виктор Иванович Давыдов, член Союза журналистов России, более сорока лет трудился на предприятиях угольной промышленности и непосредственно в шахте подземным электрослесарем, горным мастером, награждён знаком «Шахтёрская слава» Ш степени, является автором книг "Шахта «Центральная» (№ 3-3-бис)», «Шахтёрские истории», «Иван Борисов – первый стахановец Кузбасса», «Открытчики – покорители недр», «Единый коллектив». Соавтор книги «Прокопьевск – жемчужина России».

«Шахтёрские истории» - это рассказы о жизни людей, с которыми знаком автор. Виктору Давыдову удалось через конкретных людей, конкретные события, зачастую экстремальные, а порой и забавные горняцкие ситуации, осветить все грани многосложного угольного производства. Он очень тепло, уважительно говорит о людях, о сплочённости шахтёров, взаимовыручке, взаимоуважении.

Добрые сказки от дедушки Вити

Мальчик и облачко

Интересная есть страна – Облачколандия. Она находится вон там, сразу за горизонтом. Ты же видишь чуть ли не каждый день облака на небе. Вот онито все и живут в той самой стране, Облачколандии. Мы, люди, редко обращаем внимание на облака, всё больше смотрим себе под ноги. А облака, напротив, внимательно вглядываются в нас, смотрят, чем занимаемся.

Большие облака-тучи трудятся, приносят летом воду, поливая поля, луга, леса, зимой дарят снег, прикрывая им землю от морозов и доставляя детям радость – катайся, сколько хочешь, на санках и лыжах. А маленькие Облачата, ну, точно как дети, так и норовят от старших ушмыгнуть, разбегаются по небу во все стороны, любопытствуя, что там на Земле интересного происходит?

Видишь вон то Облачко, что зависло над городским садом? Замерло на одном месте. Тихо подплыла к нему большая светло-серая Туча. Наверное, мама. Коснулась до Облачка.

– Ты что-то заигрался! Домой пора, поздно уже, да и покушать время.

– Подожди, – отвечает ей наше Облачко, – слышишь, кто-то плачет?

И действительно, ветерок доносил тихий детский плач. Значит, там, на Земле, кому-то плохо. Облачата стремительно рассыпались по сторонам, вглядываясь вниз.

– Вижу, вижу! – закричало Облачко, – это мальчик!

В глубине пустого сада на скамейке сидел мальчик и горько плакал. Да и как не плакать, если он долго ходил по большому саду, но нигде не мог найти свою маму? И как он только умудрился потерять её? Отошёл совсем чуть-чуть, когда мама разговаривала с тётей.

– Надо выручать, – решило Облачко, – вы ищите его маму, а я успокою малыша.

И Облачко тут же начало вытворять такие чудеса, что малыш просто не мог не заметить: оно ловко превратилось в забавного медвежонка, затем в петушка! Смотрите, а вот и сам Буратино с его длинным носом!

А остальные Облачата закружились над городом в поисках потерявшейся мамы и вскоре увидели: идёт красивая молодая женщина с заплаканными глазами, радом полицейский – сержант.

– Это же она, она! – засуетились облачата.

Но как же рассказать ей, что сынишка совсем рядом, в саду?

– Эй, Пёстренький, – закричали они пролетавшему мимо воробышку, – надо помочь малышу Максимке. Видишь, это его мама, она не может его найти.

– О! Я знаю Максимку, – ответил воробушек, – он хороший. Зимой всегда угощает нас вкусными зёрнышками. Обязательно помогу.

Пёстренький кинулся к Максимкиной маме, закружился над её головой и сел на асфальт прямо под ноги, отчаянно кивая головкой и громко чирикая.

– Что за странный воробей? – удивился сержант. – Не боится, что наступим на него.

– Постойте, – сказала мама, – это неспроста, он что-то хочет нам сказать.

А Пёстренький отлетел немного в сторону и вновь зачирикал, всем своим видом приглашая следовать за ним.

– Он наверняка знает, где мой Максимка, – сказала женщина.

– Эй, Облачата, – вычирикивал воробей, – показывайте поточнее дорогу.

– Сюда, сюда, – подсказывали Облачата, – вот по этой дорожке. Он здесь, на последней скамейке.

Воробушек прыгал и перелетал, а женщина спешила вслед за ним. Недоверчивый полицейский не отставал от них.

– Максимка! Мой Максимка! – обрадовалась мама и кинулась к малышу.

– Просто невероятно, – только и мог сказать полицейский.

А Максимка сидел на скамейке, смотрел на Облачко и смеялся.

– Ой, мамочка пришла, – обрадовался он, – посмотри, мама, какое облачко.

Но мама расцеловала сына, взяла его за руку и взглянула вверх.

– Ну, что там особенного? Облачко как облачко, пойдём поскорее домой.

Ручеёк

Из-под огромного снежного сугроба появился маленький Ручеёк, посмотрел вокруг, взглянул в синее небо и побежал вприпрыжку с камешка на камешек.

Неожиданно остановился, закрутился на одном месте, подпрыгнул. Да как снова побежал!

Тренькает, звенькает. Ручеёк и не заметил, что на его дороге встал Камень. Тяжеленный, огромный. Важно так развалился поперёк лесной тропинки.

Ударился об него Ручеёк, заметался: в одну сторону, в другую, но камень всюду дорогу заступает.

Заплакал Ручеёк.

– Пропусти меня, Камень. Нельзя мне на месте стоять – жизнь моя в движении.

Ничего не ответил Камень, только злорадно усмехнулся.

Забился Ручеёк из последних сил, как вдруг услышал рядом звонкий голосок: «Держись, дружок, я тебе помогу!».

Смотрит, на помощь к нему спешит точно такой же, как и он, ручеёк. Навалились они дружно на Камень.

Камень только ухнул и скатился в ямку, «там тебе и место, не стой на дороге у беспокойных». А наши друзья взялись за руки и побежали вместе, извещая всех: «Весна идёт!»

Со всех сторон к ним устремились со склонов новые ручейки.

– Нас возьмите!

– Поскорее, – весело откликался наш Ручеёк.

И вот уже Ручеёк, соединившись со многими ручейками, набрал такую силу, что теперь уже никакие камни не страшны. Он по-прежнему вызванивал свою песню.

Лес слушал песенку Ручейка и покрывался зеленью. Жаворонок, слушая его, вторил звонкой трелью.

Солнце слушало и улыбалось так приветливо, что всем стало понятно: прав Ручеёк – действительно, Весна пришла!

Сосна

В кругу осинок, ёлочек, берёз росла Сосёнка. Год от года становилась стройнее, красивее, вытягиваясь вверх своей вершинкой.

Приподнявшись, стала поглядывать на подружек сверху. И не заметила, как загордилась.

Подружки старались затянуть Сосёнку в свой хоровод, но она, высокомерно отвернув от них свои хвойные ветки-лапки, делала вид, что совершенно не замечает их.

Обиделись подружки и отступили в сторону от неё.

А Сосёнка меж тем стремилась всё выше и выше, превращаясь в могучую Сосну, никого не замечая в гордом любовании своей красотой.

К одному лишь стремилась – быть поближе к солнцу. Чтобы издалека бросалась в глаза путников её красота и могущество.

Летели годы.

И вдруг однажды, оглянувшись вокруг, она увидела, что нет рядом подружек.

Далеко они убежали за овраги-буераки, за поля хлебные. Переговариваются о чём-то весело. Позабыли, позабросили свою подружку гордую.

Грусть-тоска закралась в сердце Сосны. Вдруг захотелось поделиться с кемнибудь своими думами грустными.

Летели годы.

Тяжело в одиночестве переносить грозы и бури. Позавидовала она лесному семейству, как дружно они держались перед напором урагана-ветра, сильного и неожиданного.

...Выйдите на минуту из дома, оглянитесь вокруг. Видите, с одной стороны сплошной лес, переходящий в тайгу. Это дружная семья деревьев.

А там, за широким полем, далеко в стороне от леса, одиноко стоит сосна. В молчаливо-страстном порыве распростёрла она свои могучие ветки-руки в сторону уходящего от неё леса.

Посмотрите внимательно, и в вашей памяти навсегда останется этот молчаливый жест отчаяния.

Людмила ИВАНОВА-ВЫГЛОВСКАЯ

Людмила Иванова-Выгловская новокузнечанка. Родилась в январе 1940 года. Начала писать в 40 лет. В свободное время пишет стихи на разные темы. На протяжении многих лет была внештатным корреспондентом газеты «Металлург», печаталась под псевдонимами «Л. Николаевская» и «Л. Выгловская». Публиковалась в газетах «Горняцкая солидарность», «Губернские новости», в литературно-художественном альманахе «Озарение». Её стихи вошли в сборники поэзии «Мелодия души», «Гармония слова», «В сахарном инее гроздья калины», «Россия - Родина моя».

Автор сборника «Кузнецкие мотивы». Принимает активное участие в мероприятиях своего города.

Быть счастливой

Ностальгия

Не могу... Я давно отлетала,
Не пугает меня высота.
Не парить мне, как раньше бывало –
Я ведь с возрастом стала не та.
Мои крылья давно уж ослабли
И энергия тоже не та,
Молодая, как птица, летала,
Испарилась моя красота.
Ещё с детства любила берёзки,
Я в деревне жила с малых лет.
И в подушку пролитые слёзки
От людей я скрывала – секрет.
Не купалась ни в море, ни в счастье,
Хоть и долгую жизнь прожила.
Было всё как в природе – ненастье,
Было солнышко и тишина.
Я люблю и людей, и свой город,
И закаты, и ранний рассвет,
С каждым годом находится повод
Быть счастливой на старости лет.

В мечтах о море

Я нарисую облако и море,
Песчаный пляж весь в гальках и камнях,
А там, вдали, за горизонтом – горы
И стаи чаек с крыльями вразмах.

Песчаный пляж...полным-полно народу,
Визг ребятни, ныряющей в волнах...
И стоит только окунуться в воду –
Потом не выйдешь из неё никак.

Наверное, Америк не открою,
Когда восторг повсюду, «Ох» и «Ах»,
Так хочется отчаянно порою
Всю эту прелесть передать в холстах.

Когда мечтаю, вырастают силы,
Как чайка, я летаю в облаках.
Поверьте, нарисую всё красиво,
А вот себя – нет смелости никак.

Идут года

Идут года, не спрашивая, сколько,
И головы покрыла седина,
Чуть грузная и важная походка –
Ненужная всем старость к нам пришла.

Ещё недавно были ребятишками,
Учились в школе, ходили мы в кино,
В библиотеку бегали за книжками,
Как будто бы недавно и давно.

Гуляли по проспекту Металлургов,
Свиданья назначали у часов.
И девушки совсем без «штукатурки»
Влюблялись в наших милых молодцов.

Строители, шахтёры, металлурги,
Все танцевали вальс или фокстрот,
Краснели щеки, развевались кудри
И дружеский был слышен хохоток.

Как быстро эти годы пролетели,
И разлетелись кто куда друзья.
Жизнь крутится, как будто в карусели,
Все изменилось так же, как и я.

Теперь у нас и правнуки, и внуки,
Надежда наша, продолженье нас,
От старости больные ноги, руки,
Не прожитых годочков мал запас.

О, Боже, Боже! Помоги нам всё же
В достатке, радости дожить года,
Любуясь внуками – прекрасной молодёжью,
Те годы вспоминая иногда.

Мама

Ты, ветер, память не студи,
Я помню мамину улыбку,
Когда, прижав меня к груди,
Дитя качала словно в зыбке.

Ночами тоже не спала
И слезы часто проливала,
А я была малым-мала
И ничего не понимала.

Но годы шли...и как всегда
Меня ты в школу провожала,
И как желала в те года,
Чтоб я красавицею стала.

Не понимала я тогда
Твои желанья и надежды,
И думала, что красота
В одной улыбке и одежде.

Всё это может быть и так.
Но для меня ты в целом мире –
Одна единственная мать,
И для меня ты всех красивей.

Шахтёрам, погибшим на Зыряновской шахте

Ужасный был взрыв на Зыряновской шахте,
Погибло трагически много ребят.
В тот день заступили на вечную вахту,
И им никогда не вернуться назад.

Ох, сколько же много вас, милых, погибло!
Ох, сколько же боли досталось родным!
Она чёрной тучей над нами повисла.
Как горько таким уходить молодым!

Какое же горе и детям, и жёнам,
Как больно всё видеть, вдвойне – матерям,
Заплачешь, завоешь, как волк, поневоле,
Ведь надо их деток учить и поднять.

Мучительно горько, обидно до слёз,
Шахтёрам-кормильцам пожить не пришлось.
Склонились берёзки в трагический час
И в траур оделся родной наш Кузбасс!

Судьба! Ты жестокой бываешь порой.
Зачем загубила народ молодой?
Ребята, родные, мы вас не забудем
И вечно живыми мы помнить вас будем!

Белая берёзка

Облетают листья с беленькой берёзки,
И трава желтеет, и растут стога.
Ветер мне испортил модную причёску,
Несмотря на возраст, на мои года.

Подойду к берёзке, обниму, родную,
И прижмусь к красавице, прислонюсь щекой.
Я люблю деревья, но её, такую,
Полюбила с детства, как свой дом родной.

С нею говорю я, с ней я улыбаюсь,
С ней делюсь я горем, радостью, мечтой,
Днём в лучах купаюсь и всегда стараюсь
Постоять в тенёчке, пошептать с листвой.

Ах, берёзка милая, до чего ж красивая,
Русская берёзонька, русская краса!
Дева белоствольная, про тебя, любимая,
Мне слагают песни даже небеса.

Прозрачный ручеёк

Стройные берёзки,
Рядом с ними сосны,
Белая черёмуха цветёт.
От горы тихонько
И журча незвонко,
Бьёт о камни струйкой
Чудный ручеёк.

Вдоль тропинки узкой,
Где трава по пояс,
Вновь я пробираюсь к ручейку.
Всласть воды напьюсь я
Вкусной, родниковой
И, как раньше, в детстве,
Песню запою.

Здравствуй, ручеёчек,
Как ты поживаешь?
Что ещё такого
Не сказал ты мне?
Знаю, мой хороший,
Ты по мне скучаешь.
Да и я скучаю тоже по тебе.

Посмотрю на небо,
Где щебечут птицы.
Небо голубое
Вижу в облаках,
Опустив ресницы,
Будем слушать оба
Мы небесных птиц.

Стройные берёзки,
Рядом с ними сосны,
Белая черёмуха в цвету,
Узкая тропинка
И трава по пояс...
Всё это знакомо
Мне и ручейку.

Женщинам – подругам

Милые женщины наши прекрасные,
Сколько нам радости в жизни дано!
Столько красивых и нежных, и ласковых,
Не перечислить всех ваших имён!

Всё в вас:
и ласка,
и нежность, и счастье,
И теплота ваших женственных рук.
Вы рождены, чтобы мир был прекрасен,
В доме тепло создавать и уют.

В годы войны без мужчин вы остались.
Надо работать, детишек растить.
Много забот вам и горя досталось.
Эту войну никогда не забыть.

Радуга

Радуга склонилась над рекой,
Округляя неба половину,
Разноцветным солнечным мостом –
Через речку Богом перекинут.

С восхищеньем путник поглядит:
Красотой природной чудо зреет!
Смотрит с замиранием, молчит,
Знает, что недолго оно светит.

Радуга из всех семи цветов
Наполняет красотою души.
Понимаешь, что уже готов
Этот мир, как музыку, послушать.

Голубое небо вокруг нас.
Синеву развеял тёплый дождик.
Красота чарует всех сейчас.
Я хочу быть радугою тоже.

О чём же шепчутся берёзки...

О чём же шепчутся берёзки,
От ветра листьями шурша?
И от росы роняют слёзки,
Как наша русская душа.

Вот так и люди...
Тоже плачут
От горя, радости, кручин.
И если слёзы,
– это значит,
Они не льются без причин.

Но время лечит. Лечит души.
И всё рассеет, как туман.
Вот и берёзы солнце сушит,
Как время –
призрачный обман.

Всё относительно, непросто.
Моря,
деревья,
человек...
Что Богом создано для роста,
То будет так из века в век.

Раздумье

Я достану забытые письма,
Прочитаю их несколько раз,
Вдохновенья появится искра:
Предо мною я вижу рассказ.

Строки стёрты с бумаги, как годы,
Незаметно уходят...и вдруг
Вспоминаешь судьбы повороты:
Не сумел, не успел, где мой друг?

А друзья разлетелись, как птицы,
Только память, что были и есть.
Улетело то время резвиться –
И друзей моих новых не счесть.

Все проходит: и детство, и юность.
И бальзаковский возраст прошёл.
Вместе с письмами нежность вернулась,
На душе стало всё хорошо.

Новокузнецк

Григорий АФАНАСЬЕВ

Григорий Михайлович Афанасьев родился в 1950 году в Прокопьевске. Вскоре семья переезжает в Калтан, где прошли его детство и юность. В его стихах отражается мир самого автора, они глубоко лиричны, затрагивают тонкие струны души читателя. В 2008 году он стал лауреатом конкурса «Шахтёрская слава», в том же году вышел его поэтический сборник «Зал ожидания», в 2010-м – сборник «Сигналы сердца». Григорий Михайлович является членом клуба любителей поэзии «Кедр».

Полёт облаков в небе синем

Прости

Не в пылу вдохновенья
Эти строки пишу,
Я у мамы прощенья
За обиды прошу.
Как все блудные дети,
На колени встаю –
Я отдам всё на свете
За улыбку твою.
Ты прости за страданья,
Что порой причинял,
Что так мало вниманья
Я тебе уделял.
За мои телеграммы,
Что терялись в пути,
Ты прости меня, мама.
Ты прости...Ты прости...
За сердечные раны,
Что болят от тоски,
Что твои очень рано
Поседели виски.
В том, что жизнь твоя драма,
Лишь себя я кляну.
Ты прости меня, мама,
За твою седину.
Ты прости, что прощенья
Никогда не просил,
Что одни огорченья
Я тебе приносил.
Что по жизни шагая,
Чуть не сбился в пути,
Ты прости, дорогая.
Если можешь, прости!

Моё сердце

Ты стучи, моё сердце, стучи,
Колотись до последнего дня.
Заклинаю тебя: не молчи,
Не гаси золотого огня.
С ленью дружбу свою не води,
Не дружи ни с хандрой, ни с тоской,
Бейся чётко и честно в груди,
Никогда не спеши на покой.
Если даже устанешь в делах,
Передышки себе не проси.
Блеска жизни в открытых глазах
Не гаси. Не гаси... Не гаси...
Ты стучи, моё сердце, стучи,
Не давай мне весною заснуть.
Пусть огонь твой, как пламя свечи,
Освещает мне жизненный путь.
Моё сердце – ты мой метроном,
Бейся в грудь до последнего дня,
Отмеряя и ночью, и днём
Мне частицы живого огня.

Любовь

Я чувствую невольную вину
За то, что не достиг ещё искусства,
Чтоб выразить словами глубину
Простого человеческого чувства.
Словами очень трудно передать
Пьянящий аромат весны в апреле,
Который заставляет нас страдать
Под звон неумолкающей капели.
Закружит вдруг удушливой волной,
Захочется и плакать, и смеяться.
А сердце переполнится весной
И перестанет нам повиноваться.
Высокое давление крови
Перешагнёт предельную отметку,
Так сильно бьётся сердце от любви,
Что может разорвать грудную клетку.
Могучая энергия огня
Живёт в любви. Нам надо лишь усвоить,
Что от неё не защитит броня,
Она вольна и разрушать, и строить.
Она влечёт магнитностью своей,
Соединяя родственные души,
Построить может храм в душе твоей,
А может вдруг легко его разрушить.
Она придёт, зови иль не зови,
Наполнит сердце маятой сердечной.
И больно станет сердцу от любви,
И сладко станет сердцу бесконечно.

Кузбасс

Я этой землёй и живу, и дышу,
Судьбу ей свою доверяю.
И с детства любовь в своём сердце ношу
К суровому этому краю.

Ты край мой родной, ты отчизна моя,
И радость моя, и отрада.
Мне сердце не греют чужие края,
Да этого мне и не надо.

Здесь юность моя отзвенела струной,
Здесь я и мужал, и трудился.
Любовь свою встретил однажды весной
И в жизни чего-то добился.

Здесь славу тебе добывает и честь
Шахтёрское дружное братство.
Прекрасные люди, живущие здесь,
Твоё основное богатство.

Ты в нашей стране не последнюю роль
Играешь своими делами.
А в угольной отрасли – просто король,
Гордится страна горняками.

Здесь рек красота и таёжная даль,
Полёт облаков в небе синем.
Кузбасс – это уголь! Кузбасс – это сталь!
Кузбасс – это сердце России!

Прощание с летом

Сегодня я прощаюсь с летом,
На сердце лёгкая печаль.
Уже не радует рассветом
Природы дремлющая даль.
Парит туман над речкой сонной,
Рассвет и холоден, и мглист.
Лишь изредка пожухлый лист
Слетит с берёзы обнажённой.
Не слышно больше пенья птиц,
Что так нас радует в апреле –
Ни соловья задорной трели,
Ни звонких посвистов синиц.
Глазами, полными тоски,
Прощаюсь с водами реки,
Что к морю катятся извечно
В своём теченье бесконечном.
На сердце навевают грусть
Деревьев голые скелеты.
Всё говорит: на праздник лета
Уже нескоро я вернусь.

Жажда жизни

Олень бежал, проваливаясь в снег,
Бежал к реке по лесу без дороги.
Всё тише становился трудный бег,
Всё чаще в снег проваливались ноги.
Он хрипло и прерывисто дышал –
С трудом давалась снежная преграда.
Он падал, но вставал и вновь бежал,
И уводил охотников от стада.
Как долго будет длиться этот бред?
Как долго он, спасая жизнь, проскачет?
Без сил, без остановки на обед
И даже без надежды на удачу.
Но он бежал, сбивая на бегу
С еловых лап зелёных груды снега.
Лишь замерзала пена на снегу
От этого немыслимого бега.
Олень спешил добраться до реки –
По льду его и пуля не догонит.
Он чувствовал взводимые курки
И близкое дыхание погони.
Вот он из леса выбрался на лёд,
И радостно душа его запела.
Рванулся из последних сил вперёд
И вырвался из прорези прицела.
Он мчался по ледовой целине,
Свобода окрыляла его душу.
Но выстрел запоздалый в тишине
Морозное безмолвие нарушил.
Казалось, этот выстрел роковой
Приблизил жизнь к смертельному исходу.
Но он остался всё-таки живой
И не упал, а лишь прибавил ходу.
Из раны на ноге сочилась кровь,
Но с каждым шагом прибывали силы.
Большая жажда жизни и любовь
Опять его от смерти уносили.

Зимний бал

Снова снег на землю пал
И засыпал лужи.
У зимы сегодня бал,
Ветер в вальсе кружит.
Понагнали небеса
Вьюги да метели,
Передрогшие леса
В зимний мех одели.
Закрутило, замело
Белою порошею,
А сугробов нанесло,
Как гостей непрошенных.
Все дороги, все пути
Завалило к лешему –
Не проехать, не пройти
Конному и пешему.
Утопает в снег нога,
След заносит вьюга.
И не встретишь ни врага
На пути, ни друга.
Только ветер, снег и тьма
Над землёю стелются.
Ах, ты, зимушка-зима,
Белая метелица.

Журавли

Облетают осины на осеннем ветру,
Догорают рябины, как костёр поутру.
Над широкою Волгой, над раздольем полей
В вышине слышен долгий,
звонкий крик журавлей.
В этом крике печальном боль разлуки звучит,
Словно кто-то прощально о любви говорит.
Удаляется песня над простором равнин,
В синеве поднебесья растворяется клин.
Из родимого края в неизвестную даль
Журавли улетают, изливая печаль.
На родное полесье льётся грусть свысока,
А весенняя песня, как весна, далека.

Весенний десант

Утихли в поле снежные метели.
Чутки и беспокойны стали сны.
Синицы по-весеннему запели,
Почувствовав дыхание весны.
А солнце поднимается всё выше,
Ручьями снег гоня со склонов гор.
Под каждою слезящеюся крышей
Сосулек перевёрнутый забор.
И пусть ещё катаются на санках,
А в печке по ночам горят дрова,
Но к солнцу на подтаявших полянках
Зелёная уж тянется трава.
Хотя ещё не близок праздник лета,
И нрав зимы ещё бывает строг,
Но жёлтые цветочки первоцвета
Прорвались на обочины дорог.
Они бойцы весеннего десанта,
Они всегда шагают впереди.
У каждого молоденького франта
Медалями сияют на груди.
Для них всегда найдётся в доме место,
Для них в сердцах не занят уголок,
И все потенциальные невесты
Вплетают их сегодня в свой венок.

Ароматы весны

Я люблю вспоминать тот далёкий апрель,
Как на талом снегу рисовал я узоры.
Над моей головой то свистел свиристель,
То сороки о чём-то вели разговоры.

Полной грудью дыша, я шагал налегке,
Лес уже позабыл про недавнюю стужу.
Лишь под палкой моей, что держал я в руке,
Звонко трескался лёд на закованных лужах.

Снег ещё не сошёл, не растаяли льды,
Но ручьи уж звенят, обнажая валежник.
И уже кое-где из-под талой воды
Белым чудом лесным показался подснежник.

Было радостно мне по просёлкам брести
И смотреть, как вокруг просыпалась природа.
Мне в сегодняшний день удалось пронести
Аромат той весны из далёкого года.

И теперь по ночам снятся дивные сны,
С громким пеньем синиц предвесеннего леса.
Этот солнечный день, как подарок весны,
Он мне силы даёт и спасает от стресса.

Сколько будет ещё дней таких у меня,
Будет много дорог, если жив ещё буду.
Только тот аромат от весеннего дня
Я как юность свою не забуду.

Высшая цена

У жизни самая высокая цена,
Она всего ценней на свете.
Но иногда пасует и она,
Когда за честь приходится ответить.
Хоть говорят, что жизнь нам дорога,
Но даже при её дороговизне,
Мы жизнь – за честь, не примем от врага.
А это значит – честь дороже жизни.

Калтан

Владимир Неунывахин

Владимир Максимович Неунывахин – член Союза писателей России, заслуженный сотрудник уголовно-исполнительной системы РФ, новокузнецкий писатель и журналист.

Родился 20 августа 1938 года в городе Иркутске в крестьянской семье. В 1939 году семья переехала в город Сталинск, в посёлок Абагур-Лесной.

После окончания 11 классов активно занимался литературным творчеством и журналистикой. Публиковался в газете «На страже», много лет являлся редактором газеты «Трудовая честь».

В 1972 году окончил филологический факультет Новокузнецкого пединститута.

В. М. Неунывахин – автор 13 сборников, издал собрание сочинений в четырёх томах.

«А помнишь, Витёк?..»

(Повесть-зарисовка)

Наша Тюленинская (бывшая Больничная) улица славилась в посёлке Абагур-Лесной, что в пригороде Сталинска, а ныне Новокузнецка, сплочённостью парней и девчат. Куда бы мы, уличная пацанва, ни отправлялись: в сквер ли на танцы, в клуб – на сеанс захватывающего фильма, купаться на реки Кондома или Томь, а то и просто прошвырнуться в центр посёлка – мы всегда были кучкой, кодлой, как говорили в те времена. И нас никто не трогал, знали – сдачу схлопочет каждый и тут же, выражаясь языком наших пацанов, «не отходя от кассы». В сквере на танцплощадке вечерами, завидев нас, пацаны с других улиц обычно предупреждали новичков: «Во! Больнично-Тюленинские нарисовались. Не цепляйся к ним, запросто отвалтузят!».

Серьёзно-задиристое тогда было время – пятидесятые годы, голодные и весёлые. Мы оправдывали имя Сережки Тюленина, в честь которого была переименована наша бывшая Больничная улица, были такие же неунывающие и умеющие постоять за себя.

Был тогда у меня лучший друг – Витёк Нестеров. Хотя и младше на год, но дружили – не разлей вода.

Случилось так, что из-за травмы позвоночника я пропустил один учебный год, и мы с Витькой, начиная с пятого, в дальнейшем учились практически сидя за одной партой.

Было время, когда нам с матерью жилось не очень сладко, особенно после войны. Иной раз у нас не было денег даже на хлеб – жили только огородом, на одной зелени, бывало, варили суп из одной свекольной ботвы, и Витёк зачастую подкармливал меня, таская из дома куски хлеба и комковой сахар. Но не об этом я. Мне вспомнились несколько историй, рассказать которые ну, просто, язык чешется. А начну, пожалуй, с некоторых моментов раннего детства.

Сколько помню, красивых магазинных игрушек у меня сроду не было. Мать не имела возможности покупать их, у неё на это просто не было «тити-мити». И я обходился подручными средствами: пустыми спичечными коробками с красивыми этикетками, катушками из-под ниток, сломанными механизмами от часов-ходиков, ржавыми винтиками и так далее. А в большинстве своём изготавливал из досточек какое-то подобие пистолетиков, мечей и винтовочек.

Нет, вру... была у меня одна игрушка, красивая и, прям, копия настоящей военной пушки: ствол, лафет, колёсики, прицельная прорезь в щитке, а главное – пушечка стреляла, оттянешь колечко, вложишь в ствол горошину – и пали по спичечным коробкам метра за два, хорошо прицелившись, можно и попасть. Но недолго была у меня эта пушечка...

Помню, взяла меня мать как-то на базар: она продавала собранные утром с грядки огурцы, а я крутился рядом. Потом мы пошли по магазинам, и в одном из них на полке я увидел эту игрушку. И до того был потрясён, что, вцепившись в прилавок, буквально прирос к полу и никакая сила не могла сдвинуть меня с места. Было море слёз и мольба купить. Мать, глядя на полноводные ручьи слёз, бегущие по моим щекам, чуть не заплакала сама и сдалась. Домой я не шёл, я летел, прижимая и грея за пазухой свою пушку.

В свои неполные шесть лет я очень любил делиться радостью с другими и буквально назавтра побежал с игрушкой к другу Витьке. У него было много магазинных игрушек, но такой пушки не было: его мать, старшие сёстры, тетя Дуся и тётя Валя, в силу женской психологии и интуиции старались оградить своего маленького и единственного мужчину в доме от игрушек, символизирующих насилие. И в этот раз мы с ним почти полдня просто балдели, играя моей пушкой: строили из спичечных коробков баррикады, расстреливали и штурмовали их, хохотали и безумно радовались каждому удачному выстрелу горошины.

В самый разгар нашей игры в войну припёрся Петька Шакалов, года на полтора старше нас, всегда пытавшийся верховодить над нами, пользуясь своим возрастом, ростом, силёнкой и наглостью, но об этом чуть позже. Петька ошалел от моей пушки и тут же включился в игру, категорически заявив, что будет только артиллеристом.

Вскоре я засобирался домой. Петька: «Оставь ещё ненадолго пушку поиграть!». Я – ни в какую. Тогда Петька вытащил из-за пазухи рогатку и предложил: «Давай на время махаться. Ты дашь нам пушку поиграть, а я тебе рогатку. Во, смотри какая. С ней можно ходить на охоту и стрелять уток...»

Да, рогатка была классная, сделана из тягучей красной резины, с отшлифованной черемуховой роготулькой. И лучше бы он не говорил про уток и охоту... Я долго колебался, но охота на уток пересилила. И я махнулся, заручившись, что вечером мы перемахнёмся обратно.

С тяжёлым сердцем, спрятав рогатку за пазуху, я рванул домой, придумывая на ходу оправдания перед матерью за опоздание к обеду. А часа через два мать, как бы невзначай, спросила:

– Что-то я не вижу твоей игрушки? Неужели надоела?

Я вспыхнул и потупился.

– Я её дал на время поиграть Витьке с Петькой.

– Ну, ты молодец! То из рук не выпускал, трясся, даже спал с ней, а тут дал поиграть... И не жалко? Вдруг сломают?

Я представил свою пушечку исковерканной и, холодея, понёсся к Витькиному дому. Когда я, запыхавшийся и взмокший, взобрался по крутым ступенькам их высоченного крыльца, Витёк спокойненько ошарашил:

– А пушку Петька забрал. Сказал, пока ты не принесёшь рогатку – не получишь...

Петька встретил меня, подбоченясь, у своей калитки:

– Я ждал, ждал... Пришёл Ванька Борщов, вчера он маленького воробушка поймал, я и махнулся ненадолго на твою пушку. А воробьишка-гад вырвался и давай по комнате прыгать... Не успел я его поймать, кошка – цап и слопала...

Так я лишился единственной своей магазинной игрушки. Помню, долго и горько плакал, спрятавшись в кустах за огородами. Рогатка вскоре порвалась, я так и не сходил с ней на охоту...

Вспоминая то время, зажмурюсь, а перед глазами – крыльцо Витькиного дома и палисадник перед ним, а в нём – густой малинник и огромные развесистые черёмуховые кусты, тогда они казались нам большущими деревьями. Но о палисаднике чуть ниже, меня поражало крыльцо: высоченное и огромное, на всю ширину сеней и чуть ли не три на три метра, не крыльцо, а сценический помост какой-то, сработанное добротно, на века, ещё молодым Витькиным родителем до его ухода из семьи, сложенное, как и дом, из круглого леса и высотой не менее полутора метров, без каких-либо перил и карниза над головой. Крутые ступени и пол – из толстенных плах, отполированных подошвами ног и нашими ребячьими задницами, – никогда не красились и еженедельно выскабливались женщинами при помощи голика, холодной воды и песочка до восковой желтизны. Чуть повзрослев, я, Витёк, Сашка Сычёв – мой одногодок и двоюродный братишка, Петька Шакалов, Ванька Борщов частенько, скрестив ноги калачиком, играли, сидя на крыльце, в подкидного дурака.

Теперь о малиннике. Мать и сёстры Витькины очень любили порядок в доме, постоянно наводили там марафет, и в комнаты нас не пускали, отдав нам на откуп палисадник, который их не интересовал, чему мы были несказанно рады. Мы проделали в густых зарослях малинника потайной лаз и смастерили в середине подобие шалашика, который совершенно не был виден снаружи, где, сидя на корточках, обсуждали свои «глобальные» проблемы и... втихаря курили. Почти все пацаны нашей улицы курить начали рано – практически с шести-семи лет. Не курили только двое – я и Ванька Борщов. Почему мы с Ванькой были белыми воронами? А чёрт его знает! Возможно, были очень сознательными, но скорее всего, страшно боялись материнской лубцовки. Однажды Витёк, я, брательник-Сашка, доведённые выходками Петьки Шакалова до белого каления, решили проучить его. Нам до тошноты надоели его постоянные подзатыльники, насмешки и оскорбления типа «Сопля зелёная!, Засранец!, Говноед!» и тому подобное. Забравшись в малинник, мы втроём разработали тактику предстоящей экзекуции обидчика, распределили роли: мне, как самому крепенькому и смелому, предстояло пойти на Петьку в лоб, обхватив его, лишить возможности сопротивляться, тут же на помощь должен был прийти Сашка, вдвоём мы валим задиру на землю, а Витёк, вооружившись метлой, должен приступить к главному процессу экзекуции – отвалтузить нашего общего обидчика, естественно, не без нашей

помощи. Метлу на длинной ручке мы приготовили заранее, прислонив к углу дома.

Вечером мы под каким-то предлогом заманили Петьку к Витьке в ограду, я попёр на него буром: «Если ты, Шакал, ещё раз обзовёшь кого-нибудь из нас засранцем или замахнёшься, мы тебе всю морду расквасим и так отметелим, что сам обосрёшься...».

И Петька понял – шутки шутить мы не собираемся, однако повёл себя совершенно не по нашему, заранее разработанному сценарию. Он прыгнул вперёд, толкнул меня в грудь, да так, что я отлетел к забору, пнул Сашку по коленке, от чего тот взвыл и запрыгал на одной ноге, выхватил у Витьки метлу и черенком огрел нападающего по спине. И... был таков. Что тут началось?! Мы обвиняли друг друга, что действовали не так, как договаривались. Особенно досталось мне за медлительность и излишнюю болтовню, чем и воспользовался наш обидчик.

Но не прошло и недели, как мы помирились. У Петьки появился самокат, который смастерил ему из досточек и шарикоподшипников старший брат, и Петька на нём стал ловко и демонстративно ездить, отталкиваясь одной ногой от земли, по улице мимо Витькиного дома: туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда... Ездить и втихаря коситься на нас, играющих втроём в Витькином дворе. Первым не выдержал Витёк – вышел и внаглую попросил: «Дай прокатиться!».

И Петька с радостью дал... Следом за Витькой сдались и мы с Сашкой. Ну а удивительно то, что с тех пор Петька резко изменился, он перестал обзываться и испытывать свою силу на нас, махаясь кулаками, больше того, он теперь первым кидался в драку во время ссор с пацанами с других улиц.

Шло время. Взрослели мои друзья, вместе с ними взрослел и я. Приспело времечко ликвидации нашей безграмотности в школе. Мать тщательно готовилась к моему первому учебному году: перешила своё старенькое пальто, из которого с помощью соседки выкроила вполне приличную зимнюю одежонку на мои хрупкие плечи. Из остатков синего драпа сшила школьную сумку с тряпочным ремешком через плечо (о каком-то портфеле я и не мечтал – на такие шикарности у матери, естественно, не было денег, а отец, бросивший нас, видимо, забыл о моём существовании).

Незадолго до школы мать, подкопив деньжат от продажи огурцов и другой зелени, купила мне на базаре штаны, не новые, конечно, но ещё довольно приличные, с не накладными, а с внутренними на бедрах карманами и настоящим ремнём. Они были немного длинноваты, но мать подогнала их под мой рост, и назавтра с утра я понёсся к Витьке хвалиться обновой.

Мать только и успела крикнуть вслед: «Аккуратней, не порви! Тебе в них в школу идти, и в течение года обновок не будет!».

...Дыру на колене я заметил, когда вслед за Витькой вылез из малинника по потайному лазу и опустил глаза на свои штаны. Моё сердце покатилось куда-то вниз, с его падением я почувствовал, как отнимаются и холодеют руки и ноги. Заныло под ложечкой. Глаза моментально наполнились слезами, отчего все окружающие предметы затянуло пеленой, будто я увидел мир через оконное стекло во время проливного дождя.

Я сидел на земле и, свесив голову, безутешно плакал, слёзы текли по щекам, капали на рубашку, но я ничего не замечал, я давился всхлипами. Витёк ошалело глядел на меня и испуганно все спрашивал и спрашивал: «Вока, ты чё? Ты чё, Вока?».

– Во-о-т... штаны-ы... Ма-а-мка-а убьёт!..

Появился Петька и, узнав в чём дело, хмыкнул удивлённо-презрительно: «Дырка?! Подумаешь! Из-за этого реветь? Тьфу! Пошли. Моя сеструха так зашьёт, как новые будут».

– Не-е-е... Всё равно мать увидит. А сеструха колдовать не умеет? Может, она заколдует, чтобы дырка исчезла? – сквозь слёзы спросил я усмехающегося Петьку.

– Н-не знаю... Может, и умеет. Пошли.

Сестра Петьки начала успокаивать: «Фи-и! Дырка ерундовая. Я её заштопаю и незаметно будет...»

– Бу-у-де-е-т, – залился я ещё более горючими слезами. – Вы заколдуйте!

– Хорошо! Хорошо! Вы с Петькой пока полейте грядки, а я отлучусь в одно место. Приду и заколдую...

Когда я на ватных, подгибающихся ногах, и чуть ли не в полуобморочном состоянии перешагнул порог дома, мать даже не взглянула на мои отутюженные штаны с заштопанной дыркой на коленке. Улыбаясь, она упрекнула: «Ты у меня совсем загулялся. Обед остыл. Я жду, жду, не сажусь без тебя за стол... Мой руки».

Только став взрослее, я понял, куда отлучалась Петькина сеструха...

Восторг, который я испытывал в первые дни посещения школы, вскоре поутих. Последующие будни школьных занятий уже не вызывали эйфории, их омрачали каждодневные нотации учительницы, требовавшей от меня, казалось бы, невозможного. Дело в том, что я имел «дурную» привычку обводить при написании каждую буковку по десятку раз. Вначале это учительницу забавляло, и она терпеливо показывала мне, как нужно правильно писать, затем моё мазюканье по чистописанию её начало раздражать, и она, злясь, стыдила меня перед всем классом. Я ужасно краснел и чуть не плакал, а рука автоматически продолжала превращать чёрточки, закорючки и буковки в какие-то безобразные слоноподобные каракули.

Но однажды Зинаида Андреевна, так звали мою первую учительницу, вдруг пересадила меня за другую парту, соседом к шорцу Ефрему Кадымаеву, и перестала читать ежедневные нравоучения. Между прочим, в классе, да и во всей школе, учениками были чуть ли не треть шорские дети. В нашем посёлке шорцы жили обособленно, вдоль реки Томи, на берегу которой и раскинулся широко и вольготно Абагур-Лесной, насчитывавший в те послевоенные времена почти полтора десятка тысяч жителей. Шорское поселение всеми жителями Абагура называлось Абинцами, Почему так называлось и как переводилось на всем понятный деревенский язык – никто толком объяснить не мог, да никого и не интересовала история возникновения как самого поселения, так и этимология слова «абинцы».

Наша Больнично-Тюленинская улица соседствовала с Абинцами, но мы – пацаны – с шорской молодёжью почти не конфликтовали. Шорские мальчики никогда не обижались на наши дразнилки: «Абинский молодца – носа нет, одна лица!», «Глаз узкий, нос плоский – совсем не русский!» Больше того, они даже смеялись вместе с нами над этими плоскими дразнилками.

Какую цель преследовала моя учительница, я тогда не знал, но у Ефрема Кадымаева был исключительно красивый почерк, и его всегда ставили всему классу в пример. Сидя рядом, я невольно и с завистью подглядывал, как он пишет, и незаметно стал подражать. А через полгода я впервые получил «четвёрку» по чистописанию, и Зинаида Андреевна, ласково потрепав меня по стриженой макушке, похвалила: «Ну вот, оказывается, и ты можешь красиво писать».

И вот спустя десятки лет многие мои друзья и близкие, особенно женщины, получая мои письма, частенько делают комплименты по поводу моего чёткого каллиграфического почерка, а я при этом вспоминаю своего соседа по парте Ефрема Кадымаева, с которым сдружился и поддерживал хорошие отношения вплоть до отъезда на север, где прослужил около двадцати лет. Он и в моё отсутствие иногда приходил на Тюленинскую улицу к матери, помогал ей копать огород, колоть дрова, приносил свежую колбу (черемшу по-научному), за которой ранней весной ходил далеко в тайгу и которую просил мать переслать мне на север. Ефрем запомнился мне не только красивым почерком, он здорово рисовал карандашом, чем заразил и меня, и вообще... он был неплохой шорец...

В то давнее послевоенное время все мальчишки нашего посёлка, а по-моему и всех населенных пунктов страны, поголовно были заражены игрой в подстен (ещё её называют пристен) и в зоску. Болели этой детской «заразой» и мы – Тюленинские пацаны, правда, кто сильнее, кто не очень.

На переменах в школе или на улице мальчишки всех возрастов, как заводные, соревновались между собой, кто выносливее в этой игре, кто дольше всех удержит зоску в воздухе. А суть была в том, чтобы, переступая с ноги на ногу, бить по зоске щиколоткой правой ноги и, постоянно подбрасывая её вверх, не дать упасть на землю.

Стоит рассказать, что представляла из себя эта самая зоска, в принципе напоминавшая собой бадминтонный волан. Изготавливалась она, как правило, из кусочка овчинной шкурки с длинной шерстью, к ней подшивалась с гладкой стороны свинцовая, довольно увесистая, круглая пластинка.

Сама игра в зоску, как я уже упоминал выше, напоминала игру классного футболиста с мячом, который, виртуозно работая ногами, не даёт ему коснуться земли. В общем, чтобы играть в зоску, любому пацану нужны были хорошая натренированность и физическая выносливость. Иные виртуозы-старшеклассники добивались рекордных результатов в этой игре: удерживали порхающую зоску в воздухе до трёх часов, делая по ней тысячу и более ударов щёчкой той или иной ноги.

Из наших здорово наловчился в этой игре Петька Шакалов и почти не уступал ему в ловкости мой брательник – Санька Сычёв, который на спор мог безостановочно щёлкать по зоске до трёхсот раз. А я этому искусству так и не научился: зоска никак не хотела слушаться моей ноги и шлёпалась в пыль уже после пяти-шести неумелых ударов по ней. Неумехой в этом деле оказался и Витёк, который почему-то был равнодушен к азартным уличным играм поселковых мальчишек. Не возбуждало и Сашкино искусство в изготовлении шикарных зосок и виртуозное владение ею. Но о ловкости и Сашкином искусстве мы поговорим отдельно. Витькино равнодушие, видимо, влияло и на меня. Как и он, особой тяги к азартным играм я не испытывал, просто баловался за компашку. Мы с Витькой больше резались в перья. Авторучек тогда не было, и писали мы примитивными деревянными ручками со сменными стальными перьями марки «Рондо», «Школьник», «96» и т.д., ежеминутно макая их в фарфоровые чернильницы, которые таскали в школу в специальных мешочках на верёвочке, напоминавших дедовские кисеты. Эти чернильницы были ужасно неудобные, при падении проливали чернила, и наши руки, особенно у пацанов, были сплошь в фиолетовых пятнах, а о штанах я вообще молчу. Только много позже появились чернильницы-непроливашки, которые постоянно находились в школе, и мы были избавлены таскать их с собой.

Одновременно с зоской и подстенком процветала игра в перья. Она-то и увлекла нас с Витькой. Суть её: под лежащее перышко соперника ты подсовываешь острый кончик своего пера, приподнимаешь задний тупой конец и резко щёлкаешь, опуская вниз. Если перо соперника, подброшенное вверх, падало на стол обратной стороной – забираешь, как выигрыш, если опускалось на ту же сторону – отдаёшь своё. Многое зависело от силы щелчка и везения. Мы с Витькой часами щёлкали по столу, пока это не надоедало старшим и они не выпроваживали нас на улицу. В дни везения (редко, правда) я, случалось, набивал полные карманы трофейными перьями, «ободрав» чуть ли не половину пацанов-одноклассников.

Подражая старшеклассникам, играли мы и в подстен-пристен. Но в него обычно играли на деньги, которых в наших карманах не водилось, а посему,

если мы и играли, то только на шелбаны. Мне постоянно не везло, и частенько я проигрывал такое количество шелбанов, что при расчёте на лбу вспухали болючие шишки, и он так горел, будто натёрли горчицей. Играя в подстен, мы пользовались пятаками и двадцатниками, профессионалы же – более увесистыми старинными монетами ещё царской чеканки, которые выменивали друг у друга и выманивали у пацанят за какую-нибудь фигню.

Принцип самой игры прост и известен даже нынешней молодёжи, ведь все смотрели фильмы о пацанах пятидесятых, в которых очень правдоподобно показаны азартные игры тех времен.

Расскажу в трёх словах, как мы играли.

Задача начинающего игру: ударить свою монету ребром о стену так, чтобы она, вращаясь, отлетела как можно дальше от подножья стены, а его напарников (мы играли обычно втроём-вчетвером) – исхитриться, чтобы их монеты упали на землю как можно ближе к монете того или иного участника. Если ты, раздвинув до предела большой и средний палец руки, дотянулся от своей монеты до монеты соперника – ты выиграл у него или копейку, или шелбан – смотря какой был уговор перед началом игры. И меня всегда злило, почему пальцы Петьки Шакалова, Ваньки Борщова, Сашки или Витьки всегда дотягивались до моей монетки, а моим пальцам почему-то постоянно не хватало двух-трёх миллиметров...

Случалось, если кто-нибудь из наших пацанов разживался деньжатами, мы организовывали «международную» встречу в чику с пацанами соседних улиц и истерично болели за своего разбогатевшего участника. В случае выигрыша дружно бежали в «первый» магазин (был такой недалеко от нашей улицы с высоким крыльцом и рубленный из круглого леса) за конфетами «Дунькина радость». А проиграв, чуть ли не в драку кидались на соперников, обвиняя их в мухляже и подставе...

Вспоминаются и трагикомические случаи тех лет. Особенно запомнился один казус. Я тогда второй класс заканчивал. На дворе вовсю бушевала весна. Снег отсырел и из-под сугробов побежали говорливые ручейки. Появились проталины, запарили под лучами солнца, зазеленели проклюнувшейся травкой. Прилетели скворцы, облюбовали старые и новые скворечники, встречая восход солнца, захлебывались в песенном экстазе, вплетая в свои рулады нежные мелодии канарейки, иволги и пеночки, неожиданно совмещая их с воркованием дикой горлицы, стрекотом сороки и даже мяуканьем драной кошки.

Учился я во вторую смену, и мы с Витькой частенько до уроков играли у нас на огороде, где вдоль забора строили снежные укрепления, рыли под сугробами ходы и вообще корчили из себя спецов военной стратегии. Под натиском наступающей весны наш укрепрайон рухнул, «сдался на милость победителя», и мы переключились на строительство малой и большой флотилии: бумажных корабликов и плота из подручного материала – старых досок, рухнувшего забора и т.д. Плот мы сооружали на задах огорода, у кромки низины, которая заливалась вешней водой.

В этот день Витёк появился поздно, когда я, сделав домашнее задание, занялся выстругиванием из сухого полешка подобия быстроходной яхты. Матери не было: уехала в город на базар продавать свои изделия – вязанье. Витёк не стал заходить в дом, приоткрыл дверь, позвал: «Вовка, пошли, я две доски для плота нашёл. Может, вёсла из них сделаем?».

Накинув пальто и нахлобучив шапку, я кинулся во двор.

Чухнулись мы, когда до занятий в школе оставалось всего ничего. Я только успел заскочить в дом, схватить школьную сумку – и бегом в центр посёлка, где возвышалась наша двухэтажная, рубленая из круглого леса десятилетка.

Скинул пальто в гардеробе, и... будто окатили из ведра водой наполовину с ледяной крошкой, – я оказался в майке, и к своему ужасу вспомнил, что, убегая из дома, накинул одёжку практически на голое тело. Бежать домой переодеваться – поздно, уже звенел звонок на урок, и прогуливать я не смел и думать, в то время прогул считался чуть ли не преступлением.

В класс я влетел за минуту до появления Зинаиды Андреевны. Одноклассники встретили меня хохотом. Опустив голову и содрогаясь от стыда и страха, я юркнул за свою парту рядом с Ефремом Кадымаевым. Уничтожающий хохот пацанов и хихиканье девчонок оборвался, как только хлопнула дверь. Зинаида Андреевна хмуро оглядела класс и, остолбенев, уставилась на меня: «Эт-т-то что такое?!».

Съёжившись, я поднялся на ватных ногах и пролепетал: «Мамка постирала рубашку, и пришлось идти в майке...».

– А что, другой нет?

– Нет... – со слезами соврал я.

По классу прокатился смех, который поверг меня в ещё большее уныние.

– Тихо! – подняла руку учительница. – Ничего не вижу смешного, – и чуть растерянно обратилась ко мне. – Что ж, садись... и не бегай по коридорам в таком виде... в майке...

На перемене Санька, мой брательник, мы учились с ним в одном классе, позвал меня в туалет и предложил: «У меня под рубашкой есть ещё одна, с короткими рукавами, я одеваю её для тепла. Хочешь, я дам её тебе?».

Так я был спасен от дальнейшего позора. Но мать об этом казусе узнала только спустя много лет на одном из моих юбилеев, когда я со смехом рассказывал гостям юморные истории из босоногого детства.

После войны и где-то до пятидесятых годов в Абагуре был захудалый клуб, не клуб, а развалюха. Располагался он в бараке с длинным и узким зрительным залом, с провисшим и грозящим вот-вот рухнуть потолком, что в итоге и вынудило поссовет и парторганизацию посёлка наскрести деньги и построить новый очаг культуры. Когда возводили стены нового клуба, старый барак оказался внутри строящейся коробки, а демонстрация фильмов продолжалась вплоть до установки стропил и покрытия крыши. И зрителям после сеансов приходилось выходить из барачного зала по настилу, проложенному через широченные проёмы окон будущего здания. А до этого наш клубишко во время киносеансов, особенно по выходным, поселковой пацанвой брался штурмом и трещал по швам. На дневные сеансы билеты продавались без мест и ребятни в кинозал набивалось под завязку. Пацаны сидели на полу перед низкой сценой, на коленях друг у друга, а некоторые – даже у самого полотна киноэкрана.

Когда были деньжата, мы штурмовали билетную кассу клуба, чтобы купить билеты и посмотреть ту или иную кинушку. Но зачастую денег не было, а в кино сходить ужас как хотелось. И однажды Санька придумал, как решить нашу вечную проблему, он вообще был мастак на всякие придумки. Втихаря насобирал вокруг клуба обрывки билетов, выгреб их из урны, куда билетёрши выкидывают при пропуске зрителей и, притащив домой, принялся колдовать. Он их проутюжил и разобрал по цвету, а затем начал соединять оторванные контрольные корешки с основными билетами, да так, чтобы совпадали не только буковка к буковке и линеечка к линеечке, но и профили разрывов, за целый день из всей кучи обрывков подобрал идеально совпадающих только три или четыре билета и аккуратненько склеил, используя тонюсенькую полосочку папиросной бумаги. Билеты получились классные, и, как их ни верти, место склейки фиг заметишь. А если учесть, что толпа орущих пацанов напирает и готова снести всё на своём пути, а тётка-билетёрша едва успевает выдернуть из потных кулачков протянутые измятые билеты и оторвать контрольные корешки, то... какие тут склейки? Хорошо бы успеть разглядеть, того ли цвета сегодняшние билеты и не подсунул ли какой шустряк простую зеленькую или голубенькую бумажку...

О своей придумке Санька рассказал нам только после того, как, трясясь от страха и стараясь изо всех сил изобразить на роже полное равнодушие, не сходил сам на один из сеансов по склеенному билету.

С тех пор мы не пропускали ни одного фильма, а, выходя из клуба, втихаря подбирали обрывки билетов, выбрасываемые пацанами, выгребали корешки из урны и передавали Сашке, который, наловчившись, клеил из них «новые» входные билеты. Но через полгода кто-то капнул дирекции клуба о появлении фиктивных билетов, и нас стали пасти. Однажды мы усекли, как билетёрша принялась рассматривать билеты на свет, и, поняв неладное, дёрнули прочь от орущей толпы. А после того, как Петьку Шакалова загребли с поличным и надрали уши в милиции, которая, кстати, располагалась в соседнем бараке, а потом отволтузили дома, мы поняли – наша халявка кончилась.

Ещё помню, как Санька одним из первых на нашей улице начал мастерить пугачи, которые мы иногда называли ещё и пукалками. Изготавливались они очень просто: бралась медная или латунная трубка толщиной с карандаш и примерно той же длины, что и карандаш, один конец её расплющивался. В трубку заливался расплавленный свинец, чуть-чуть расплющенный конец загибался под прямым углом и подбирался большой гвоздь, который, как и трубка, загибался под прямым углом со стороны шляпки, а острый конец чуть притуплялся. На согнутые концы трубки и гвоздя (последний притупленным концом опускался в полость трубки) надевалась тугая резинка в виде кольца. Вот и весь принцип изготовления этого шедевра. Сегодня фабрики детских игрушек выпускают очень красивые пугачи, внешне напоминающие всевозможные револьверы и пистолеты, а к ним – бумажные ленточки пистонов. Мы же в качестве зарядов использовали серянки – головки спичек, благо, спички в то время были самым дешёвым товаром и на домашнем бюджете особо не отражались. Спички мы в основном тырили из дома, опорожняя каждый коробок на две трети. Мать, бывало, растапливая печь и встряхивая коробок, ворчала: «Что за ерунда, только вчера новый коробок достала и уже почти пустой. Они что – вместо полсотни в коробок по двадцать спичек стали класть? Вот паразиты!.. Вовка, пойдёшь завтра за хлебом, купи ещё пять коробков...».

Сила хлопка пугача-пукалки зависела от количества спичечных головок, накрошенных в трубку и тщательно размолотых на дне тупым концом согнутого гвоздя. Если накрошишь десять-пятнадцать головок, бабахнет так, что в ушах зазвенит, а если в темноте, да ещё и выскочив из-за угла, будет такой сноп огня и грохот – любой в штаны напустит.

Сам процесс бабаханья из пугача был очень прост: накрошив и разломав в трубке серянки, как можно выше оттягиваешь согнутый гвоздь, и он за счёт натянувшейся резинки как бы ставится на взвод. Зажав пугач в ладони и подняв его повыше, чтобы случайная искорка не обожгла лицо, давишь указательным пальцем на резинку, гвоздь, срываясь, бьёт притупленным кончиком по взрывчатой смеси на дне трубки и... от грохота зажмуряй глаза. Но иногда вместо бабаха получался какой-то пук, отчего и появилось прозвище – пукалка.

Вот такие пугачи и изготавливал Санька, когда мы с ним учились в третьем классе, и изготавливал классно, даже приторговывал ими среди пацанов соседних улиц. Где-то через год он переделал пугач в поджигу – прототип древнейшей пистоли, только без курка и спускового крючка. Та же трубка крепилась расплющенным концом и почти на всю свою длину к изогнутой деревянной рукоятке прикручивалась крепко-накрепко медной проволокой и обматывалась изолентой. Чуть выше свинцовой заливки на дне трубки с правой стороны трёх-

гранным напильником делался неглубокий надпил, в котором затем тонким шилом прокалывалось крохотное отверстие для поджога взрывчатой смеси внутри. В деревянном ложе ниже отверстия прорезалось вертикальное и узкое углубление, в которое вбивалась маленькая дужка для крепления спички, головка которой тесно соприкасалась с отверстием в трубке и, вспыхивая, при чирканье по ней коробком, воспламеняла заряд в стволе. Заряжалась поджига все теми же серянками, но уже в большем количестве, и пыжевалась смятым клочком бумаги. Иногда к серянкам мы подмешивали мелко-мелко нарезанную киноплёнку, которая в те времена вспыхивала от малейшей искры и горела похлеще пороха. На пыж посыпался заряд из мелких камешков, дроби и рубленых гвоздей. За десять шагов тесина с нарисованной мишенью таким зарядом прошивалась почти насквозь. И это уже было серьёзное оружие, которое при небрежном обращении приводило к трагедии.

Как-то ранней весной я пришёл к Саньке домой, не помню по какому делу, по-моему, за каким-то учебником, тогда в школе нам их выдавали один на пятерых и, готовя домашние задания, приходилось бегать за ними к одноклассникам аж на соседние улицы. Санька дома был один, тётя Домна со старшей дочерью Нюркой уехали в город, а отец ушёл на кирпичный завод (был такой небольшой заводишка в посёлке на Подгорной, работал на местном сырье, благо, рядом был глиняный карьер).

Летом дядя Егор пас поселковых коров, зимой же устраивался сторожем на этот заводик.

Санька при моём появлении полез под матрас и вытащил поджигу. Она была потрясающая, почти как настоящий пистолет, сама так и прилипала к ладони. Отличалась только тем, что была изготовлена не из медной, а из стальной трубки.

– Зачем? – удивился я, намекая на трубку.

– Надежнее. С ней и на охоту можно ходить...

Я тут же представил Малиновое озеро, кувшинки вдоль прибрежной осоки, легкую рябь на воде, плавающих уток и... у меня заныло в груди.

– Подари. Или давай на чё-нибудь махнем.

– Ну, щас! Сколько я тебе ни давал поджиг – все мать в печке сожгла.

– Я сразу спрячу... А?.. Ну дай хоть стрельнуть!

– Пошли за стайку, там у меня мишень нарисована, – и уже на месте, передавая поджигу, предупредил, – я к заряду чуть пороха и плёнки подбавил, чтоб посильнее жахнуло, так что держи крепче не то... так руку подбросит!

Я, вцепившись побелевшими пальцами в рукоять, вытянул трясущуюся руку с поджигой вперёд, чиркнул коробком по спичке, закреплённой в дужке и, почти не целясь, ткнул стволом в сторону стен и крепко зажмурился. Но выстрела не последовало. Я открыл глаза, от напряжения и тишины даже зазвенело в ушах.

– Осечка, – выдохнул Сашка.

Мы сменили спичку. Я чиркнул, зажмурился и... вновь тишина. И тут раздался крик матери (мы жили через дом): «Вовка-а! Домой!».

– Иду-у-у! – я сунул Саньке поджигу и побежал к калитке.

Хлебая суп, я чего-то ждал и сразу же услышал за окном далёкий хлопок, а затем слабые голоса. От какого-то предчувствия заныло под ложечкой.

А через полчаса вся в слезах прибежала Нюра и, давясь всхлипами, рассказала: «Мы с матерью только приехали, заходим в дом, а Сашка весь в крови, рука кровавой тряпкой обмотана... Оказывается, у него поджигу разорвало и сильно поранило руку. Мы с матерью и с ним бегом в больницу... Хорошо рядом... И вот его увезли на «скорой» в город, в первую городскую... Говорят, нужно операцию делать. Мамка с ним в машине уехала... Ревёт... Ужас!».

Мать со страхом и со слезами посмотрела на меня: «Доигрались! Я сколько говорила...».

Но я не дослушал, кинулся из дома.

– Куда?! Вернись!

Витьку я перехватил недалеко от нашего дома. Он бежал ко мне.

– Ты слышал, Сашке руку оторвало?

– Я знаю. Мы с ним из поджиги стреляли, но всё осечки и осечки... Меня мать позвала, а он остался... Его увезли в город на операцию. Давай, завтра съездим к нему в больницу...

Врачи спасли Саньке руку, но изуродованные большой и указательный пальцы правой кисти, рваный шрам между ними остались вечной меткой от злополучной поджиги со стальным стволом...

Из всех пацанов нашей улицы самыми страстными любителями поудить рыбу были только я и Витька Борщов, но частенько на Томь и Кондому мы ходили на рыбалку всей компанией, как обычно ходили в кино или в центр посёлка. Моя любовь ко всякой дикой живности, к красоте и неповторимости природы, страсть к охоте и рыбалке были, по выражению матери, обострённой фантазией и придурью. Я конструировал и мастерил всевозможные клетки и с наступлением осени в множестве ловил щеглов, синиц-пухлячков, калинников, снегирей а, налюбовавшись их красотой, сразу же выпускал на волю. Некоторых, особенно щеглов и синиц-пухлячков, которые очень быстро привыкают к человеку и к клетке, держал и кормил всю зиму, а с приходом весны отпускал на все четыре стороны. Отдельные пичужки так привыкали ко мне, что долго не хотели улетать прочь, крутились вокруг дома, перепрыгивая с ветки на ветку малинника, и жалобно попискивали, будто просились обратно в тепло избы.

А на рыбалке мне не особо везло. Это Ванька знал какое-то «петушиное» слово, и стоило ему забросить леску в воду, как сразу же начинало клевать. Бывало, я, Витька, Санька и Петька, сидя на берегу рядом с Ванькой и закидывая свои удочки вплотную поплавок к поплавку, наблюдали довольно странную картину: его поплавок тут же начинал плясать, а у нас – ни гу-гу. Он подсекал и выдергивал очередного пескаря, а мы наперегонки забрасывали свою снасть на его удачливое место. Ванька, сердито посапывая, вынужден был закидывать свою – на место нахала и... тот же эффект – у него новая поклёвка, у нас – полнейший штиль. И так всё утро: у него на сниске (кукане) – до сотни ельчиков, плотичек, пескарей и окушков, у нас – по десятку рыбёшек. Петька бесился, в открытую начинал обзывать Ваньку везучим поленом, наевшимся в детстве говна (Петька вообще был страшный матершинник и грубиян), и, вконец обозлившись, бросал удочку и тут же лез в воду купаться, за ним скидывали штаны и мы, и, к своему удивлению, плескаясь, наблюдали, как рядом Ванька выдергивал рыбёшку за рыбёшкой. Частенько при возвращении домой Ванька, глядя на наши жалкие сниски, сочувственно вздыхал и отделял от своего улова самым неудачливым несколько десятков рыбёшек, в том числе перепадало и мне.

Как-то нарыбачившись и накупавшись до одури, мы по пути домой до того разбаловались, что, размахивая удилищами, невзначай подцепили мотающимся на леске крючком за губу Юрку Борискина (ну, почти как деда Щукаря) – флегматичного верзилу и увальня, несколько сторонящегося нашей уличной компании. Вот было жути, да и крови тоже... Отрезали мы леску и бегом с ним в больницу. Через десять минут Юрка с припухшей и измазанной йодом губой появился на крыльце. Всего и делов-то: откусили кончик крючка и легко вытащили из губы бедолаги, даже шрама не осталось. Но с тех пор Юрка на рыбалку с нами не ходил.

...У меня не так давно появился отчим – дядя Володя. Вежливый и добродушно-улыбчивый мужик среднего роста, худощавый, в тёмно-русых волосах – легкая проседь, в серых с голубизной глазах – задумчивость и чуть заметная грустинка. Мне он очень нравился, и не только своей рассудительностью, но как человек мужского пола, к плечу которого так и хотелось прижаться. В разговоре со мной он никогда не сюсюкал, как другие, он разговаривал со всеми пацанами на равных. И это как-то льстило и поднимало, особенно меня, в собственных глазах.

Когда дядя Володя пришёл к нам с матерью со своим небольшим чемоданчиком и стал жить вместе с нами в крохотной однокомнатной избушке, где, кроме стола, двух кроватей, лавки, печки-голланки и двух табуреток больше ничего не было, я это событие воспринял вначале настороженно, но, пообщавшись, проникся к новосёлу уважением и стал ходить за ним буквально по пятам. Несколько раз порывался поговорить на сокровенную тему, но боязнь, что дядя Володя может обидеться, останавливала. Наконец, воспользовавшись отсутствием матери, заикаясь и краснея, я спросил у него: «Дядя Володя, а вы всегда будете жить у нас или скоро уедете?».

– Всегда, – ответил он, улыбаясь, и пристально посмотрел на меня.

И я, зажмурившись, как перед прыжком с высокой нырялки, продолжил: «А мне как вас называть – папкой или дядей Володей?».

– А ты как бы хотел называть? – в свою очередь спросил он.

– Папкой! – выпалил я.

– Вот и хорошо. Так и называй.

Ур-ра-а-а! У меня появился замечательный отец! Из скупых рассказов отца – дяди Володи – я знал, что до войны он был лётчиком, летал на истребителях и учился в лётной школе вместе с Коккинаки. А в самом начале войны его уволили из лётной школы, где он был инструктором, и демобилизовали из армии. Он стал работать на военном заводе в Ленинграде и чуть не умер от голода во время блокады города, вывезли его по «Дороге жизни» по льду Ладожского озера в бессознательном состоянии. А когда он чуть-чуть оклемался от какой-то дистрофии, его привезли сюда, к нам, в Сибирь. Тогда, будучи пацанёнком, я понятия не имел, что такое депортация, почему моему новому отцу – дяде Володе – нельзя никуда выезжать из нашего посёлка Абагур, почему он дважды в неделю, а потом каждую субботу обязан был являться в какую-то поселковую комендатуру на отметку. И мы с ним на пути в баню сворачивали к небольшому зданию, у крыльца которого он всегда просил: «Вовк, подожди меня минутку, я зайду отмечусь».

...Теперь я знаю, что такое депортация, репатриация, репрессия, реабилитация посмертно... А тогда я всё воспринимал как должное: если не разрешают никуда выезжать, ни с кем переписываться, требуют по пути в баню отмечаться в какой-то комендатуре – значит, так надо, и это правило нельзя нарушать, иначе будет плохо.

Появление отца – дяди Володи – в нашей семье богатства и изобилия на столе не прибавило. Мать с отцом решили строить новый дом, и скромный заработок дяди Володи, работавшего в поселковых ремонтных мастерских фрезеровщиком, практически весь, до копеечки, откладывался на подготовку строительства. Наша старая засыпная избёнка вросла в землю по самые окна и начала заваливаться на одну сторону, крыша просела и над сенями была, как решето, во время дождя в них было почти так же сыро, как и на улице. Но, удивительное дело, она мне снится до сих пор, хотя на её месте давно растут кусты крыжовника и красной смородины. Я помню, как засыпал, почти касаясь носом цветастого настенного коврика, под постоянную беготню мышей и шорохи осыпающейся земли между досок засыпной стены. Не знаю почему, но с наступлением ночи эти подлые мыши устраивали свои гонки и возню именно внутри стены, вплотную к которой стояла моя кровать. И когда мы построили новый дом, меня долго мучила бессонница, я по два, по три часа ворочался, не понимая, почему не могу заснуть, оказывается, отсутствовал успокаива-

ющий шорох мышей за стенкой...

Сколько помню, до пятидесятых годов мало кто из жителей нашего посёлка занимался садоводством, считали это дело в сибирских краях бесперспективным и никчёмным. Если кто-то из соседей вдруг начинал выкапывать в лесу кусты малины, кислицы (красной смородины) и садил их у себя на огороде вдоль забора, на него смотрели как на чудака. А уж тех, кто всерьёз принимался за посадки саженцев яблонь, груш, крыжовника или пробовал прививать к ранеткам и дичкам какие-нибудь полукультурки, можно было по пальцам перечесть. На весь посёлок насчитывалось не более трёх-четырёх садовых участков с плодовыми деревьями, многие из которых, чтобы не вымерзали в зимнюю стужу, пригибались к земле и с наступлением холодов тщательно укрывались хозяевами подсобным материалом.

Один из таких приусадебных садов принадлежал Вере Степановне, жившей с семьёй по центральной улице рядом с «первым» магазином. Кто такая Вера Степановна, в посёлке знали все: от сопливой девчушки до согбенной старушенции. Вера Степановна – это главврач нашей поселковой больницы, её фамилию – Быкова – мало кто знал, но стоило упомянуть имя и отчество – любой восклицал: «Так это же наша главная докторша в посёлке!».

Второй сад принадлежал родителям Виктора Пономарёва, Героя Советского Союза, получившего это звание в январе 1944 года в 19 лет за подвиг, совершённый при восстановлении связи на передовой. Виктор учился в нашей Абагурской школе и жил с родителями, сестрёнкой и младшим братишкой – нашим одногодком – в конце Больничной-Тюленинской улицы, буквально в десяти шагах от входа на поселковый стадион. Жили они бедненько, в такой же засыпной завалюхе, что и мы с матерью.

Когда Виктор совершил подвиг, поселковое начальство по указанию сверху разломало их засыпуху, и на её месте жэковские работяги поставили большой рубленый пятистенок на четыре комнаты, а деды после войны на своём огороде вырастили неплохой фруктовый сад, где весной буйно цвели не только ранетки. Но Виктор после войны не вернулся в родительский дом, обзаведясь семьей, он остался жить в Подмосковье, наведываясь изредка, пока были живы родители, в гости на родину. А мы, тюленинская пацанва, регулярно совершая набеги на огороды наиболее зажиточных поселян, никогда не делали попыток пошерстить сады Веры Степановны и Пономарёвых, хотя и текли слюнки, когда проходили мимо и видели созревающие яблоки. И у нас было уважение к заслуженным людям посёлка. Но, случалось, и мы попадались. Помню один трагикомичный случай.

С рождением братишки Тольки маманя тут же урезала время моего, по её выражению, бесполезного шатанья с пацанами по улице, включив в обязанности не только поливку и прополку грядок на огороде, но и мои посиделки с малышом. И только по этой причине однажды я не виделся с другом Витькой почти два дня. Вырвался из дома – и галопом к нему.

– А Витя на стадионе на велике гоняет. Ему на день рождения купили, – встретила меня дочка старшей Витькиной сёстры тети Дуси – первоклассница Людка.

Я опрометью – в конец улицы, к стадиону. Чешу и завидую: «Во, везёт Витьке. И учебники, и книжки красивые сёстры покупают, портфель с блестящими замками и вот – велик. Конечно, у них деньги есть, сёстры работают, мать пособие получает...».

Друга я увидел сразу: он лихо катил по беговой дорожке на красивом полувзрослом тёмно-синем с блестящими колесами и рулём велосипеде. Я бросился наперерез.

– Витёк, привет!

Витька резко затормозил и спрыгнул на землю, чуть не шоркнув мне передним колесом по коленке.

– У-у, какой классный велик! – восхищенно присвистнул я и ухватился за никелированный руль. – Дашь покататься? – я заискивающе глянул другу в лицо и обалдел: какая-то несуразная кепка с длиннющим облупленным козырьком надвинута почти на переносье, а из-под него под левым глазом – чернота. Вначале думал – тень от козырька? Пригляделся: ё-мое!... Синячище – на полщеки, синий-синий с фиолетовым отливом!..

– Вит-тё-ёк, откуда?! Кто?! Да мы его...

– А-а! – Витёк кисло отмахнулся. – Ты бы посмотрел, какой у Петьки Шакалова, – и он рассказал...

Прежде чем дербануть чей-нибудь огород, мы всегда, укрывшись в Витькином малиннике, обговаривали, как будем действовать, кто останется на «атасе», кто полезет через забор, в каком месте и т.д. Так было и на этот раз в моё отсутствие. Пацаны решили пошерстить сад-огород соседа Веры Степановны. Мы давно облизывались на изобилие поспевающих за высоким забором абагурского пожарника крупных жёлто-розовых яблок на низкорослых деревьях, ждали удобного момента, когда они окончательно порозовеют. Завистливый пожарник, сад которого располагался позади «первого» магазина и почти примыкал к саду Веры Степановны, глядя на яблони знаменитой соседки, рьяно взялся за свой огород, чтобы утереть нос окружающим и доказать, что и он не лыком шит. И кое-чего добился... Мы слюной исходили, прильнув к щелям его забора.

По жребию Витьке выпало стоять на «атасе», и в десять вечера пацаны уже шнурковались у «первого» магазина, в десятке метров от которого начинался забор сада пожарника. Пацаны выжидали, когда угомонятся люди во дворах, попритухнет свет в окнах и поубавится прохожих на улицах. Все складывалось, как обычно, но едва успели Санька с Петькой и Ванькой перемахнуть через забор, как у хозяйского дома загремела цепью и лениво забрехала собака. Пацаны затаились под яблонями. И тут в окнах дома вспыхнул свет и скрипнула дверь. На пороге появился хозяин. Друзья метнулись назад к забору, так и не сорвав ни одного яблока, а пожарник, заорав: «Маркиз, фас их!», – спустил собаку с цепи.

Пацаны, отбежав от усадьбы пожарника на почтительное расстояние, вышли на центральную улицу, единственную в посёлке, имеющую фонари и освещение, и сразу же хватились: Сашки-то нет. Ё-моё, куда он делся? Неужели попался? А может, со страху уже упорол домой или ждёт у стадиона? Друзья постояли, подождали, может, догонит, и медленно двинулись к своей улице.

Откуда-то сзади вывернулся велосипедист, быстро нагнав ребят и поравнявшись, он соскочил на землю и, отшвырнув велосипед, кинулся на ничего не подозревавших пацанов, схватил оказавшихся рядом Витьку с Петькой за загривки и со всего маху дербанул их лбами. Бросив обмякших друзей на землю, спокойно сел на велосипед и покатил, матерясь сквозь зубы, назад, к «первому» магазину. Это был пожарник.

Вот такую цену заплатили мои кенты за попытку похрумкать яблочки с чужого огорода. А Санька появился назавтра и рассказал о своих приключениях следующее:

«Собака догнала меня у самого забора и повалила в картошку. Я съёжился и в ужасе замер, ежесекундно ожидая, что собака вот-вот начнёт меня рвать. А она, порычав и постояв надо мной, убежала к дому, но тут же вернулась, не дав мне и головы приподнять. История повторялась несколько раз: собака подбегала, рыкнув, обдавала мою шею и затылок горячим дыханием, возвращалась к крыльцу, а я трясся от ужаса и все сильнее и сильнее сжимался в комок. Я слышал, как хозяин вывел велосипед и куда-то укатил, вскоре вернулся, свистнув собаку, привязал её. Через час в доме погас свет и всё стихло, я же, уткнувшись носом в ботву, все никак не мог решиться пошевелить рукой или ногой, меня будто парализовало. Покинул я проклятый огород только часа в три ночи...

Но лазить по огородам после того случая мы не перестали, хотя та же морковка и те же огурцы, помидоры и кислые ранетки росли и на наших огородах. Видимо, чужая морковка была слаще... Даже став великовозрастными долбаками, мы нет-нет, да ныряли на чужие огороды.

Помню, возвращались мы как-то с Витькой с танцев (я тогда уже работал в поселковых мастерских, а он заканчивал десятилетку). Полночь. Темень и тишина. Собаки во дворах, и те прикемарили, не гавкали. И Витёк неожиданно предложил: «Что-то свежих огурчиков захотелось. Давай, пошарим на грядках нашей соседки бабки Матрёны. Я вчера видел, как она собирала их в подол, порядком набрала. У неё всегда вперёд всех поспевают и огурчики, и редисочка, и помидорчики. Ну, так как?».

– Давай.

Мы подошли к его калитке.

– Подожди, я сейчас, – Витёк сбегал домой и вскоре появился передо мной в трусах и босиком.

– Ты чё – совсем? – ошалел я от его импозантного вида.

– Так роса и дождик днём были...

– Лучше бы ты фонарик захватил.

– Откуда он у меня?

В общем, залезли мы к бабке Матрёне в огород, шарили-шарили в темноте наощупь, всю огуречную грядку переворошили, а нашли всего с пяток опупышей с мизинец величиной. Вылезли на улицу, плюнули с досады и разбежались по домам. Я спал на чердаке и чтобы не булгатить своих, со всеми предосторожностями забрался по лестнице наверх, развесил мокрую одежду в темноте по жёрдочкам и завалился спать.

А утром – скандалище. Прибежала бабка Матрёна к матери и в крик: «Твой Вовка у меня все огуречные плети вытоптал! Осталась я без огурцов. Следы к вашей калитке ведут!».

– Не может быть! – слабо защищалась растерявшаяся мать, – он... он в ночь работал.

От бабкиного крика я проснулся, прислушался и, поняв в чём дело, не на шутку перетрусил: всё, думаю, будут капитальные разборки! Но голоса постепенно затихли, и вскоре мать по лестнице поднялась ко мне на чердак. Увидев мои брюки и туфли, она все поняла и... началась истерика: «Ах, паразит! Ах, ворюга! Позарился на несчастные бабкины огурчишки! Такой позор! На всю улицу ославил. А я его, подлеца, выгораживаю, вру, грех на душу беру, уверяю бабку и соседей, что мой сын работал в ночную смену!...» – и мать заплакала почти в голос.

Я виноват, с навернувшимися на глаза слезами, принялся гладить её по вздрагивающим плечам, выдавливая из себя какие-то несвязные слова оправданья и утешенья. А в мыслях костерил последними словами друга, соблазнившего залезть в Матренин огород и оказавшегося умнее меня в несколько раз: «Сукин сын, полез за огурцами почти нагишом, сохранил свою одежду и обувь сухонькими, без единого пятнышка и тем самым обезопасил себя от малейших подозрений. А я, идиот, во всём выходном! Ну, Витёк, убью паскуду...».

Но я несколько забежал вперёд, вернёмся к начальным классам, когда наша соображаловка только-только начала просыпаться.

С появлением отца – дяди Володи у нас все как-то изменилось в семье, будто теплее и светлее стало в избе, мать перестала хмуриться и вздыхать, её лицо посветлело и стало радостно-улыбчивым. Мы впервые отмечали Новый год с ёлкой, к украшению которой очень тщательно готовились, втроём вырезали из старых газет и цветных бумажек профили всевозможных игрушек, изготавливали из тонкой медной проволоки зайчиков, белочек, бабочек, рыбок, велосипедики, грибочки и т. д.. Клеили домики, самолётики – очень похожие на настоящие, раскрашивали краснобокие бумажные яблоки, коричневые груши, кисти зеленого винограда и стручки красного

перца. Но гласное, у нас был заведён новый и обязательный порядок – ежевечерняя читка вслух перед сном художественных книг. Мать очень любила слушать, так как, имея двухклассное образование, полученное в период массовой ликвидации неграмотности, сама читала с трудом по слогам. А отец читал классно: слушаешь, и перед глазами разворачиваются все описываемые события.

Бывало, мать с отцом, обнявшись, сядут за стол подле самодельной настольной лампы, и отец читает почти до петухов, а я, затаившись под одеялом и притворившись спящим, слушаю, слушаю и будто воочию вижу все перипетии жизни, выпавшие на долю героев, будто и я перенёсся в их время. Как давно это было, но я до сих пор помню содержание книг, прочитанных отцом в долгие зимние вечера. И мне не надо было перечитывать их заново ни в школе, при прохождении обязательной программы по литературе, ни в институте на филологическом факультете. Герои «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Как закалялась сталь», «Даурии», «Хождения по мукам», «Капитанской дочки», «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Обрыва», «Обыкновенной истории», «Отцов и детей», «Маленькой хозяйки большого дома», «Американской трагедии», «Спартака», «Собора Парижской Богоматери» и многих, многих других произведений вихрем ворвались в мою жизнь в малолетстве и остались в ней навечно. С каким благоговением я ждал каждого вечера и продолжения чтения очередной главы полюбившегося произведения. И представляю, с каким нетерпением ждала этих вечеров моя мать!..

Вечера чтения не прекратились у нас и с рождением братишки Толика, который урезал моё свободное время, рос крепким толстячком и появлению которого был безумно рад отец. Но не успел карапуз сделать первые шажки, как арестовали отца за какую-то связь с заключёнными (была тогда такая статья) и за приобретение краденного госимущества. Только много позже я смог разобраться в истинной картине совершённого отцом «преступления». Весной, во время сплава леса по реке Томи полой водой, как правило, разносило по затопленным низинам и по берегам много брёвен, которые зачастую после обмеления оставались в этих низинах и постепенно гнили. Такой бросовый лес списывался как аварийный, много его по большой воде уплывало в море, часть вылавливалась местными жителями и использовалась на дрова. Однажды, проезжая по нашей улице, какой-то мужик на тракторе предложил отцу: «Купи, хозяин, аварийный лес на дрова. Брёвна хорошие, можно и на строительство пустить, – и кивнул на пять брёвён, прицепленных к трактору на удавке.

Сговорились о цене. Тракторист оказался бесконвойным заключённым, а брёвна, действительно, бросовым аварийным лесом. Отца осудили на пять лет – по году за каждое бревно – с конфискацией имущества. Не было ни хрена, и последнее выгребли... Началась новая полоса лишений и полуголодной жизни.

А вскоре я загремел в больницу с травмой позвоночника: неудачно приземлился с крыши нашей засыпухи, хотя и невысоко падать, а земля оказалась слишком жёсткой. Через какое-то время начались приступы с ужасной болью в позвоночнике и потерей сознания. В гипсе от затылка до колен и без малейшего движения я провалялся на специальной больничной койке полгода. В лежачем положении закончил четвёртый класс и прочитал громадное количество книг, читал всё подряд при тусклом свете, падающем в палату из коридора, на рассвете и при закате, и угробил зрение до минус трёх. Совершенно разучился ходить, и при выписке из больницы долго учился переступать непослушными ногами. За полгода лечения до жути надоели «утки» для справления нужды (я всегда испытывал мучительный стыд, когда нянечка подсовывала посудину под мою задницу) и было крайне неудобно есть суп, черпая ложкой из тарелки, стоящей на груди, – не видно, что черпаешь, и много проливается на подбородок и шею.

Выписался из больницы перед самым началом учебного года, и мать в пятый класс меня не пустила: побоялась – вдруг вновь спину сорву. Просидел год дома, запоем читал книги и водился с подрастающим братишкой. Когда выписывался, старенький доктор, ощупывая мой позвоночник, особенно в области бывшего смещения позвонков, улыбчиво напутствовал:

– Ну-с, молодой человек, пока у вас всё хорошо, но послушайте моего совета – вас спасёт только спорт, и только он, иначе будет инвалидная коляска. Начинайте с малого: больше ходите, затем – лёгкий и интенсивный бег. Окрепнете, можно заняться гантелями, штангой...

И я последовал совету старичка-профессора: играл в городки, накачивал мускулы гантелями, увлекался, правда, недолго, боксом, штангой, культуризмом и самбо, стоял на воротах в футбольной команде, но главным видом спорта для меня стала охота. Рюкзак, ружье, таёжные тропы с переходами до 20-30 километров в день, дикая природа – вот что держало и держит меня на плаву, что даёт мне жизненные силы шагать и шагать вперёд.

Так мы с Витькой стали на следующий год учиться в одном классе. И как раз на этот период приходится повальное увлечение молодёжи наколками, вернее, татуировками. Не обошла стороной эта зараза и нас. Первым заегозился сделать наколку Петька. Однажды, укрывшись в малиннике, он лихорадочно поблескивая глазами и суетливо потирая руки, предложил: «Пацаны, давайте сделаем наколки. Сейчас все поголовно делают. У меня и рисунки есть. Вот, к примеру, спасательный круг, а за ним якорь, обвитый цепью и подпись: «Морская душа – нет ей покоя!»; следующая наколка – горы и солнце, всходящее над ними – «Сибирь» называется; далее – нож, воткнутый в пень, и вокруг лезвия змея обвилась, а ниже слова: «Нет в жизни счастья!» Можно выколоть на ногах слова: «Они устали, но не догонишь!» или сердце со стрелами и инициалами...

Азарт, с каким говорил, жестикулируя Петька, взбудоражил нас, особенно меня. Как-то будучи с отцом в поселковой бане, я видел одного мужика, сплошь разукрашенного татуировками. Чего только не было на его теле: и портреты Ленина со Сталиным – на груди; и орёл с распростёртыми крыльями, несущий в когтях голую девушку – на животе; и крепостная башня с бойницами – во всю спину; и красивые русалочки – на плечах; и кошка с мышкой – на ягодицах. Мужик шагнет: кошка – прыг на мышку, а та нырь между ягодиц... Вот скульно!.. Я даже мыться бросил и втихаря – за мужиком, он – в парную, я – за ним, он воду в тазик набирать, я – тоже...

– А ты знаешь, как делать наколки? – придвинулся я к Петьке.

– Да ничего сложного. Берутся две, а то и три иголки, соединяются и обматываются крепко ниткой так, чтобы только чуть-чуть высовывались их острые кончики. На руке или в другом месте тела, где будет делаться наколка, тушью рисуется картинка или слова, которые надо выкалывать, и по этому рисунку, макая кончики иголок в тушь, прокалываешь кожу, ощущение, как укус комара. Вот и всё. Жаль, что туши нет, но я спрашивал, говорят, её можно самим сделать: сжечь резиновый каблук и образовавшуюся сажу развести или в водке, или в одеколоне.

Назавтра Витёк «свистнул» у сестёр какие-то духи, и мы по Петькиному рецепту моментом сварганили самодельную тушь. И я первым ринулся испытывать её. Санька, как более искусный в рисовании, изобразил на тыльной стороне моей кисти две сопки и всходящее из-за них солнце, а на плече – спасательный круг и якорь с цепью, после чего Петька и Витёк принялись, сменяя друг друга, воспроизводить Сашкину живопись в натуре, да так усердно, что я чуть не взвыл от «комариных укусов».

Экзекуция длилась долго, место наколок вспухло и кровоточило. Витёк, глянув на мои искусанные губы и слезинки, дрожащие в уголках глаз, заявил: «Ша! Я сам буду делать себе татуировку. Не так больно будет. Вон, Вовка чуть не ревёт...».

– Ты чё! И совсем не больно! – взвинтился я, незаметно шоркнув рукавом по глазам.

– Да ладно, – отмахнулся Витька и повернулся к Саньке, – Сань, напиши, и покрасивее, мне на ноге повыше пальцев: «Они устали!» и дай сюда иголки.

Решение друга использовать броский афоризм (во всяком случае, так казалось нам тогда) при нанесении татуировки на ногах подогрело моё самолюбие, и я загорелся сделать такую же у себя, но только выше колен, крупнее и полным текстом. Так и сделал...

Свои примитивные, коряво сделанные татуировки, я, прибегая ко всевозможным уловкам, долго и тщательно скрывал от матери, а когда, спустя несколько недель, она увидела мои художества, крика и слёз было море, даже по затылку досталось.

– Дурак, ты дурак! – плакала она, – у нас в деревне клеймили скотину, а ты сам себя заклеймил... Ты что, бычок или баран какой?..

Как, мама, ты была права! Вот уже многие десятки лет проклинаю себя за детскую дурость: из-за своих татуировок я практически не посещаю общественные бани, сауны, бассейны и крайне редко загораю на многолюдных пляжах, предпочитаю уединенные места...

* * *

С тех пор прошло много-много лет. Вернувшись с севера, где пробыл почти двадцать лет, я в первую очередь посетил дорогие моему сердцу, милые места в посёлке Абагур-Лесной.

Прогуливаясь по центральной улице имени Ульяны Громовой, по нашей Тюленинской, я узнавал и не узнавал родной посёлок, заветные уголки и переулки, с грустью вспоминал былое, с сожалением отмечал произошедшие изменения и чуть ли не смахивал тайком набегавшую влагу на глаза.

Нет «первого» магазина с высоким крыльцом, у которого мы когда-то с ночи занимали очередь за хлебом, отмечая химическим карандашом на ладошках свой порядковый номер. Сгорел. На его месте – современный киоск поселкового предпринимателя, полки и витрины его заполнены пластиковыми бутылками с «Пепси-Колой», с пивом всех сортов, коробками шоколадных конфет, какими-то банками, сникерсами, жвачкой и т.д.

Сгорел и наш бывший очаг культуры – клуб, где Витёк играл на аккордеоне и на кларнете в оркестре, а мы с Санькой пели вторыми голосами в мужской хоровой капелле, и где исключительно весело проходили новогодние бал-маскарады. На строительство нового клуба у администрации посёлка нет денег. Исчез с лица земли сквер с аллеями и летней танцплощадкой, куда в тёплые летние вечера приходили отдохнуть и потанцевать не только пацаны и девчонки, но и люди более солидного возраста.

Вырубили стройные исполины-тополя и берёзы, снесли лавочки и на их месте возвели коробку двухэтажного жилого барака, но, видимо, кончились деньги, и здание уже несколько лет зияет чернотой дверных и оконных проёмов с громадными кучами строительного мусора вокруг. На месте поселковой больницы, утопавшей когда-то в густых ветвях плакучих берёз, черёмушника, рябинника и кустов акации, роскошных в красивом и обширном палисаднике, возвышается особняк нового русского, который безжалостно вырубил и плакучие березы, и акацию, и даже сирень.

Да, очень многое изменилось в облике посёлка, он заметно постарел, но одновременно и обновился, что-то ушло в небытие, что-то перестроено, особенно дома на нашей улице.

пос. Абагур-Лесной

Иван ГОРБАЧЕНКО

Родился в городе Салаир Кемеровской области. Стихи пишет с юных лет. Печатался в различных литературных изданиях. Призёр поэтического конкурса «Союзники- Кузбасс».Дипломант поэтического конкурса общероссийской организации Союза писателей Кузбасса. С 2011 года – член Союза писателей Кузбасса. Выпустил персональные сборники «Я держу в ладонях свет» и «Ноябрьский снег».

Как факел для грядущих поколений

Ветеранам войны

Уже не много ветеранов той войны,
Прошедших ад и покоривших время.
Они состарились, те юные сыны,
Непокорённое героев племя.

Но память держит их военные года,
Лихих боёв и танковых сражений,
Однополчан своих, ушедших навсегда,
И знамя над Рейхстагом в день весенний.

Им не залечит время тех жестоких ран,
Им снится по ночам в душе уставшей,
Как будто вновь приказ им в наступленье дан,
И снова слышен гул военных маршей.

Они по-прежнему в строю, и, как тогда,
Жизнь состоит из тысячи мгновений.
Нам пронести их подвиг надо сквозь года,
Как факел для грядущих поколений.
23. 02. 2025г.

Бессмертный полк

Была война! И мы в ней победили!
В жестокой, окровавленной войне.
Когда солдаты в вечность уходили,
Чтобы с небес вернуться в мирном дне.

Как эхо от Великой той Победы,
Бессмертный полк шагает по стране.
В одном строю отцы и наши деды,
Кто погибал в безжалостном огне.

Они идут в колоннах вместе с нами,
Солдаты, не пришедшие с войны.
Глядят с портретов добрыми глазами
Отважные российские сыны.

Их миллионы, к разуму зовущих,
Они, как свет, негаснущий в окне,
Они и боль, и гордость всех живущих
И наша память о былой войне.

ВСО в Украине

На Донбассе раздался набат.
Чтоб народ не познал там беду,
Вновь воюет российский солдат.
Как тогда, в сорок первом году.

Восемь лет, разрушая дома,
Загоняя в подвалы людей,
Украина сходила с ума
Под наркозом бредовых идей.

Культ Бандеры растил палачей,
Под ружьё становилась вся мразь.
Опьянев от фальшивых речей,
Эта свора к Донецку рвалась.

Но Россия свой огненный щит
Подняла на защиту людей,
И по швам Украина трещит,
Под ударом отважных парней.

Кто ответит за наших солдат,
За их кровь, за их смерть на войне,
Кто ещё должен взять автомат,
Чтоб погибнуть по чьей-то вине?

Пожелаем же им всей душой,
Чтоб в жестоких боях уцелеть.
Поскорей возвратиться домой,
Чтобы песню победную спеть.

Вечная память

Был вечер двадцать первого июня,
Счастливой жизнью жили, кто как мог.
Влюблялись пареньки в девчонок юных,
У старших был для отдыха предлог.

В садах бродило лето колдовское,
Летел с эстрады музыки разлив,
Но тёплый вечер уходил с тоскою,
По-летнему особенно красив.

Утихли запоздалые сапожки,
Спокойно, мирным сном спала страна...
Лишь холодок ночной вползал в окошки,
И вдруг как гром: «Война, Война, Война!...».

Зловещий гул фашистских самолётов,
Разрывы бомб, земли родимой стон
Встречали на границе наши роты
И принимали на себя огонь.

Они сражались, пока сердце билось,
За каждый уголок своей земли.
Недомечталось им, недолюбилось:
Они в боях жестоких полегли.

Им не подняться, не прийти обратно,
Они с тех пор у времени в плену.
Им память вечная за подвиг ратный,
Отдавшим жизнь в тот день и в ту войну.

Солдат России

Я не был на войне. А мой отец
Ушёл, когда мне было лишь полгода,
Я просто несмышлёный был «малец»,
Входящий в мир, дарованный природой.

В боях жестоких смерть была красна,
Вслед за врагом брели людские беды.
Но шла войны четвёртая весна,
И вместе с ней – желанная Победа.

Отец вернулся, хоть и ранен был,
Оставив руку там, на поле битвы,
Но жизнь ему Бог, видно, сохранил
Для мирного труда и для молитвы.

Его война осталась далеко,
Но не имел он права расслабляться,
И, стиснув зубы, жил, ведь нелегко
Растить детей, с хозяйством управляться.

Он не дожил до наших светлых дней –
Война в окопах отняла здоровье.
Он был солдатом Родины своей,
И я горжусь, что сын отца-героя.

Спасибо, солдат!

Уже давно атаки отгремели,
Но слышен стон израненных дорог.
Леса наряды новые надели,
Но помнят ночи, полные тревог.

И нет войны, но, если сердце бьётся,
В одежде штатской, на любом посту
Солдат всегда солдатом остаётся
И охраняет неба чистоту.

А если вдруг раздастся гул набата,
Встать по тревоге он всегда готов,
И благодарен мир ему, солдату,
За жизнь, за свет, за счастье, за любовь.

Ветеранам войны

Земной поклон вам, наши ветераны,
За трудные бои, за ваши раны,
За свет, который вы нам подарили,
За мир и счастье, что вы защитили.

Вам было суждено в живых остаться,
Чтоб за погибших жизнью наслаждаться
И помнить их, героев тех событий.
А если что не так, вы нас простите.

Солдатские дороги

Дороги сражений, дороги войны,
Как были они для солдата трудны.
Не многим судьба даровала в пути
Назло всем смертям до Победы дойти.

Но он их прошёл, наш советский солдат,
Москву защитил, отстоял Сталинград,
Его не сломала машина войны
От первых атак до победной весны.

Солдат мёрз в окопах и в танке горел,
В минуты затишья с друзьями он пел,
В атаках огонь на себя принимал
И землю родную, как мать, обнимал.

Он выстрадал горе, но духом не пал,
Он верил в успех, хоть порой отступал,
Громил вражью силу, не зная преград,
За мужество был удостоен наград.

Когда в сорок пятом повержен был враг,
Он знамя Победы поднял на Рейхстаг,
В параде Победы прошёл у Кремля,
Его сберегли небеса и земля.

Русь привольная

Святая Русь, испытанная временем,
От нищеты босая и голодная,
Сгибалась ты под непосильным бременем,
Ведь для врагов была ты чужеродная.

Во все века тебя насильно грабили,
Вели на казнь безвинно виноватую,
Тебя у плахи на колени ставили,
Хотели видеть на кресте распятую.

Земля твоя не раз была изранена,
Поля – слезами горькими политые,
Но ты в боях не уронила знамени,
И подвиги остались не забытые.

Теперь живёшь во славу, Русь привольная,
Могучая, как Бог, и справедливая,
Тебе к лицу и высь, и ширь раздольная,
Под чистым небом самая счастливая.

Честь Родине

Тысяча четыреста восемнадцать дней
Полыхала Родина в зареве огней,
На земле израненной шёл смертельный бой,
Надо было Родину заслонить собой.

Погибали тысячи под дождём свинца,
Разрывались пулями юные сердца,
И солдаты падали, чтобы снова встать,
Надо было честь свою в битве отстоять.

Похоронки чёрные в семьи шли с фронтов,
Слышались рыдания безутешных вдов,
И земля, впитавшая кровь своих детей,
Вместе с ними плакала от таких вестей.

Поначалу рушился на Победу шанс,
И, казалось, кончился наших сил запас,
Полчища фашистские до Москвы дошли,
Но в войне безумной той смерть свою нашли.

От Орды до Гитлера все к нам шли с мечом,
Чтоб лишить нас Родины, разорить наш дом.
Но во славу русскую песни мы поём,
За Победу Родине Честь мы отдаём.

Елизавета ПШЕНИЧНИКОВА

Пшеничникова Елизавета Владимировна родилась 23 апреля 2001 года в городе Осинники Кемеровской области. В 2018 году окончила 9 классов и поступила в ГАПОУ «Кузбасский колледж искусств» на специальность «Теория музыки». В 2022 году окончила колледж и поступила в КемГУ на программу «Русский язык и Литература», в настоящее время – студентка этого института.

Своё первое стихотворение написала в дошкольном возрасте, с тех пор не переставала заниматься поэтическим творчеством. В 2016 году впервые посетила заседание литературного клуба «Кедр» на базе городской библиотеки. Здесь состоялось её знакомство с интересными людьми, общение с которыми обогащает и способствует творческому росту.

Мне говорила ромашка

Порой бывает очень трудно

Порой бывает очень трудно
Решиться правду рассказать.
В душе лежат вопросы грудой,
И как-то надо их решать.

Придя в согласие с сомненьем,
Пройдя нелёгкий этот путь,
Найдём мы радость, утешенье,
И силы снова к нам придут.

Родное место

Я знаю, место есть такое:
Простор и тишь... Там всё родное!
Там запах трав и воздух чистый,
Там звон ручья и шелест листьев.

То место тянет и влечёт,
Теряю времени там счёт.
Мечта моя — прийти туда,
Понять, куда течёт вода.

Пойду тихонько я к ручью,
Воды студёной там попью.
И вихрь, гуляющий на дне,
Увижу и склонюсь к земле.

Заметить в пенье птиц канон,
В тиши лесной услышать звон,
Увидеть, где лежит хвоя,
Искать — задача вот моя!

В родной дали скрипит калитка,
Ползёт навстречу мне улитка,
А по стволу бежит смола,
Я рада, что сюда пришла!

Люблю я очень это место,
Сюда приду с друзьями вместе,
Чтоб им хотелось, как и мне,
Гулять здесь снова по весне!

***

Наблюдаю из окон автобуса
За прекрасной природой Кузбасса.
Вдоль дороги широкие полосы
Золотого цветущего рапса!

Необъятное яркое поле,
Ты раскинулось вширь и в длину.
Улыбается солнечный лучик,
Проходя над тобою на юг.

Одуванчика маленький зонтик
Вдаль летит, и его не догнать,
А луч солнца спешит к горизонту,
Их из вида стремлюсь не терять.

***

Нужно ждать, и ответ точно будет,
Неустанная кружится мысль.

Осеннее настроение

А деревья, совсем золотые,
Притаившись, тихонько стоят.
Передать не могу красоты их,
Посмотри на чудесный наряд.

Осень поступью тихою бродит,
Собирает листву в хоровод,
В тёплый вечер с подругой-природой
Говорит по душам и поёт.

Воцарились кругом тишь, прохлада,
Поражает величьем сосна.
Отвести невозможно тут взгляда
От природы, что красок полна.

Под ногами засохшие ветки
Захрустели, запахло хвоёй,
Дождик сыплется маленький, редкий,
Говоря мне украдкой: «Постой!».

Не хочу уходить я отсюда,
Мне пейзаж этот дорог и мил.
Но заждались родные мне люди,
Я вернусь, наберусь только сил.

Беседа с ромашкой

С ромашкой чудесной вели мы беседу
О солнце, о ветре, о летнем дожде.
Над нами кружилась пчела-непоседа,
Вдруг стало привольно и радостно мне.

О дружбе своей с незабудкой-соседкой,
Труде муравья и о пении птиц,
Как машет берёза приветливо веткой,
Как стонут деревья при блеске зарниц

Мне говорила ромашка тихонько,
Не шелохнувшись, внимала я ей.
Дул свежий ветер нам в лица легонько,
Песня неслась с отдалённых полей.

«Жук был в гостях у меня накануне,
Пели, играли, смеялись мы с ним.
Завтра, наверное, встреча вновь будет,
Как же прекрасно,
что можем дружить!»

И я рассказала подружке-ромашке
О жизни своей, об учёбе, делах,
Как ем по утрам я перловую кашу.
Она улыбнулась при этих словах.

Такую беседу с ромашкой вели мы,
А травы притихли и слушали нас.
В беседе той души друг другу излили,
И стало на сердце легко мне тотчас.

***

Когда мне трудно, как не сдаться?
Как устоять, не падать вниз?
За дело доброе как взяться,
Сказав решительно: «Борись!»

Обдумать важно состоянье,
Поставить цель и к ней пойти.
Просить прощенья с покаяньем
Пред тем, кого обидел ты.

Пусть будет трудно — помни свято,
Что есть в конце тоннеля свет.
Печальный и тоской объятый,
Его пусти ты в сердце след.

Но чтобы измениться, нужно
К тому стремиться всей душой.
В слезах с вниманьем совесть слушать,
Не отступать ни в град, ни в зной.

Но только надо загореться
Стремленьем изменить себя.
На веру в чудо опереться
И времени не тратить зря!

Как меня зовут?

Меня зовут художник,
Ведь иногда рисую,
Пусть очень осторожно
Неровно и вкосую.

Меня зовут читатель,
Поэзию и прозу
Стараюсь изучать я,
Чтоб сбросить груз эмоций.

Сказать совсем не просто,
Кто я на самом деле.
Искать себя — вот средство,
Что мой вопрос развеет.

Мадригал для мамы

Мудра, добра и весела,
Светла и радостна, как утро.
Мой верный друг, моя скала,
Ты дашь совет, когда мне трудно.

Тебе одной я сердце
Открою, покажу
И все мои тревоги
Подробно изложу.

Благодарю, что жизнь дала.
К тебе бегу, когда печально,
Желаю, чтобы каждый день
Простые чудеса случались!

И лишь тебе открою,
О чём при всех смолчу.
Наедине с тобою
Шепчу я, не кричу.

Спасибо, мама, что меня
Своей заботой окружаешь,
Я не могу прожить ни дня
Без той любви, что ты мне даришь!

Ведь лишь тебе открою,
О чём давно молчу.
Как трудно мне порою,
Поведать я хочу!

***

Бывает, зимою,
В полуденный час,
В окно я взгляну
И увижу тотчас
Сиянье снежинок,
Их чудный полёт.
И хочется жить мне,
И сердце поёт!

***

Смотрю на падающий снег,
Картиной этой восхищаюсь!
Не замечаю стрелок бег,
Куда направить путь, решаю.

А, может, мне спросить его?
Послушать, что же он ответит?
Спросить у снега самого?
Он знает обо всём на свете!

Задам волнующий вопрос,
И пусть не сразу, через время,
Пойму, задумавшись всерьёз,
К чему вести свои стремленья.

Осеннее размышление

Солнце садится за гору,
Листья роняет берёза.
Всё повторяется снова:
Радость, отчаянье, слёзы.
«Что же мне делать?» — ты спросишь.
«Верить, и к свету стремиться!».
Если с надеждой живёшь ты,
Доброе что-то случится.

Вечер

Плещется тихое море,
В воду глядят кипарисы.
Нет, мы с тобою не спорим —
Лучше тихонько молиться!
Свет от луны, отражаясь
В тёмной воды переливах,
Кажется, к нам обращаясь,
Шепчет об елях и ивах.
В час упоительный этот
Мне так легко и отрадно.
Отдых от яркого света
Ночь нам приносит в награду.

Разделяй и властвуй!

«Что не так с фестивалями?»

25 апреля 2024 года под таким заголовком увидела свет статья в «Литературной газете», автором статьи является «подающий надежды» кузбасский «литератор или поэт» Дмитрий Филиппенко, «председатель совета молодых литераторов Кузбасса», как он подписался под своей статьёй.

После прочтения творения своего земляка, во мне не в первый уже раз всколыхнулись неприятные чувства от мыслей при воспоминании о недостойных, я бы сказал, дискриминирующих делах в нашей Кузбасской писательской организации, где есть «настоящие» литераторы – авторы, поэты и прозаики, и «ненастоящие»... Собственно говоря, об этом и идёт речь в названной статье не уважаемого мною автора хотя лично мне и незнакомого:

«Я хочу рассказать о фестивалях, которые организуются в Кузбассе... авторского творчества (поэтического и песенного). Литературными их назвать никак нельзя, потому что от литературы в них мало что присутствует, и то, что происходит на этих фестивалях, частью литературного процесса не назовёшь. Такие фестивали проводятся в Прокопьевске, Калтане, Новокузнецке, Белово, Мысках и т.д.

Особняком стоит Всероссийский литературный фестиваль имени Алексея Бельмасова, в котором, с точки зрения литературного процесса, всё сделано грамотно...». При этом мне сразу же захотелось сказать, что «грамотный фестиваль», с точки зрения автора статьи, проведён был в его родном городе Ленинске-Кузнецком (в прошлом, Кольчугино), при личном же участии автора статьи в организации и прочем этого фестиваля. На котором ему, «очень талантливому» и «молодому» кузбасскому поэту, наконец-то было присвоено лауреатское звание... Не в пример тем «неграмотным фестивалям», на которых его «таланты» замечены и отмечены высоко не были, во всяком случае, видимо, как хотелось автору статьи.

И вот с наконец-то полученным своим «лауреатством», нарушив принятые в Кузбассе правила приёма в члены Союза писателей России (СПР), через областное правление СПР рванул наш «фестивальный лауреат» напрямки в Москву, в центральный офис СПР. Где его без всяких проволочек тут же и приняли в СПР и свидетельство выдали! Фантастика в сравнении с теми мучениями, через которые проходят обычные кузбасские литераторы, изъявившие желание стать обладателями свидетельства члена СПР. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что сегодня свидетельство члена СПР совершенно не даёт никаких привилегий и прав своему обладателю в сравнении с остальными литераторами, «необладателями» таких свидетельств.

«Что же не так с этими фестивалями? – далее сообщает автор статьи. – Целью этих фестивалей является популяризация лучших образцов авторского песенно-поэтического творчества авторов как самобытного явления культуры. Но лучших образцов мы на площадках этих фестивалей не наблюдаем. Отбора на подобные фестивали нет, определённая группа людей кочует с одного фестиваля на другой, читает одни и те же стихи, поёт одни и те же песни. А если и проводится отбор, то его осуществляют библиотекари, музейные работники, но ни в коем случае не члены Союза писателей России... Талантливые, в том числе молодые авторы, на такие фестивали приезжать не хотят, потому что объективной и адекватной оценки, а главное, литературной пользы и роста они не получают. Семинары, лекции, мастер-классы, «круглые столы» на таких фестивалях не проводятся. Жюри формируются из числа поэтов, композиторов, почётных гостей, представителей организаторов. О профессиональных Союзах ни слова... На фестивалях, о которых я рассказываю.., принцип проведения строится вокруг номинаций. Поэзия не должна делиться на номинации, она или есть или её нет...», – далее говорит автор статьи Д.Ф. При этом сам же и дискредитирует своё утверждение – изначально, присутствием в разговоре того, что пытается разделить, точнее, разделил уже, областную писательскую организацию по возрастному цензу – ввёл в неё неуставной «Совет молодых литераторов Кузбасса», который пытается взять власть (если можно так сказать) в свои руки в Кемеровской областной писательской организации. И, можно же сказать, что «литературная кузбасская молодь» на сегодняшний день почти достигла уже своей цели, поскольку Д.Ф. стал-таки заместителем председателя правления областного отделения СПР.

На мой взгляд, в чём я согласен с автором статьи, нельзя делить литературное творчество по номинациям (хотя это как бы и общепринято), но и деление его по возрастам авторов (не беру во внимание чисто детскую литературу) это тоже негоже. Нужно рассматривать каждое произведение и все их вместе (если их много представлено на какой-то конкурс) изначально, вообще не беря во внимание их авторов. Авторов нужно «прилагать» к произведениям после проведения конкурса, по его результатам, объявляя победителей. Как показывает литературная жизнь в более широком плане и в масштабе (в том числе и мировом), хорошие произведения (работы, книги и т.д.) делают и опытные (великовозрастные) авторы, и более молодые их коллеги. Хорошим примером тому может служить недавно проведённое празднование Дня печати Новокузнецким городским отделением Союза журналистов России. На котором, в равной степени, отмечались заслуги и представителей старой городской журналистской гвардии, и молодой... И вообще, ведя рассуждения о деятельности в Кузбассе СЖР и СПР, мне захотелось сравнить их деятельность по собственному опыту. Для чего и расскажу, как принимали меня в Союз журналистов России в Новокузнецке. Первое, что хотелось бы отметить при этом – приём новых членов в ряды СЖР производится по «образу и подобию» приёма в советские времена в ВКП (б)/КПСС. Прежде всего – с написания вступающим личного заявления о своём желании на вступление в члены СЖР; затем – с получения им письменных рекомендаций от двух членов этой организации. И лишь после этого личное заявление вступающего в ряды СЖР и выданные ему рекомендации от двух членов этой организации рассматриваются на правлении городского отделения СЖР (совместно с этим рассматриваются и журналистско-писательские дела вступающего). После всех рассмотрений и заслушиваний принимается решение членами правления о приёме кандидата в члены СЖР. Решение о приёме в свои ряды нового члена СЖР утверждается членами правления, как правило, единогласно (судя по моему приёму). После этого протокол приёма (и остальные требуемые документы на кандидата) отправляется в Кемерово (в областное правление СЖР). Где, также, решение и представленные документы рассматриваются и утверждаются, после этого отправляются в Москву (в центральный офис СЖР), где в случае окончательного утверждения выписывается удостоверение члена СЖР, и всё отправляется в обратном порядке...

Так же, по моему мнению, должен осуществляться приём и в члены Союза писателей России в нашей области. Чего, к сожалению, и великому стыду у нас и в помине нет. О чём я более «детально» расскажу в «Итогах литературной жизни писательских организаций Кузбасса в 2024 году». Пока же почитаем дальше литературные размышления нашего «прославленного и молодого» литератора Кузбасса: «...Подобные «поэтические» фестивали в Кузбассе формируют понимание у обыкновенных людей в городах, где они проводятся, что вот он, цвет (эталон) современной поэзии Кузбасса. И когда граждане слышат стихи настоящих поэтов, они их не понимают, так как, к сожалению, приучены к примитивным и дегенеративным стихам, звучащим на псевдофестивалях. Организаторы которых, не приглашая на фестивали членов Союза писателей России в жюри, тем самым показывают своё негативное отношение к этой организации. Видимо, боятся, что профессиональные писатели разрушат их матрицу. Да, матрицу, потому что это вымышленный мир. А, может, серьёзно опасаются, что профессиональные писатели приедут и разоблачат всю их непрофессиональную работу...».

– Ух.., – смахнув со своего лба выступивший пот, только и смог я сказать самому себе после прочтения такого «глубокомыслия» нашего славного «профессионального» писателя и поэта, нашей будущей славы... Отчего захотелось поразмышлять и над словосочетанием – «писатель- профессионал», что же это за «чудо» такое? Для «устаканивания» понятия в своей голове рассмотрю словосочетания – «шофёр-профессионал» и «шофёр-любитель». «Шофёр-профессионал» – это человек, работающий на каком-то предприятии водителем какого-то автомобиля, выполняющий на этом автомобиле какую-то работу, за которую получает на этом предприятии и какую-то же заработную плату; «шофёр-любитель» – человек, который ездит на своём личном (или арендованном) автомобиле по личному плану, возможно, и не меньше, чем шофёр-профессионал, но заработной платы ему никто не платит, наоборот, он сам вкладывает личные денежки в заправку личного автомобиля бензином, за его ремонт и так далее...

Так вот, если под этим «соусом» посмотреть на нашего «профессионального писателя» Дмитрия Филиппенко – горняка по основной своей трудовой деятельности, то, несмотря на его удостоверение члена СПР, приобретённое им «партизанским» способом (отчего я присвоил ему звание «кольчугинского партизана»), он что ни на есть самый обыкновенный «любитель» в области литературы, как и обыкновенный же «любитель пива»! О чём он далее упоминает в своей статье.

Почитаем литературное творение «кольчугинского партизана» дальше. «...Организаторы таких фестивалей не хотят принимать новые формы... В Прокопьевске я предложил... Но организатор сказала, что ей это не нужно, её это устраивает, и она не будет сотрудничать с Союзом молодых литераторов Кузбасса...», – с явной обидой говорит далее автор. Отчего, со ссылкой на предыдущее рассуждение о «профессиональных писателях Кузбасса», хотелось бы посмотреть, а кто же такие «молодые писатели Кузбасса»? К великому моему сожалению, думаю, и к сожалению моего читателя, у меня нет информации о них... Но, вероятнее всего, среди них нет выпускников Пушкинского Царско-Сельского лицея, перед которыми нужно было бы расступиться всем стоящим впереди них в очереди к областному «литературному горнилу»... Из которого, хоть и не часто, но всё же можно выхватывать и цеплять себе на грудь «ордена» и прочие земные благодати всевышнего!

«...На фестивале в Калтане из тридцати пяти участников было всего лишь три автора до сорока лет...», – говорит далее Д.Ф. и тем самым как бы обвиняет организаторов этого фестиваля. В чём, на мой взгляд, также кроется его лукавство.

А именно, по всему видно, что знают все – автор, обвиняя организаторов кузбасских фестивалей в недоработках по подбору «молодёжи» на литературные фестивали, сам как бы и не знает того, что «литературной молодёжи» мало в участниках наших литературных фестивалей не от того, что их организаторы плохо работают с массами... А от того, что молодых литераторов просто нет в наших городских писательских организациях в наличии. И не от того, что организаторы фестивалей плохо работают с ними, а от того, что молодёжь не хочет и не может заниматься литературной деятельностью бесплатно (как ветераны, пенсионеры). Потому что и литературной молодёжи, как ни странно, кушать тоже хочется. К примеру, в Новокузнецком городском отделении Союза журналистов России молодёжь есть, потому что есть для них и оплачиваемая работа, особенно в городском телевидении... Где, к слову сказать, есть работа и журналистам солидного возраста... И, что самое главное и самое интересное, между ними нет никаких антагонизмов по возрастному цензу, да и понятия «настоящий журналист» или «ненастоящий» в их рядах также напрочь отсутствуют! Занимается человек писательско-журналистской деятельностью, публикует где-то свои разработки, значит, это журналист и писатель-профессионал. Если пишет и читает свои разработки только своим детям и внукам, тогда этот человек – писатель-любитель, как и журналист тоже. Чего, видимо, не понимает и не знает «неуважаемый» мной автор статьи, оттого и говорит далее, на всю страну: «...У нас в Кузбассе много литературных групп, состоящих на 80-90 процентов из участников 65+. И им хочется соревноваться между собой. Пускай соревнуются. Но пускай называются не литературными группами, а группами любителей поэзии. Клуб любителей пива не соревнуется и не проводит конкурсы по его варке. Пусть приходят в каждые выходные в библиотеки, читают друг другу стихи, в том числе и собственные, но зачем из плохого материала делать шоу в виде фестиваля? Пожалуйста, назовитесь так: «Открытый городской конкурс любителей поэзии». Но при этом не претендуйте на статус фестиваля. Одно дело – проводить мероприятие в виде конкурса, и другое – назвать его поэтическим фестивалем, это кощунство по отношению к русскому языку и литературе...», вот так, «кощунство по отношению к русскому языку и русской литературе» и не иначе, и не менее того, и...«ничего личного!», как говорится!

Я более двадцати лет занимаюсь литературно-творческой и журналистской деятельностью и работой, при этом не знаю, считают ли меня «мои профессиональные и молодые коллеги по перу» «профессиональным писателем и журналистом»? Вероятнее всего, не считают! Тем не менее, за все названные мои литературно-творческие годы, во-первых, я сам проделал большую работу в этом направлении (этот Альманах у меня уже 22-й по счёту, кроме того, выпущено и пять объёмных книг), во-вторых, конечно же, я научился отличать «качественное и сильное» литературное произведение (стихотворение или рассказ) от «слабого»; соответственно, научился отличать и зрелого автора по его произведениям и книгам – от менее опытного или менее талантливого. Как редактор литературного печатного издания с многолетним опытом работы, понимаю, что сделать очередной и хороший номер своего Альманаха из «качественных и сильных произведений» проще, чем собирать его из литературного материала, с которым нужно ещё хорошенько поработать, чтобы он стал более-менее хорошим. Тем не менее, сегодня, отсекая от себя якобы слабых авторов, ты сам уменьшаешь число своих авторов в будущем... Поскольку, якобы, слабые авторы сегодня не учатся: хороших авторов нужно растить из своих, а не «стрелять» на стороне. На мой взгляд, это тоже одна из главных задач литературных руководителей всех уровней в дне сегодняшнем!

Хочется сказать ещё немного и о качестве творений наших якобы профессиональных авторов и изданий, о чём «печётся» и мой земляк «кольчугинский партизан».

Давненько уже и, можно сказать, случайно, попала мне в руки книга члена СПР, прокопчанина М.П. Анохина, с интригующим названием «Если в доме теряются ножницы...», которая, по своей сути, является сборником нескольких прозаических «шедевров» автора. Один из них – «повесть» «Прокурорская сага»! Которая, по сути же и по моему мнению, является мерзостью наивысшего уровня! В своей «повести» автор, ни одного дня в своей жизни не работавший в силовых органах страны, тем более, в прокуратуре, показывает в невероятном негативе не просто работников этого государственного надзорного органа, а главного прокурора города... По названной книге и названной «повести» была опубликована объёмная критическая статья в главной областной общественно-политической газете «Кузбасс», автором критической статьи является прокопьевский же журналист Анатолий Ярмолюк. Прочитав эту публикацию, я целиком и полностью согласился с мнением критика... Более того, считаю, что писателям с такими мыслями в своих головах не место быть в Союзе писателей России, членами которого были в своё время Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Александр Твардовский и другие великие мастера русского слова; за нравственную деградацию и мерзопакостные извращения морали нашего общества в их «произведениях» их нужно гнать из Союза писателей России поганой метлой! Ан нет: они там есть, они там живут, благоухают и множатся! Может быть, «писателям-профессионалам» так можно? Как говорится, что дозволено ЮПИТЕРУ, нельзя – БЫКУ, а им – можно! Оттого и живёт ещё без оглядки старый курилка? В подтверждение этому на днях буквально поступила ко мне новая и интересная информация из областного нашего центра, города Кемерово, из литературного клуба «СЛОВО», от его руководителя Н.Я. Кудрявцевой-Кузнецовой. Оказывается, в областном Центре «не на жизнь, а на смерть» «схватились» между собой «профессиональные» литераторы с «любителями».

...18 марта 2025 года в литературном клубе «СЛОВО», сообщает Надежда Яковлевна, было проведено очередное заседание, на котором были рассмотрены публикации о событиях и участниках боевых действий на фронтах Специальной Военной Операции (СВО) в областном литературно-художественном журнале «Огни Кузбасса» (№ 5 и № 6 за 2024 год), в которых опубликован ещё один литературный «шедевр» с названием «Дневник добровольца», автором которого является Дмитрий Артис, участник СВО, живущий в Подмосковье (в Домодедово).

Очень «интересно», с точки зрения членов литературного клуба «СЛОВО», показывает автор в своём объёмном «Дневнике...» современные наши военные события и их героев (в номере 6, на страницах 4-49). В самом начале «увлекательного» повествования (на странице 4) автор сообщает: «...Сбегали в самоволку, взяли водки и нажрались. Слово за слово... Поссорились! Один схватил ручной пулемёт, выбежал на улицу и начал стрелять по бараку, в котором только что пил. Его сняли короткой очередью из автомата. ЗАТРЁХСОТИЛИ!..».

«Это о чём? О ком? О Героях СВО? О защитниках нашей Родины?» – с недоумением спрашивают и говорят «непрофессиональные» литераторы из литературного клуба «СЛОВО».

Читаем далее (страницы 21-23): «...Проверка – заловили с алкоголем, с предупреждением увели... «Прочерк» (позывной) просидел в яме.., оружие забрали... Вернули, словно оторванный член прирастили...»

(Страница 49): «...Повоевали, домой поехали, дембеля!.. Взяли такси. «Прочерк» созвонился с «Сургутом», который снял на сутки квартиру, пошёл к нему... С утра позвонил «Прочерку», днём позвонил «Сургуту»: «Прочерк» – «двести», я повёз его домой».

– Напился, что ли, «Сургут?», «Прочерк» тоже пьяный, он спит?

Ответили: «Прочерка» в Тамбове похоронили с флагом и салютом, как настоящего воина!.. А на деле?»

Зачем, зачем публиковать такие «Дневники»..? Какая от них польза, какая у них цель?! Это что? Описание ПОДВИГА или ДИСКРЕДИТАЦИЯ СВО? Представление в областном литературном журнале «Огни Кузбасса» героев или подонков, кто ответит за такое? При этом есть ведь и достойные разработки кузбасских литераторов, в том числе и членов кемеровского литературного клуба «СЛОВО». К примеру, очерки полковника МВД в отставке Анатолия Макаровича Бугайца: и об Афганистане, и о Чечне; есть разработки майора МВД в отставке Александра Иосифовича Формулевича о Героях России в СВО: Петре Петровиче Шевелёве, Константине Анатольевиче Огие; есть разработки и Н.Я. Кудрявцевой-Кузнецовой – очерк и стихи об её отце, солдате Великой Победы, Якове Яковлевиче Козулине и его братьях, погибших на фронтах ВОВ; есть материалы и других кузбасских авторов... При этом в нашем областном литературно-художественном журнале опубликованы разработки авторов из Домодедово, Краснодара, Балашихи и Бийска (семь авторов и их произведения)! В приложении журнала помещена фотография участников отчётно-выборного собрания Союза писателей Кузбасса, при такой армии поэтов и прозаиков Кузбасса, членов СПР, зачем ещё семь некузбасских авторов?

«Поэтому мы вновь и вновь повторяем, – говорится далее в письме из кемеровского литературного клуба «СЛОВО», – зачем такие публикации, какая их ЦЕЛЬ? Настоящие ли это участники СВО – защитники нашей Великой Родины России или вымышленные?

Нас очень удивляет крайнее отсутствие профессионализма у главного редактора журнала Мурзина Д.В. Оттого считаем, что его нужно отстранить от руководства журналом (поскольку это чревато последствиями) и объявить конкурс на замещение этой должности достойным человеком, журналистом и писателем!

P.S.: В последнее время я плотно работаю над вторым томом своей книги «Русские всполохи» – много чего узнал нового, ранее не известного мне, в том числе: проработал тему германско-гитлеровского расизма (нацизма) и итальянского фашизма...

Под их «светом» вышеоговоренные мысли о делении литераторов нашей области на «настоящих» и «ненастоящих», тем более, по возрастному цензу, в произведениях наших литераторов и на страницах наших литературных изданий видятся мне не только как попытки насаждения в головы наших современников чувств отвращения к своей Родине, но и как литературный фашизм! И не иначе!

Отчего и говорю своим коллегам-журналистам и писателям-«профессионалам»: «Смотрите, «ребята», с огнём играете!».

И самое последнее моё пожелание и видение: в Кузбассе должен быть создан настоящий «Союз писателей Кузбасса», в объёме и масштабах, указанных в книгах «Литературных Антологий...», разработанных и изданных в 2022-м и 2023 годах Н.Я. Кудрявцевой-Кузнецовой и Домом искусств Кузбасса! А не тот «литературный уродец», который существовал до сих пор, который и ныне существует и обозначается на сайтах Кузбасской областной писательской организации СПР/СПК.

Анатолий Гуляев, главный редактор и издатель ЛХГА «Усятская россыпь», член Союза журналистов России.
Кузбасс – город Прокопьевск. 29.03.2025 г.

Литературная жизнь Кузбасса

В прошедшем 2024 году, как и в предыдущие годы, литературная жизнь в нашей области и Южно-Кузбасском регионе проходила в основном в вялотекущем, обычном режиме, хотя произошли и некоторые значимые, возможно, и знаковые изменения, о чём речь пойдёт ниже.

В Прокопьевске три литературно-поэтических клуба собирались ежемесячно на собрания и клубные мероприятия.

Вдохновенцы (руководитель Руденко Л.Г.) собирались в последнее воскресенье месяца – то на базе клуба «Семейного досуга» центральной городской библиотеки Прокопьевска, то в сельском клубе посёлка Новостройка Прокопьевского района.

Маяковцы (руководитель Дина Нагорнова (Сабынина) собирались во вторую субботу месяца на базе библиотеки ДК «Ясная поляна».

СЛП «Кузнецкий родник» (руководитель Лукьянова Л.П.) в каждое третье воскресенье месяца собирался в помещении ветеранов женсовета города, в помещении Дома общественных организаций города Прокопьевска (ДОО).

И хотя большинство посетителей литературно-поэтических объединений и клубов в большинстве своём одни и те же люди, тем не менее, руководители каждого городского литературно-поэтического объединения (клуба) старались проводить встречи своих кружковцев по своим планам и интересам. При этом каких-то важных, знаковых мероприятий и событий в работе прокопьевских литературно-поэтических объединений (клубов) не было.

В Новокузнецке в прошедшем году продолжала оставаться заметной работа образованного в 2020 году «Литературного Южно-Кузбасского Союза» (ЛЮКС), который объединил поэтов и литераторов городов Южного Кузбасса. Бессменным руководителем «ЛЮКСа» многие годы является Палаткина Н.В.

В библиотеке имени Н.В. Гоголя прошёл 9-й межрегиональный фестиваль конкурс поэзии «Кузбасский зимородок», посвящённый году памяти и славы. Ежегодно он проводится по инициативе новокузнецкого литературного объединения «Творческая шкатулка» под руководством Натальи Палаткиной.

На нынешнем «Кузбасском зимородке» было объявлено о рождении нового общественного объединения – литературного Южно-Кузбасского союза, «ЛЮКСа», в планах которого – общение с поэтическими кругами других регионов, обмен делегациями, составление карты культурных мероприятий региона.

По мнению организаторов фестиваля, «ЛЮКС» становится силой, на которую не могут не обратить внимания даже областные власти. Все вместе, объединившись, а не существуя разрозненными группами, его участники ставят перед собой цель – повысить уровень культуры, сделать её главенствующей в человеческих отношениях.

Создание нового литературного союза, действительно, было замечено в области. Этот фестиваль, в отличие от прочих, был отмечен вниманием Кемеровского отделения Союза писателей России под руководством Бориса Бурмистрова. Победители награждались дипломами, литературными сборниками «Огни Кузбасса» разных лет. Помимо этого, призовой фонд для конкурса образовал Юрий Скворцов, заместитель председателя Законодательного Собрания Кузбасса.

Заметным мероприятием люксовцев в прошедшем году стало проведённое ими мероприятие, посвящённое СВО.

Безусловно, знаковыми мероприятиями в жизни областного литературного сообщества явились смены (перевыборы) руководителей как областного отделения Союза писателей России, так и руководителя областного литературно-художественного журнала «Огни Кузбасса».

Первого апреля 2024 года сложил полномочия главного редактора областного литературно-художественного журнала «Огни Кузбасса» Донбай С.Л., 20 лет занимавший эту должность.

Первоначально всем подумалось, что это «первоапрельская шутка» Сергея Лаврентьевича. Но, как оказалось, всерьёз! Новым главредом Кузбасских «Огней» стал ответственный секретарь журнала Мурзин Д.В.

В конце ноября 2024 года на отчётно-выборном собрании был переизбран председатель правления областного отделения СП РФ Бурмистров Б.В. Но прошло всё не так гладко, как в «Огнях».

Новым председателем правления областного отделения СП РФ был избран Дорофеев Виталий Валерьевич, которого в недавнем прошлом не хотели принимать в члены Союза писателей РФ. Противниками, в основном, стали руководители «Огней Кузбасса» и примкнувший к ним руководитель молодёжного крыла областной писательской

элиты, немолодой уже «кольчугинский партизан» Дмитрий Филиппенко, вероятно, видевший себя в кресле председателя Кемеровского отделения СП РФ, но не получилось!

Возникшая «драчка» в рядах правления Кемеровского отделения СП РФ выплеснулась и на страницы российских литературных газет.

В общем, событие неприятное и недостойное, тем более для уважаемых (увешанных медалями и почётными званиями) кемеровских мэтров словесности. «Драчка» возникла между сторонниками Иосифа Куралова (члена правления областного отделения СП РФ), выдвинувшего Дорофеева В.В. в члены СП РФ, и группой «огнистов».

Вот что пишет об этом в своих комментариях Галина Старостина: «Поражало меня то, что в местном отделении СП РФ группа, которую я назвала серпентарием единоумышленников, «грудью легла», как Матросов на амбразуру, с лозунгом «Не пущать!» Дорофеева в СП. Было странно, даже дико: участник СВО, автор талантливых стихов и драматург, по мнению этих людей, не был достоин стать членом СПР?!

А когда я ознакомилась с «творчеством» некоторых, с позволения сказать «поэтов», противостоящих И. Куралову, рекомендовавшего Виталия в Союз, то поняла, что членство поэта Дорофеева будет честью для Кемеровского отделения СПР.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОБЕДИЛА!

Единоумышленники повержены и, надеюсь, будут посрамлены.

Всем сердцем желаю Виталию Дорофееву успехов в творчестве, сил и мужества в противостоянии косности и застою, царящим в Кемеровском СП РФ.

Да здравствует правда!

24.03.2024 года».

Правда восторжествовала и на отчётно-перевыборном собрании Кемеровского отделения СП РФ, прошедшем под занавес ноября 2024 года, на котором Дорофеев В.В. был избран председателем правления Кемеровского отделения СП РФ. Справедливости ради хочется сказать, что сейчас мы пока не знаем вновь избранного руководителя областной писательской организации СПР (областного представительства Союза писателей России) как писателя или поэта. Его уровень – уровень начинающего поэта и прозаика в сравнении с Бурмистровым Б.В., который, несмотря на все недостатки в его работе как руководителя областной писательской организации, является большим и настоящим поэтом! Сможет ли Виталий

Валерьевич достичь такого уровня в своей литературно-творческой работе, время покажет. Сможет ли он добиться того, чтобы областная общественная писательская организация, подчёркиваю, общественная писательская организация, поднялась в своей работе до значимых успехов в литературно-творческом плане, а также достичь стабильной рентабельности?

Иначе вся, безусловно, большая проделанная работа в ней будет ни чем иным, как топтанием на месте, что явно наблюдалось в последние годы «бурмистровского» правления, если можно так сказать.

Отдельно хотелось бы поговорить и о принципах, или методах приёма в бывшую «бурмистровскую» писательскую организацию по оставленным воспоминаниям знакомых мне кандидатов в члены СПР.

Виктор Иванович Савинков (лучший прокопьевский поэт в настоящее время) рассказывал, что его так «измочалили» на заседании правления Кемеровского отделения СПР, показывая, что он, как поэт, никто. От этого у него на некоторое время отпало желание не только быть поэтом, но и вообще брать в руки ручку или карандаш.

Приблизительно такое же воспоминание осталось о собеседовании на том же правлении и у Сергея Гнездилова, молодого, но зрелого и хорошего прокопьевского поэта.

«Мы очень строго относились к приёму очередных членов в Союз писателей России», – не дословно, но, по сути так, не без гордости говорил Бурмистров Б.В. в одной из статей публицистической книги «Расчехлённое перо». При этом известный прокопьевский член СПР Анохин М П. оставил такое воспоминание о своём вступлении в СПР, опять же не дословно, но по сути: «Главное в этом деле – поляну накрыть и хорошенько угостить всех членов правления», – что тоже, наверняка, соответствует действительности.

Зачем тогда вести разговоры «о строгости» при приёме желающих вступить в СПР? Чего стоит не приём в члены СПР кемеровчанки, руководителя литературного клуба «Слово» Кудрявцевой-Кузнецовой Н.Я., которая по случаю своего не приёма в члены СПР даже судилась с правлением, и решение суда было на её стороне. Тем не менее, приём её в члены СПР и поныне не состоялся. Ну, ладно, если созданные ею произведения и выпущенные книги «никчёмные», так нет же – «Антология самобытной поэзии Кузбасса», придуманная ею и выпущенная в 2022 году, очень нужная и ценная книга не только по содержанию, но и идее – объединения в единое целое всех самобытных литературных клубов области. К чему, собственно говоря, и должно стремиться литературное руководство области, возможно, и не только литературное руководство.

И в более близкие к нам времена вопросы приёма в члены СПР в Кузбассе тоже имели место быть. К примеру, упомянутый выше «кольчугинский партизан» членом СПР стал, получив лауреатское звание на устроенном им в своём городе фестивальчике в обход областного писательского правления СПР. Что тоже порождает вопросы. Что, к слову говоря, во времена моей воинской службы в офицерской среде не приветствовалось и строго каралось командованием.

Понятно, что в нынешние времена в наших рядах порядки иные, и так делать, видимо, можно, и не приём в члены СПР участника СВО в нашей областной писательской организации – дело обычное. А уж тем более избрание на должность руководителя областной писательской организации СПР начинающего писателя, это тоже, наверное, пережиток «бурмистровской» литературной эпохи Кузбасса. Поэтому, дай Бог, чтобы писательско-литературные дела в нашей области пошли на подъём и чтобы я в своих суждениях оказался неправым.

Поэтому хочется напомнить коллегам, как это делалось в литературной среде «до нашей эры». В дошедшей до нас информации, Ф.М. Достоевский, работая ещё над своим первым романом «Бедные люди», показал рукопись Белинскому, русскому критику высшего уровня того времени, Белинский сообщил об этом Некрасову, ведущему русскому поэту того времени и издателю литературного журнала «Современник». Оба великих русских литератора сразу же высоко оценили первенца будущего великого русского писателя мирового значения. То же самое можно сказать и о первой литературной пробе Л.Н. Толстого в вопросе публикации в «Современнике» первого его рассказа «Детство», который положительно оценил Н.А. Некрасов.

Я не думаю, что произведения начинающих русских писателей того времени (Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого) были значительно выше по литературному уровню, чем произведения современных наших писателей (наши произведения). Безусловно и то, что в прошлом отношение критиков (литераторов более высокого уровня) к произведениям начинающих писателей было более благосклонно (более лояльно), чем у сегодняшних. Чиновничье чванство в писательских кругах недопустимо! Размышления о том, как должно проводиться пополнение и обновление членства областной писательской организации, я изложил в статье «Разделяй и властвуй!».

Виталий Валерьевич Дорофеев родился 29 марта 1974 года в городе Кемерово; в 1991 году окончил кемеровскую среднюю общеобразовательную школу № 40; в 2003 году окончил МГУ имени Ломоносова (финансовый менеджмент, антикризисное управление).

С 1993-го по 2009 годы проживал в Москве, с 2009 года по настоящее время живёт в городе Кемерово, член политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду!».

С началом СВО несколько раз ездил волонтёром в ДНР и ЛНР вместе со своими товарищами по политической партии, привозил для бойцов СВО гостинцы, собранные в Кузбассе.

Бывая на передовой, выступал перед бойцами СВО, читал им свои стихи. Во время остановок по пути следования выступал в городах и посёлках, читал свои стихи населению, встречавшему кузбассовцев, выступал в госпиталях перед ранеными бойцами.

В городе Донецке провёл творческую встречу с бойцами «Спарты» на территории Донецкого аэропорта.

В Пантелеймоновке и Ясиноватой (ДНР) встречался с бойцами бригады особого назначения «Кальмиус»; организовывал и проводил концерты для раненых военнослужащих и добровольцев РФ в военных госпиталях города Кременная (ЛНР) и в других местах.

Стихи В.В. Дорофеева об СВО: «Я вернусь, я тебе обещаю», «Дух России», «Солнцепёк» и другие публиковались в коллективных поэтических сборниках, в альманахе «Иная среда».

В 2022 году вышел сборник стихов В.В. Дорофеева «Боги переднего края». Стихи, вошедшие в сборник, посвящены событиям СВО, фактически, это летопись реальных историй, реальных людей, которые на войне стали братьями и были готовы на всё ради спасения товарища. За сборник стихов «Боги переднего края» В.В. Дорофеев награждён администрацией Кузбасса медалью имени Николая Масолова.

Этот первый и единственный пока сборник Виталий Дорофеев отправил своим товарищам и друзьям на передовую и в военные госпитали.

Свою гражданскую и общечеловеческую позицию Виталий Дорофеев называет «Манифестом русского мира».

Событиям СВО посвящена и пьеса Виталия Дорофеева «Позывной – «Кузбасс», написанная им в соавторстве с кузбасским писателем Алексеем Поселеновым. В пьесе рассказывается о человеке, родившемся и выросшем в Кузбассе и отправившемся добровольцем в зону СВО с позывным «Кузбасс». Прототип главного персонажа пьесы в настоящее время служит в должности командира добровольческого батальона «Медведи». В его батальоне находятся люди, вызывающие искреннее восхищение авторов произведения: офицеры, рядовые бойцы, медсёстры, мирные жители фронтовой полосы – и у каждого из них свои причины принимать участие в боевых действиях СВО, и у каждого из них одно главное желание – быстрее очистить русскую землю от фашизма, покончить с ним навсегда!

В июле 2023 года Виталий Дорофеев добровольцем вступил в ряды ВС РФ, в 49 лет он подписал контракт и служил в диверсионно-разведывательном батальоне «Родня» с позывным «Тагар».

И немного о делах Альманаха: в прошедшем 2024 году мне как редактору «Усятской россыпи» пришлось серьёзно понервничать и попережи-вать, поскольку «получил по морде» от Роскомнадзора за своё литературное увлечение и творчество, которое на все сто процентов делается на сбережения от моей полковничьей пенсии и заработной платы авиатехника аэропорта города Новокузнецка. Дело в том, что я не отследил, как положено, и не отреагировал на изменения «Закона РФ о СМИ» 1994 года об отправке «обязательных экземпляров» вновь вышедшего в апреле 2024 года очередного 21-го номера Альманаха в два московских адреса. За что дважды, как учредитель Альманаха и как издатель, вызывался в суд и заслушивался мировым судьёй по «административному делу» о правонарушении. И хотя, мягко выражаясь, судья лишь погрозила мне пальчиком и сказала, чтоб я не делал больше так, тем не менее, процедура эта была неприятной. Но, как говорится, закон есть закон. Его нужно выполнять. Незнание же закона, как всем нам известно, от ответственности не освобождает никого. В том числе и меня, несмотря на то, что всё это делается за мой личный счёт, как было уже сказано, и несмотря на то, что половину тиражей 20-го и 21-го номеров Альманаха я отправил на передовую СВО (через Кемеровское отделение Народного фронта РФ). К 21-му номеру добавил тридцать экземпляров своих книг «Русские всполохи» (том первый – «Гражданская война») в качестве добровольной помощи бойцам СВО (как моей личной, так и моих помощников) для скорейшей победы над нашим общим врагом! Что будет сделано и с этим выпуском.

Сергей ГРИНБЕРГ

Стихи на стенах Лейдена

Однажды ВКонтакте внимание привлёк броский заголовок: «Стихотворение Хлебникова в Голландии». Тут же фотография – четверостишье Велимира Хлебникова, написанное (с двумя пропущенными буквами) на стене дома в голландском городе Лейдене.

Пояснения к фотографии и небольшой поиск в Google помогли выяснить следующие любопытные вещи.

Нидерландский Лейден известен как город каналов. В Лейдене находится один из самых старых университетов Европы, основанный в 1575 году. Это город, где родился Рембрандт.

Ещё одной достопримечательностью города стали стены зданий, расписанные поэтическими строками авторов из разных стран.

В 1989 году группой бельгийских и нидерландских деятелей искусства было основано общество Tegen-Beeld. В 1992 году по их инициативе был начат культурный проект «Wall Poems» – «Стихи на стенах». Активисты общества, не дожидаясь разрешения городских властей, нанесли на стену одного из городских домов стихотворение Марины Цветаевой «Моим стихам...» (русский текст).

После второго, нелегально нанесённого на стену стихотворения, муниципалитет Лейдена одобрил проект. В течение следующих 13 лет на стенах городских домов появилась ещё сотня стихов разных авторов. Все тексты приводятся на языке оригинала, иногда с голландским подстрочником.

Проект «Wall Poems» официально завершился в 2005 году, когда в Лейдене на стене появилось 101 стихотворение, им стало De Profundis испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки.

Однако проект живёт и после официального завершения: на стенах города 114 стихотворений, и они продолжают появляться. Есть сайт, где представлены переводы всех стихов на английский и нидерландский языки, информация об авторах, поэтические маршруты по городу и т.д.

В этой настенной поэзии пять стихов на русском языке. Кроме упомянутых стихотворений В. Хлебникова и М. Цветаевой, есть «Муза» А. Ахматовой, «Ленинград» О. Мандельштама и «Ночь, улица, фонарь, аптека...» А. Блока.

Почему же именно стихотворение Хлебникова напомнило о Руслане? Дело в том, что Руслан был хорошо знаком с творчеством Велимира Хлебникова. Более того, в списке любимых стихов Руслана, который он составлял в 2010 году (или несколько позже), мы видим то самое стихотворение В. Хлебникова, которое авторы проекта «Wall Poems» нанесли на стену лейденского дома.

Смысл четверостишья не поддаётся простому толкованию. Известный литературовед Олег Лекманов, например, считает, что поэт здесь говорит о том, что всё в мире умирает и исчезает бесследно – кони, травы, солнце. Только люди, уходя, оставляют память о себе – о них поют песни.

В одном из ранних стихотворений Руслана встречаются «отголоски» творчества В. Хлебникова:

***

Мне так не хочется на бой,
«...туда – на жизнь, на торг, на рынок...».
Единства, а не поединка,
Согласия с самим собой.

Пусть впереди не всё темно –
Урод живёт противу правил –
Мне хочется немых кино
И чёрно-белых фотографий.

Вторая строчка в этом раннем стихотворении Руслана – это цитата из четверостишья В. Хлебникова:

***

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!
1914г.

В другом раннем стихотворении Руслана упоминается «Маленький Хлебников на коленях» – сборник В. Хлебникова:

***

В комнатке печка для тепла.
В кухоньке для пищи – плитка.
Дача. Маленькою Меккою была.
Никто не придёт, не скрипнет калитка
Ржавым суставом. Покой. Один.
Маленький Хлебников на коленях.
Сам себя сюда приводил,
Сдавался в плен лени.
Слушал, как падают звёзды.
Входил в одну реку дважды.
Пил настоящий воздух,
Не утоливший жажды.
В общем жил.
Да, жил!

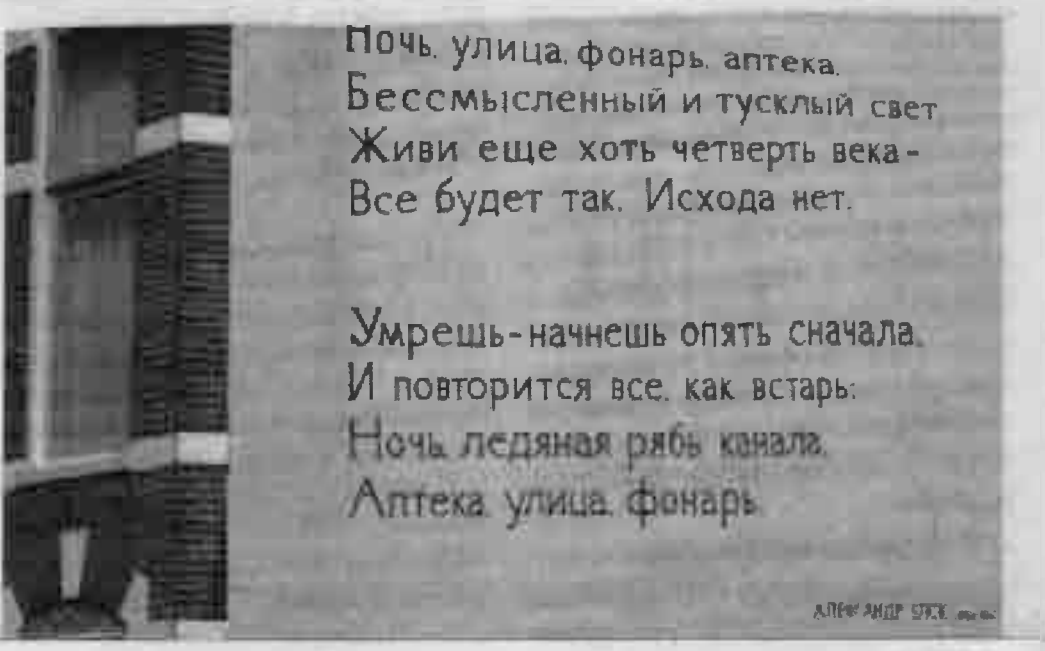
Это первое стихотворение в цикле стихов, написанных в 1994 году. (Напомним, Руслан, по его словам, начал писать стихи в двадцать два года, то есть примерно в 1990 году). И уже тогда он знал творчество Велимира Хлебникова. А позже, в 2010 году, он записал четверостишье Хлебникова в список любимых стихов.

Трудно было предположить, что в далёкой Голландии что-то напомнит о Руслане. Но поэзия иногда творит невозможное. Стихотворение Велимира Хлебникова привлекло внимание сибирского поэта и авторов культурного проекта «Wall Poems» – «Стихи на стенах». Оно записано в черновике Руслана и на стене лейденского дома.

Если кому-то удастся посетить Лейден, трудно будет отказать себе в удовольствии посмотреть на стены тех пяти зданий, где написаны стихи наших соотечественников. Вот их адреса:

– «Моим стихам...» Марины Цветаевой. Nieuwsteeg 1;
– «Ночь, улица, фонарь, аптека» Александра Блока. Thorbeckestraat 52;
– «Когда умирают кони...» Велимира Хлебникова. Apothekersdijk 26;
– «Ленинград» Осипа Мандельштама. Haagweg 29;
– «Муза» Анны Ахматовой. Johan de Wittstraat 57.

PS/ Лейденский проект вдохновил многих россиян, хотя в большинстве случаев попытки повторить его на улицах российских городов трактуются как вандализм. Официально существуют только стихи на стене музея Анны Ахматовой в Санкт-Петербурге. Стихи поэта по прозвищу Вьюго на стенах Иркутска регулярно закрашивают, впрочем, они пока не являются классикой, это, скорее, такой же способ донести свои стихи до чужих глаз и ушей, как и бегать за людьми с тетрадочкой, как делают многие безвестные поэты. В основном стихи закрашивают вскоре после появления.

В Самаре и Тольятти на стенах можно обнаружить стихи классиков, перенесённые туда при помощи обычного чёрного маркера неизвестными энтузиастами. А в 2015 году прошёл всероссийский конкурс граффити со стихами или строками из прозаических произведений на стенах городов. В конкурсе участвовали официальные организации, вроде библиотек и музеев. Победительницей стала художница Александра Суворова, оформившая дом 27 на московской улице Шмитовский проезд цитатой из книги «Географ глобус пропил».

Источник - kulturologia.ru